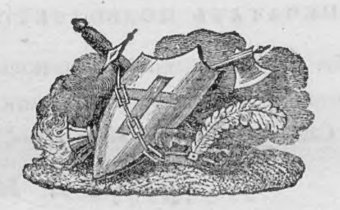

Грав. Николай Уткинъ Профессоръ И. А. Х. 1834 года.

СКАЗАНІЯ
СОВРЕМЕННИКОВЪ
О
ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

ЧАСТЬ IV.

ДНЕВНИКЪ МАРИНЫ МНИШЕКЪ
И
ПОСЛОВЪ ПОЛЬСКИХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.
1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра сей книги.

Санктпетербургъ, Маія 2 дня, 1834 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

Въ 1831 году приступивъ къ изданію въ свѣтъ *Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ*, я зналъ, что помѣщенныя въ семъ собраніи записки Бера, Паерле, Маржерета и Де-Ту, не могутъ вполнѣ объяснить эпоху Самозванцевъ и что для разрѣшенія многихъ загадочныхъ событій оной, необходимо знакомство съ современными памятниками Литературы Польской. Кто могъ лучше знать Самозванцевъ, еже-ли не Поляки? Они приводили къ намъ сихъ злодѣевъ, стояли за нихъ грудью, были ихъ совѣтниками и любимцами. Но сказанія Поляковъ очевидцевъ остались большею частію въ рукописяхъ, разсѣянныхъ по разнымъ библіотекамъ, куда, при всѣхъ усиліяхъ, долго не имѣлъ я доступа, доколѣ случай не помогъ мнѣ: благодаря содѣйствію людей просвѣщенныхъ, я успѣлъ наконецъ пріобрѣсть нѣсколько Польскихъ рукописей и рѣдкихъ печатныхъ книгъ, относящихся къ эпохѣ Самозванцевъ. Онѣ такъ любопытны, что скрывать ихъ отъ любознанія Публики, награждающей столь лестнымъ уча-

стіемъ мои усердные труды, было бы съ моей стороны тѣмъ болѣе непростительно, что наша лѣность была виною утраты уже многихъ Историческихъ сокровищъ. Страшно подумать, чего можетъ лишиться Русская Исторія, если мы будемъ столь же нерадивы къ ея памятникамъ, какъ были доселѣ!..

Не желая заслужить подобной укоризны и въ то же время надѣясь составить по возможности полное собраніе матеріаловъ для Исторіи *Смутнаго времени*, я рѣшился издать еще нѣсколько томовъ любопытнѣйшихъ записокъ о сей эпохѣ, въ видѣ дополненія къ напечатаннымъ мною въ 1831 и 1832 годахъ тремъ томамъ Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. Число ихъ будетъ зависѣть отъ досуга и обстоятельствъ.

Въ семъ четвертомъ томѣ заключаются переводы двухъ Польскихъ рукописей, сообщенныхъ мнѣ однимъ почтеннымъ любителемъ Отечественной Исторіи, изъ манускриптовъ ученаго Албетранди. Обѣ рукописи содержатъ ежедневныя замѣчанія двухъ неизвѣстныхъ Поляковъ, изъ коихъ одинъ находился въ свитѣ Марины Мнишекъ, а другой при Послахъ Польскихъ,

Олесницкомъ и Гонсѣвскомъ. Дневникъ перваго идетъ до конца 1607 года, а втораго до 15 Іюня 1606. Сіи дневники, описывая путешествіе Марины въ Москву, послѣдніе дни царствованія Лжедимитрія, низверженіе его, гибель Поляковъ, и плѣнъ Марины, имѣютъ именно тѣ достоинства, которыя требуются отъ сочиненій подобнаго рода: наблюдатели разсказываютъ просто, день за день, что они *сами* видѣли; отъ сего показанія ихъ, за исключеніемъ двухъ нелѣпыхъ басней, въ высшей степени достовѣрны и любопытны; въ особенности они весьма занимательно описали переговоры Лжедимитрія съ Послами Польскими, приводя неоднократно акты офиціальные и рѣчи Пословъ, изъ коихъ мы узнаемъ много новаго.

Въ переводѣ этихъ рукописей я руководствовался тѣми же правилами, кои наблюдалъ издавая въ свѣтъ записки Бера, Паерле, Маржерета и Де-Ту: т. е. старался передать подлинникъ со всѣми оттѣнками смысла и слога, не исключая ни одной идеи и объясняя въ примѣчаніяхъ извѣстія темныя или невѣрныя, коихъ впрочемъ не много. За вѣрность моего перевода я тѣмъ болѣе могу поручиться, что онъ

совершенно согласенъ, исключая не многихъ мѣстъ, съ буквальнымъ переложеніемъ сихъ же рукописей, сообщеннымъ мнѣ изъ библіотеки Н. М. Карамзина, достойною супругою незабвеннаго Исторіографа.

Приложенный къ сему тому портретъ Марины Мнишекъ взятъ изъ 2 части Dzieie panowania Zygmunta III, przez J. U. Niemcewicza; а подпись ея снята съ fac-simile, находящагося въ Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ.

Николай Устряловъ.

18 Марта,
1834.

ДНЕВНИКЪ

МАРИНЫ МНИШЕКЪ,

съ 1605 года по 1608.

Переводъ съ Польской рукописи.

ДНЕВНИКЪ

ПУТЕШЕСТВІЯ МАРИНЫ ВЪ МОСКВУ

И

ПРЕБЫВАНІЯ ПОЛЯКОВЪ ВЪ РОССІИ,

съ 1605 года по 1608. [1])

ГЛАВА I.

Правленіе Ѳеодора Іоанновича. Борисъ Годуновъ. Спасеніе Царевича Димитрія отъ смерти Докторомъ. Димитрій удаляется въ Польшу. Идетъ на Россію. Быстрые успѣхи. Покореніе крѣпостей. Неудачи. Смерть Бориса и гибель семейства его. Коронованіе Димитрія. Посольство Власьева. Переговоры о сватовствѣ. Дары Царскіе. Путешествіе Марины. Свита ея. Дорога Московская. Свиданіе Мнишка съ Димитріемъ. Пиры. Въѣздъ Марины въ Москву. Рѣчь Стадницкаго. Споры о титулѣ Цесарскомъ. Коронованіе Марины. Свадьба. Возстаніе Москвы. Смерть Димитрія. Побіеніе Поляковъ.

Димитрій Іоанновичъ, сынъ Царя Іоанна Васильевича, осиротѣвъ еще въ младенчествѣ, воспитывался по волѣ брата своего, Ѳеодора Іоанновича, Государя Московскаго, въ Княжествѣ

Углицкомъ; при немъ было нѣсколько Московскихъ дворянъ съ отрядомъ тѣлохранителей. Царь Ѳеодоръ жилъ постоянно въ Москвѣ, не зналъ никакихъ заботъ, мало занимался правленіемъ; болѣе всего любилъ посѣщать монастыри и бесѣдовать съ монахами. Государствомъ же управлялъ Конюшій его Борисъ Годуновъ, который, видя слабость Царскаго здоровья и малолѣтство Димитрія, рѣшился погубить обоихъ, чтобы самому взойти на престолъ. Прежде всего онъ хотѣлъ умертвить невинное дитя, Царевича, и сей умыселъ поручилъ исполнить надежнымъ клевретамъ, пославъ имъ приказаніе въ Угличъ, находящійся отъ Москвы въ нѣкоторомъ разстояніи. При Царевичѣ былъ Докторъ, родомъ Волохъ [2]; свѣдавъ о зломъ умыслѣ, онъ принялъ для спасенія Царскаго отрока слѣдующія мѣры: нашелъ мальчика, похожаго на Димитрія, и велѣлъ ему быть безотлучно при Царевичѣ, даже спать на одной постелѣ. Когда же мальчикъ засыпалъ, осторожный Докторъ переносилъ Димитрія на другую постель. Такъ прошло не мало времени. Злодѣи, нетерпѣливо желая исполнить замыселъ, ворвались во дворецъ, нашли Царевичеву спальню, убили мальчика, лежавшаго въ постели, и унесли трупъ. Въ городѣ сдѣлалась тревога: немедленно послали въ погоню за убійцами; нѣсколько десятковъ ихъ умертвили, а тѣло отняли [3].

Докторъ, зная сколь безпеченъ Царь Өеодоръ и сколь сильна власть Борисова, для спасенія Царевича отъ неминуемой смерти, вывелъ его тайно изъ Углича и бѣжалъ съ нимъ къ Ледовитому морю, гдѣ до самой смерти своей выдавалъ его за простаго мальчика. Предъ концемъ жизни, онъ совѣтовалъ Димитрію — не открывать о себѣ до совершеннаго возраста и постричься въ монахи: что и было исполнено. Между тѣмъ Конюшій Борисъ, увѣривъ Царя Өеодора, что Димитрій скончался отъ удара, въ падучей болѣзни, велѣлъ казнить находившихся при Царевичѣ служителей, чтобы скрыть слѣды своего предательства. Өеодоръ хотѣлъ привезти въ Москву тѣло своего брата и похоронить оное съ честію; но Борисъ убѣдилъ его оставить сіе намѣреніе, сказавъ, что вмѣстѣ съ тѣломъ занесена будетъ зараза въ столицу. И такъ мнимаго Царевича похоронили въ Угличѣ. Наконецъ Борисъ отравилъ ядомъ самого Өеодора и овладѣлъ престоломъ.

Царевичъ Димитрій, скрываясь въ одеждѣ инока, достигъ зрѣлыхъ лѣтъ, и изъ монастыря своего перешелъ въ другой, ближайшій къ столицѣ, потомъ въ третій, и такъ далѣе; напослѣдокъ, ни кѣмъ не знаемый, явился въ Москву, гдѣ предъ глазами самого Бориса, нѣсколько времени находился въ палатахъ Патріаршихъ. Здѣсь онъ еще никому не смѣлъ открыться и

отправился въ Польшу; училъ тамъ довольно долго дѣтей какого-то Шляхтича, а отъ него перешелъ въ Бражню, мѣстечко Князя Адама Вишневецкаго [4]), и тутъ впервые открылъ свое званіе Игумну, который сказалъ о томъ Князю. Князь призвалъ къ себѣ Царевича, тщательно распросилъ его обо всемъ, чтобы удостовѣриться, точно ли онъ наслѣдникъ Московскаго престола, и убѣжденный въ этой истинѣ, снялъ съ него монашескую одежду, замѣнивъ ее богатымъ Польскимъ платьемъ; въ послѣдствіи явился съ нимъ къ Князю Константину Вишневецкому, зятю Воеводы Сендомирскаго [5]). Князь Константинъ представилъ Димитрія Пану Воеводѣ, а Панъ Воевода Его Королевскому Величеству въ Краковѣ; по возвращеніи же оттуда, отправился съ Царевичемъ въ походъ и повелъ его въ Москву съ нѣсколькими тысячами войска.

1605. Во время сего похода, наши взяли приступомъ пограничную крѣпость, Морависко, которую чернь сдала Царевичу вмѣстѣ съ связанными Воеводами; отсюда пошли подъ Черниговъ, гдѣ жители также выдали Воеводъ и присягнули Царевичу. Послѣ того, наши подступили къ третьей Русской крѣпости, Новгородку, которую Стрѣльцы, числомъ до тысячи, обороняли упорно; осада сей крѣпости продолжалась восемь недѣль. Между тѣмъ 31 Декабря 1604 года подошло на помощь Русскимъ до 40.000 человѣкъ:

наши, при помощи Божіей, разбили ихъ [6]. Во 1605.
время отдыха послѣ сей битвы, прислано извѣстіе изъ города Путивля, (который можетъ выставить до 40.000 войска), о желаніи жителей его покориться Царевичу и сдать городъ: Путивльскіе Воеводы были приведены, связанные. Съ такимъ же предложеніемъ явились посланные изъ сильныхъ крѣпостей, Кромъ, Рыльска, Орла, Сѣвска, и многихъ другихъ: всѣ онѣ присягнули Царевичу, а Воеводъ заключили въ оковы. Димитрій, даровавъ градоначальникамъ милость, освободилъ ихъ отъ узъ [7]. Между тѣмъ Панъ Воевода заболѣлъ и для поправленія здоровья, рѣшился возвратиться въ отечество; воины же Польскіе, не стерпѣвъ стужи и разныхъ недостатковъ, возмутились и также отправились во свояси, оставивъ Димитрія съ немногими людьми и осьмью тысячами Запорожцевъ [8]. Не взявъ Новгородка, Димитрій съ своею малочисленною дружиною пошелъ въ волость Комаринскую, гдѣ встрѣтилъ высланное противъ него войско Борисово, сразился съ нимъ и проигралъ битву: виною сей неудачи были Запорожцы, которые безъ боя бѣжали отъ непріятеля [9].

Потерявъ сраженіе, Царевичъ спѣшилъ отступить къ Путивлю, гдѣ поджидалъ помощи отъ Пана Воеводы. Но прежде, чѣмъ успѣлъ Панъ Воевода подать ему помощь, Господь Богъ

1605. наказалъ Бориса скоропостижною смертью: принимая Датскаго Посла, онъ вдругъ упалъ съ престола и умеръ, истекая кровью, которая хлынула изъ носу, глазъ и ушей. Узнавъ о кончинѣ Годунова, войско его, числомъ до 170.000, послало къ Царевичу въ Кромы [10] свою присягу; многіе Дворяне Московскіе также пріѣхали къ нему, съ изъявленіемъ покорности. Видя сіе, приверженцы Борисовы выдали сына, жену и дочь его Димитрію. Сынъ Годунова, уважая Царевича, всѣми средствами убѣждалъ отца примириться съ нимъ, и говорилъ, что самъ Богъ свидѣтельствуетъ правоту Димитрія, который, не обнажая меча, овладѣлъ столь многими странами. Заключенная въ узы, вдова Борисова приготовила ядъ, и выпивъ стаканъ съ отравою, предложила его своему сыну, съ тѣмъ, чтобы онъ выпилъ за здоровье любимаго имъ Царевича, и поподчивалъ бы свою сестру. Сынъ исполнилъ волю матери и вмѣстѣ съ нею умеръ; дочь же, поднося отраву къ устамъ своимъ, замѣтила, что матери и брату ея стало дурно; посему не рѣшилась пить. При всемъ томъ самый запахъ яда такъ заразилъ ее, что она едва излечилась при помощи медиковъ [11]. Димитрій прибылъ въ Москву, и послалъ за своею матерью, не желая безъ нея короноваться; встрѣтилъ ее за городомъ и съ полмили шелъ пѣшкомъ со всею гвардіею, придерживаясь за под-

ножки ея кареты. Въ послѣдній день Іюля Царевичъ короновался. 1605.

Возсѣвъ на тронъ прародительскій, съ властію самодержавною, онъ спѣшилъ изъявить признательность Пану Воеводѣ Сендомирскому исполненіемъ своего обѣщанія вступить въ священный бракъ съ его дочерью Мариною; въ слѣдствіе сего, отправилъ въ Польшу Великаго Посла своего, Аѳанасія Власьева. Власьевъ прибылъ въ Краковъ 9 Ноября съ своею свитою, имѣя при себѣ нѣсколько сотъ лошадей. 11 числа привѣтствовали его Королевскіе сановники и другія особы. Посолъ остановился въ домѣ Пана Воеводы и вручилъ ему Царскіе подарки: 1) чернолисью шубу и шапку; 2) золотую чарку, осыпанную жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями; 3) булаву, оправленную золотомъ съ каменьями; 4) коня въ яблокахъ; сѣдло, арчакъ и узду, украшенныя золотомъ и каменьями; вмѣсто поводовъ — золотую цѣпь; 5) часы въ хрусталѣ съ золотою цѣпью; 6) два ножа; одинъ осыпанный алмазами, а другой разными дорогими каменьями; 7) два Персидскіе ковра, вышитые золотомъ; 8) шесть сороковъ самыхъ лучшихъ соболей; одного соболя и одну куницу живыхъ, и 9) три кречета.

14 Ноября, Посолъ имѣлъ торжественную у Короля аудіенцію; изъявивъ дружелюбіе своего Государя и желаніе его воевать со всякимъ

1605. врагомъ Польской короны, онъ въ то же время вручилъ Царскую грамоту. По окончаніи аудіенціи, представлены были Его Величеству самимъ Посломъ и сыномъ его слѣдующіе подарки: 12 сороковъ соболей, 8 лисицъ; брилліантовый перстень; лукъ, колчанъ и стрѣлы, оправленные золотомъ; три коня: одинъ Нагайскій съ сѣдломъ, другой подъ Персидскою попоною, третій подъ бархатною. Вручивъ подарки, Посолъ возвратился въ свою квартиру.

15 Ноября Панъ Воевода увеселялъ Русскихъ сановниковъ великолѣпнымъ баломъ (кромѣ Посла, который въ тотъ день былъ нездоровъ).

18 Ноября Посолъ вторично былъ во дворцѣ, гдѣ, въ присутствіи Пана Воеводы и всѣхъ Сенаторовъ, просилъ Его Величество о дочери Пана Воеводы, объявивъ, что онъ наиболѣе присланъ для сватовства, съ повелѣніемъ немедленно донести своему Государю о успѣхѣ сего порученія. Король изъявилъ свое согласіе.

19 Ноября дочь Пана Воеводы пріѣхала въ Краковъ.

22 Ноября Посолъ обручился съ нею. Того же дня былъ у Пана Воеводы балъ, на коемъ присутствовали Его Величество Король, съ сыномъ и дочерью, Ксензъ Кардиналъ Маціовскій, совершившій обрученіе, Ксензъ Легатъ, многіе Сенаторы и другія знатныя особы. Король, сынъ его и Царица были чрезвычайно веселы. Послѣ

обрученія, немедленно поднесены были подарки: 1605.
отъ Царской матери, Маріи Ѳеодоровны, образъ Св. Троицы, въ золотой ризѣ, осыпанной драгоцѣнными каменьями. Отъ Царя: корабль цѣною въ 60.000; чарка гіацинтовая, немного меньшей цѣны; большіе часы въ футлярѣ, удивительнаго устройства, съ трубачами и барабанщиками, которые трубили и барабанили по пробитіи каждаго часа; перстень съ большимъ алмазомъ; запона; большая птица, съ алмазами и рубинами; бокалъ червоннаго золота, съ дорогими каменьями; серебряный вызолоченный сосудъ превосходной работы; крылатый звѣрь, оправленный золотомъ и дорогими каменьями; драгоцѣнное изображеніе богини Діаны, сидящей на золотомъ оленѣ; серебряный пеликанъ, достающій свое сердце для птенцовъ своихъ; павлинъ съ золотыми искрами; нѣсколько жемчужинъ, величиною въ мускатный орѣхъ; множество нитокъ не столь крупнаго жемчуга; вѣсомъ вообще 4018 лотовъ [12]); 18 кусковъ парчи и бархату. Всѣ сіи подарки представлены были предъ обѣдомъ. Пиръ былъ великолѣпный. На другой день Панъ Липницкій отправился въ Москву съ извѣстіемъ.

24 Ноября Посолъ представлялся дочери Пана Воеводы, какъ Царицѣ и Государынѣ своей. Въ тотъ же день отдалъ подарки брату ея, Старостѣ Саноцкому: 1) саблю и большой мечъ, оправленные въ золото съ драгоцѣнными ка-

1605. меньями; 2) золотой бокалъ; дорогой ножъ; 4) пять сороковъ соболей; три черныя лисицы и одного кречета съ золотымъ колокольчикомъ. Панья Воеводша и Панья Хоронжая, бабка Царицына, также получили въ подарокъ много соболей и жемчугу.

3 Декабря Царица выѣхала изъ Кракова въ Промникъ [13]; ее провожали Панъ Воевода и Русскій Посолъ съ многочисленною свитою. При выѣздѣ Царицы, собралось такое множество народа, что нельзя было окинуть его взоромъ. Посолъ и Воевода, проводивъ ее до Промника, возвратились въ Краковъ. Король давалъ балъ, на коемъ и они присутствовали. Въ то же время прискакалъ изъ Москвы гонецъ къ Послу съ свадебными подарками.

12 Декабря, Посолъ вручилъ подарки: ожерелье съ драгоцѣнными каменьями и часы. Причемъ Панъ Воевода отдалъ свои четыре бокала и часы, полученные имъ отъ Царя въ подарокъ.

18 Декабря Посолъ выѣхалъ изъ Кракова. Воевода, съ супругою и дочерью Царицею, остался въ Промникѣ.

1606. 3 Января Царь прислалъ въ Краковъ Пану Воеводѣ 300.000, а сыну его Старостѣ Сапоцкому 50.000 злотыхъ [14]. Деньги сіи доставлены Яномъ Бучинскимъ и Русскимъ сановникомъ Михайломъ Толчановымъ, которые привезли также подарки и отдали оные 5 Января, а

именно: 1) узорочье, съ изображеніемъ на одной 1606.
сторонѣ имени *Іисуса*, а съ другой — *Маріи*, въ бриллiантахъ, коихъ было на обѣихъ сторонахъ 96; 2) цѣпь червоннаго золота, осыпанная 136 брильянтами; 3) четки изъ жемчужинъ, величиною въ большой горохъ; 4) браслеты изъ алмазовъ, переплетенныхъ жемчугомъ; 5) золотой ларчикъ съ жемчугомъ; 6) три слитка золота, цѣною въ 15.000; 7) два большія золотыя блюда и двѣнадцать малыхъ; 8) гіацинтовая солонка, оправленная золотомъ; 9) гіацинтовый бокалъ съ крышкою, оправленный золотомъ; 10) золотой рукомойникъ и тазъ, съ искусными изображеніями, и 11) перстень съ тремя алмазами.

14 Января прискакалъ изъ Москвы въ Краковъ Иванъ Безобразовъ съ письмами къ Его Величеству Королю и Пану Воеводѣ [15]; а 22 числа, взявъ отпускъ, выѣхалъ изъ Кракова вмѣстѣ съ Паномъ Воеводою. За день предъ тѣмъ Царица отправилась изъ Промника въ Самборъ.

1 Февраля Панъ Липницкій на дорогѣ въ Дембовцу вручилъ письма отъ Царя, который просилъ его какъ можно скорѣе поспѣшить въ Москву. Въ слѣдствіе сего Панъ Воевода, не теряя времени (отправивъ только мясопустъ въ Сановкѣ, а сыропустъ въ Олшаницѣ), 11 Февраля прибылъ съ Царицею въ Самборъ. Сюда пріѣзжали многіе гонцы изъ Москвы съ пись-

1606. мами отъ Пановъ Денбицкаго, Склиньскаго и Горскаго, которые именемъ Царя жаловались на медленный выѣздъ Царицы. Наконецъ и самъ Посолъ, Аѳанасій, воротясь съ дороги, прибылъ въ Самборъ съ упреками. При немъ было 50 коней.

22 Февраля Посолъ, сдѣлавъ привѣтствіе Царицѣ и Воеводѣ, объявилъ, что Царю весьма прискорбна ихъ медленность.

2 Марта Панъ Воевода съ Царицею и Аѳанасіемъ отправился въ путь къ Москвѣ. Съ нимъ было нѣсколько Пріятелей; другіе же воротились по причинѣ дурной дороги.

Дорога Московская. Отъ Самбора до Люблина 30 миль. 2 Марта, первый ночлегъ въ Купновичахъ; 3 въ Мосцискахъ; 4 въ Любачевѣ; 5 въ Луховой; 6 въ Сѣбресинѣ; 7 въ Скроновѣ; 8 въ Люблинѣ. Тутъ простояли до 14 Марта; прибытіе Склиньскаго съ письмомъ отъ Царя побудило выѣхать того же дня изъ Люблина [16].

Отъ Люблина до Бресця » » миль. 14 Марта первый ночлегъ въ Ленчной; 15 въ Островѣ; 16 въ Парчовѣ; 17 въ Рощкѣ; 18 въ Бресцѣ; 19 тамъ же. Вербная недѣля.

Отъ Бресця до Слонима 27 миль. 20 Марта первый ночлегъ въ Каменцѣ; 21 въ Шерсшовѣ; 22 въ Новодворѣ; 23 въ Рожаной; 24 въ Слонимѣ; 25 и 26 тамъ же. Пасха. Праздновали оную у Литовскаго Канцлера со всею пышностію.

От Слонима до Минска 25 миль. 27 Марта первый ночлег в Мольчадзи. Отсюда отправили к Царю Пана Денбицкаго, а от Царя приѣхал сюда Пан Казановскій [17]. 28 Марта ночлег в Цыренѣ; 29 под Миром и переѣзд чрез Мир; 30 в Несвижѣ; 31 там же. Великолѣпное угощеніе гостей Виленским Воеводою. 1 Апрѣля ночлег в Микалаевщизнѣ; 2 в Койдановѣ, 3 в Минскѣ; 4 и 5 там же. Тут мы получили присланные Царем 35.000 злотых на дорожныя издержки, и дождались Склиньскаго с письмами от Царя, который просил Пана Воеводу забыть оскорбительные упреки за медленность его выѣзда [18]. 1606.

От Минска до Орши 38 миль. 6 Апрѣля ночлег в Смолевичах; 7 в Борисовѣ; 8 в Начи; 9 в Бобрѣ; 10 в Толочинѣ; 11 в Кохановѣ. Угощеніе Канцлером Литовским. 12 в Оршѣ; 13 там же. Переправа чрез Днѣпр. Она продолжалась до 15 Апрѣля, по причинѣ быстраго стремленія воды, которая уносила далеко от пристани перевозныя суда.

От Орши до Баёва 8 миль. 16 Апрѣля ночлег в Сватовичах; 17 в Баёвѣ. Сюда приѣхало нѣсколько Русских с письмами. От Баёва до границы ровно миля. 18 Апрѣля переѣхали мы границу и мост чрез рѣчку. Нас встрѣтили четыре знатные Русскіе сановника,

1606. которые, вручивъ послу Аѳанасію письма, привѣтствовали Царицу и Пана Воеводу [19].

Списокъ особъ, вступившихъ въ предѣлы Россіи: Панъ Воевода; при немъ свита конная и пѣшая, 445 человѣкъ; лошадей 411. Царица; въ свитѣ ея 251 человѣкъ, и столько же лошадей. Панъ Староста Красноставскій, при немъ 107 чел. и 115 лош. [20]. Князь Вишневецкій съ 215 чел. на 255 лош. [21]. Староста Саноцкій съ 415 человѣкъ на 411 лошадяхъ. Староста Луховскій съ 87 чел. на 96 лошадяхъ [22]. Панъ Тарло, Хоронжій Пржемыслскій съ супругою; при немъ 21 человѣкъ и 69 лошадей [23]. Панъ Мартинъ Стадницкій съ 36 челов. на 33 лошад. Панъ Георгій Стадницкій съ 21 челов. на 24 лош. [24]. Панъ Самуилъ Балъ съ 29 чел. на 30 лощ. [25]. Панъ Павелъ Тарло, сынъ Старосты Сохачевскаго съ 9 челов. на 10 лош. Панъ Нѣмоевскій, Подстолій Каронный, съ 15 человѣкъ на 13 лош. [26]. Ксензъ Помаскій, Секретарь Королевскій, съ 16 челов. на 17 лош. [27]. Панъ Вольскій съ 20 чел. на 19 лош. [28]. Панъ Броневскій съ 8 челов. на 7 лош. Панъ Помаскій съ 11 чел. на 12 лошад. Панъ Корытко съ 10 челов. на 10 лошад. Панъ Любомирскій съ 12 челов. на 12 лошад. Панъ Ясеновскій, бывшій Приставомъ у Аѳанасія, съ 11 чел. на 12 лош. Панъ Петръ Домарацкій съ 9 чел. на 15 лош. Пять монаховъ съ 16 служителей на 16 лош.

Панья Тарлова, супруга Старосты Сохачевскаго, 1606.
съ свитою изъ 50 челов. на 45 лошад. Панья Казановская съ 19 челов. на 19 лошад. Панья Гербуртова съ 24 чел. на 17 лош. Сверхъ того при Воеводѣ было 12 Армянъ и купцовъ на 16 лошадяхъ, кромѣ тѣхъ, кои ѣхали на своемъ коштѣ. Весь обозъ состоялъ изъ 1969 человѣкъ и 1961 лошади. Говоримъ только о числѣ тѣхъ, кои составляли свиту; сверхъ того можно было бы насчитать еще болѣе трехъ сотъ человѣкъ, съ такимъ же числомъ лошадей.

При переправѣ чрезъ границу, обозъ былъ расположенъ такимъ образомъ: впереди ѣхали спутники Царицы; за ними Панъ Воевода, наконецъ она сама, окруженная своими гусарами и пѣхотинцами; каждый Панъ имѣлъ при себѣ своихъ всадниковъ. Нѣсколько повозокъ и колясокъ въ двѣ лошади отправлено впередъ, для заготовленія съѣстныхъ припасовъ за границею. На каждой рѣкѣ были хорошіе мосты до самой Москвы. Впрочемъ на дорогѣ къ Смоленску, повозки неоднократно топули въ болотахъ.

Отъ границы до Смоленска 15 миль. 18 Апрѣля первый ночлегъ былъ въ Красномъ. Въ каждомъ селѣ Священники встрѣчали насъ съ хлѣбомъ-солью, въ знакъ доброжелательства. Мы провели въ Красномъ время весьма безпокойно и непріятно, хотя въ слѣдствіе письма Пана Воеводы, и старались улучшить наше по-

1606. ложеніе. Для ночлега отвели намъ нѣсколько тѣсныхъ хижинъ; а Царицѣ одну новую избу. Посему многіе расположились въ ближайшихъ деревняхъ; иные же раскинули палатки на болотѣ. На бѣду случилось ненастье. Сверхъ того надлежало подумать о лучшемъ заготовленіи съѣстныхъ припасовъ: все это заставило насъ провести 19 Апрѣля въ Красномъ.

20 Апрѣля ночлегъ въ Любливѣ [29]. Здѣсь также было тѣсно, какъ и въ Красномъ. Царица помѣстилась въ двухъ комнатахъ; свитѣ ея дали нѣсколько хижинъ. Многимъ пришлось ночевать въ палаткахъ или въ ближайшихъ деревняхъ. Насъ встрѣтили до тысячи человѣкъ, которые уже около трехъ мѣсяцевъ ожидали пріѣзда Царицы. Они привѣтствовали ее, по своему обычаю, низкими поклонами. Тутъ же находились Московскій Князь Василій Михайловичъ Масальскій и Михайло Александровичъ Нагой, Царскій дядя по матери. Оба они съ нѣсколькими своими дворянами встрѣтили Царицу при входѣ ея въ комнату и поздравивъ земными поклонами, вручили ей и Пану Воеводѣ письма отъ своего Государя. Царь прислалъ для своей супруги 54 бѣлыя лошади, съ бархатными шорами и три кареты съ окнами, обитыя внутри соболями. Въ одной каретѣ, подъ Царицею, было 12 лошадей, въ другой 10, а въ третьей подъ дамами 8; остальныхъ лошадей вели на поводахъ.

21 Апрѣля ночлегъ въ Смоленскѣ. Царицу 1606.
встрѣтило все Смоленское Дворянство съ нѣсколькими десятками тысячь простаго народа, который кланялся въ землю и дарилъ соболей. Монахи встрѣчали ее съ иконами и хлѣбомъ. На стѣнахъ обширной крѣпости Смоленской стояло до 2000 Стрѣльцовъ. Отсюда также выходили монахи съ хлѣбомъ и иконами.

22 Апрѣля Царица обѣдала во дворцѣ своемъ; а Панъ Воевода съ своими Пріятелями 30) былъ приглашенъ къ Князю Масальскому. По окончаніи обѣда, всѣ разъѣхались по своимъ квартирамъ. Въ Смоленскѣ два раза пугалъ насъ огонь: сперва загорѣлась Царицына кухня; потомъ слуга мой зажегъ въ моей квартирѣ нѣсколько фунтовъ пороху; опалилъ себѣ лице и выжегъ глаза. Это было предвѣщаніемъ нашего злополучія. Слуга мой умеръ вскорѣ, въ Москвѣ: а мы, по благости Божіей, остались еще н вредимы.

23 Апрѣля, воскресенье. Мы прове сей день въ Смоленскѣ, по случаю болѣз Воеводы. Русскіе съ удивленіемъ слу зыку при отправленіи Божественной такъ толпились, что ломали перила.

Отъ Смоленска до Вязмы 28 м рѣля ночлегъ въ Пневѣ, гдѣ на к шадей выдано намъ по полторы и по возу сѣна. 25 Апрѣля ночл

1606. Переправа чрезъ Днѣпръ. Здѣсь было довольно паромовъ; но при великомъ разлитіи Днѣпра и впадающей въ него рѣки Вопи, отъ тѣсноты людей, одинъ паромъ опрокинулся и нѣсколько человѣкъ потонуло. А въ ротѣ Пана Старосты Саноцкаго, Товарищъ отсѣкъ палецъ другому Товарищу, тѣснясь на паромъ. Отъ перевоза дорога идетъ лѣсомъ ровная, вымощенная; всѣхъ мостовъ 26. На пути мы встрѣтили Москвитянина Бориса Михайловича Лыкова, Крайчаго, съ Царскими письмами. Димитрій, изъявляя радость о счастливомъ прибытіи Пана Воеводы и Царицы въ предѣлы Государства своего, увѣдомлялъ, что онъ повелѣлъ кому слѣдуетъ доставлять имъ всевозможныя удобства, а самъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ ихъ пріѣзда. 26 Апрѣля ночлегъ въ Дорогобужѣ. Дорога поправлена, а по лѣсамъ вымощена. 27 тамъ же. Наши грубо ходились съ Русскими. Для обузданія своеныхъ, у насъ назначены Судьи и предписаавила, коихъ никто однако не исполнялъ. ипскій посланъ къ Царю. 28 Апрѣля ъ Колпичѣ. Дорога прегадкая: однихъ ыло 45. Того жъ дня прискакалъ отъ сьмами Панъ Горскій, а за нимъ рскій Посолъ Аѳанасій, уѣхавшій Смоленска. Димитрій просилъ Папоспѣшить пріѣздомъ въ Москву изъ родственниковъ его, по

крайней мѣрѣ на 100 лошадяхъ, чтобы условиться въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ и въ разныхъ обрядахъ. Здѣсь Аѳанасій вручилъ Царицѣ драгоцѣнные подарки, а именно: алмазную корону, брильянтовую повязку на шляпу, алмазную запону, 4 снурка крупнаго восточнаго жемчугу, нѣсколько десятковъ нитокъ мелкаго жемчугу, и двое золотыхъ часовъ: одни въ баранѣ, а другіе въ вельблюдѣ. 29 Апрѣля ночлегъ въ Вязмѣ. День Пасхи у Русскихъ. Сей праздникъ они проводятъ не въ бездѣйствіи: освобождаютъ изъ темницъ узниковъ, а Боярамъ, по обыкновенію своему, дарятъ хорошіе платки. Панъ Воевода разстался съ своею дочерью и отправился впередъ. 1606.

Отъ Вязмы до Москвы 36 миль. 30 Апрѣля ночлегъ въ Заезерьѣ. Панъ Воевода, съ Княземъ Вишневецкимъ, Паномъ Старостою Саноцкимъ и Паномъ Хоронжимъ, ночевалъ въ Чаровѣ [31], имѣя при себѣ небольшое число служителей. 1 Мая ночлегъ Царицы въ Добромъ; а Панъ Воевода ночевалъ въ Можайскѣ. Въ семъ городѣ три церкви. Изъ нихъ наиболѣе уважается церковь Св. Николая, коего Русскіе признаютъ чудотворцемъ. Въ день праздника его, также и въ другое время, сюда стекаются толпы народа. 2 Мая Царица имѣла свой ночлегъ въ Можайскѣ, а Панъ Воевода въ селеніи Вязомѣ, въ 6 миляхъ отъ Москвы. Это селеніе принадлежало

1606. умершему Царю Борису. Въ немъ есть дворецъ, довольно обширный, обнесенный палисадникомъ и окопанный рвомъ съ рогатками [52]. Подлѣ дворца каменная церковь, очень изрядная; иконы и подсвѣчники въ ней богаты и прекрасной работы. Сюда прислано изъ Москвы 6 лошадей для Пана Воеводы; а намъ — что всего важнѣе, привели цѣлый Царскій табунъ. 3 Мая Царица оставалась въ Можайскѣ, а Панъ Воевода имѣлъ ночлегъ подъ деревнею Маначиномъ, въ Царскихъ палаткахъ, весьма богатыхъ и нарочно для него поставленныхъ: ихъ было 12. Сюда прислана за нимъ изъ Москвы великолѣпная карета въ 6 лошадей. 4 Мая ночлегъ Царицы въ Дровачовѣ, а Пана Воеводы въ самой Москвѣ. Въѣздъ его въ сей городъ происходилъ такимъ образомъ: въ день Вознесенія Господня, Царь выслалъ четырехъ осѣдланныхъ лошадей, одну для Пана Воеводы, съ сѣдломъ, богато оправленнымъ въ золото, а другихъ трехъ для ближайшихъ родственниковъ его. За четверть мили отъ столицы, ихъ встрѣтилъ Басмановъ, верхомъ, въ богатой гусарской одеждѣ, окруженный знатными Боярами и Панами Московскими, числомъ до полуторы тысячи. Всѣ они провожали гостей до самой квартиры. Переѣхавъ чрезъ Москву рѣку по мосту, искусно устроенному безъ свай, на канатахъ, мы вступили въ тріумфальные ворота, между двухъ рядовъ множества

Москвитянъ, довольно опрятно одѣтыхъ; тутъ 1606.
находился скрытно и самъ Царь. Панъ Домарацкій стоялъ съ Польскою ротою; за мостъ, на другую сторону, никого не пускали. Такъ проводили Пана Воеводу до самой квартиры его, бывшей въ городѣ. Не успѣли мы сойти съ коней, какъ намъ уже нанесли изъ Царской кухни разнаго кушанья; подавали его въ дорогихъ золотыхъ блюдахъ. Болѣе всего было пирожнаго, только невкуснаго: оно приготовлялось безъ соли. Напитковъ также было вдоволь. По окончаніи обѣда, Царь прислалъ Князя Ивана Ѳедоровича Хворостина навѣстить Воеводу и изъявить свою радость о благополучномъ прибытіи его въ Царскія владѣнія. Въ сей день Воевода не былъ у Димитрія потому, что Царь ѣздилъ, по обыкновенію своему, къ матери въ монастырь, находящійся у воротъ крѣпости. Одежда на немъ была бѣлая; а конь подъ нимъ съ каштановыми излучинами. Нѣсколько сотъ Алебардщиковъ и довольное число всадниковъ окружали его.

5. Мая Царица имѣла ночлегъ въ Вязомѣ. Въ сей день Воевода представлялся Димитрію, такимъ образомъ: отъ самаго дома, гдѣ онъ на ту пору жилъ, провожало его безчисленное множество Стрѣльцовъ, до большихъ дворцовыхъ сѣней, которые были наполнены Боярами, пышно одѣтыми. Изъ сѣней мы вошли въ палаты. Царь сидѣлъ на тронѣ, въ одеждѣ, унизанной

1606. жемчугомъ, съ высокою на головѣ короною, осыпанною драгоцѣнными каменьями, имѣя въ правой рукѣ скипетръ. Весь тронъ былъ изъ чистаго золота, вышиною въ три локтя, подъ балдахиномъ изъ четырехъ щитовъ, крестообразно составленныхъ, съ круглымъ шаромъ, на коемъ стоялъ орелъ великой цѣны. Отъ щитовъ надъ колонами висѣли двѣ кисти изъ жемчугу и драгоцѣнныхъ каменьевъ, въ числѣ коихъ находился топазъ величиною болѣе грецкаго орѣха. Колоны утверждались на двухъ лежащихъ серебряныхъ львахъ, величиною съ волка. На двухъ золотыхъ подсвѣчникахъ стояли грифы, касаясь колонъ. Къ трону вели три ступени, покрытыя золотою парчею. Съ обѣихъ сторонъ трона стояло по два сановника, съ желѣзными бердышами на золотыхъ рукояткахъ, въ бархатной бѣлой одеждѣ, подбитой и обложенной горностаями, въ бѣлыхъ сапогахъ, опоясанные золотыми цѣпями. По лѣвую руку Царя стоялъ Димитрій Шуйскій съ обнаженнымъ мечемъ, въ парчевой одеждѣ, подбитой соболями, а за Царемъ слуга въ богатомъ кафтанѣ, съ платкомъ въ рукахъ. Справа сидѣлъ Московскій Патріархъ, предъ коимъ держали крестъ на золотомъ блюдѣ. Ниже его сидѣли Епископы и другія духовныя особы; а за ними Сенаторы и Дворяне; на лѣвой сторонѣ также Сенаторы и Дворяне.

Воевода, поцѣловавъ руку у Царя, говорилъ

рѣчь, которая такъ тронула его, что онъ плакалъ, какъ бобръ, поминутно утирая платкомъ глаза свои [33]. За Царя отвѣчалъ Посолъ Аѳанасій. Послѣ чего Воевода сѣлъ предъ трономъ въ нѣсколькихъ шагахъ; Пріятели его помѣстились на лавкахъ, между коими проходили мы къ цѣлованію Царской руки. По окончаніи сего обряда, Димитрій подозвалъ Воеводу и просилъ его къ себѣ на обѣдъ, а Пріятелей его приглашалъ чрезъ Басманова. Выходя изъ дворца, Воевода повстрѣчался на крыльцѣ съ духовными особами и Патріархомъ, который, сдѣлавъ привѣтствіе ему и родственникамъ его, далъ имъ поцѣловать крестъ, но только безъ благословенія. За духовенствомъ вышелъ Царь: Бояре вели его подъ руки въ церковь; предъ нимъ несли державу, т. е. золотое яблоко съ крестомъ. Воевода слѣдовалъ за нимъ въ ту же церковь и сталъ у боковыхъ дверей на паперти, откуда пристально смотрѣлъ на обряды Богослуженія. Между тѣмъ принесли Царю меньшую корону. Послѣ обѣдни, Димитрій, поговоривъ съ Воеводою на паперти, сидя, возвратился съ нимъ въ покои. Дворецъ его деревянный, но красивый и даже великолѣпный. Дверные замки въ немъ вызолочены червоннымъ золотомъ; печки зеленыя, а нѣкоторыя обведены серебряными рѣшетками. Предъ столовою, въ сѣняхъ стояло множество золотой и серебряной посуды, между прочимъ, 1606.

1606. семь бочекъ серебряныхъ съ вызолоченными обручами, величиною въ сельдяные боченки. Вся столовая посуда золотая; множество было серебра, рукомойниковъ, тазовъ и прочаго. Столовая обита Персидскою голубою тканью; занавѣсы у оконъ и дверей парчевые; тронъ покрывала черная ткань, вышитая золотыми узорами. Царь сѣлъ за отдѣльный столъ серебряный съ позолотою, накрытый скатертью, вышитою золотомъ. По лѣвую руку его, за другимъ столомъ сидѣлъ Воевода съ своими Пріятелями; а подлѣ него, за третьимъ столомъ, противъ Царскаго, помѣстили насъ слугъ попарно съ Русскими, которые насъ подчивали. Тарелокъ намъ не подали: дали ихъ только четыремъ Панамъ, да и то, сказалъ Димитрій, онъ сдѣлалъ сіе противъ обычая. По правую руку Царя сидѣли Сенаторы, коихъ по-Русски называютъ Думными Боярами. Воды не подавали. Изъ огромнаго, вышиною въ человѣка, серебрянаго съ позолотою сосуда вода лилась кранами въ три таза: но никто не мылъ рукъ. Вся комната до самаго потолка была наполнена столовою посудою, по большей части золотою и серебряною: она представляла львовъ, драконовъ, единороговъ, оленей, грифовъ, ящерицъ, лошадей и тому подобное. Когда усѣлись за столы, принесли кушанье, разнаго сорта, рыбное: это случилось въ пятницу. Сначала уста-

вили блюдами одного сорта весь столъ, вдоль 1606
онаго такъ, что одно блюдо было отъ другаго не далѣе трехъ четвертей аршина. Снявъ первое блюдо, ставили такимъ же образомъ другое; потомъ третье и т. д. Хлѣба на столѣ не было; но когда сѣли за оный, Царь разослалъ каждому по большому ломтю бѣлаго хлѣба, изъ коего мы сдѣлали себѣ тарелки. Обѣдъ продолжался нѣсколько часовъ. Подавали весьма много вкуснаго пирожнаго, разнымъ способомъ приготовленнаго. Наконецъ дошло до напитковъ. Сначала выпилъ Царь, сперва за здоровье Воеводы, потомъ за здоровье родственниковъ его; намъ же изъ Царской милости пожаловано по чаркѣ вина. Послѣ сего поставили на столъ въ золотыхъ сосудахъ множество меда, подслащеннаго пива и другихъ напитковъ, чего кто хотѣлъ. Прислуживаютъ за Царскими столами просто, безъ поклоновъ: даже Стольники не снимаютъ шапокъ, и только слегка наклоняютъ голову. Въ половинѣ обѣда, Пану Воеводѣ сдѣлалось дурно: онъ вышелъ изъ за стола въ Царскій покой, съ двумя служителями. По удаленіи его, явилось 20 Японцевъ съ луками [34]. Они-то живутъ около *Индіи* у Ледовитаго моря; ѣздятъ на оленяхъ и платятъ дань Царю Московскому. Кто только можетъ изъ нихъ владѣть топоромъ, даетъ Царю по десяти соболей въ годъ: въ это самое время они привезли свой оброкъ. Обык-

1606. новенною пищею ихъ сырое мясо и рыба. Господствующей вѣры нѣтъ у нихъ: каждый покланяется, чему хочетъ: солнцу, мѣсяцу, деревьямъ, медвѣдямъ. Женъ покупаютъ малолѣтныхъ и ждутъ ихъ возраста. Разстояніе отъ Москвы до Японіи такъ велико, что на проѣздъ онаго надобно употребить цѣлый годъ. Домовъ не имѣютъ: проживъ нѣсколько недѣль на одномъ мѣстѣ въ степи, они переходятъ на другое за нѣсколько десятковъ миль, и такимъ образомъ проводятъ всю жизнь. Обыкновенная забава ихъ состоитъ въ стрѣляніи изъ лука звѣрей; симъ же достаютъ и пищу себѣ. — Послѣ обѣда закусокъ не было; только принесли небольшое блюдо съ сливами, которыя Царь своеручно раздавалъ Стольникамъ, въ знакъ своего благоволенія къ ихъ службѣ. Таковъ обычай Царей Московскихъ! Наконецъ Димитрій удалился въ свои палаты; а гости разъѣхались по назначеннымъ для нихъ домамъ. Пана же Воеводу привезли на квартиру уже вечеромъ.

6 Мая ночлегъ Царицы былъ по прежнему въ Вязомѣ. Панъ Бучинскій снова привезъ ей подарки: восемь драгоцѣнныхъ ожерельевъ и столько же кусковъ самой лучшей парчи. Панъ Воевода, отобѣдавъ сего числа въ своей квартирѣ, ѣздилъ во дворецъ, гдѣ нашелъ Царя весьма веселымъ. 40 музыкантовъ Пана Старосты Саноцкаго играли въ Царскихъ комнатахъ,

изъ коихъ одна была обита тканью, шитою золотомъ, другая парчею, а третья, гдѣ сидѣлъ самъ Царь, также богато вышитою золотомъ тканью. Русскіе чрезвычайно удивлялись музыкѣ. Въ сѣняхъ предъ первымъ покоемъ стояли золотые и серебряные сосуды, изображавшіе баснословныхъ боговъ и птицъ, только въ другомъ порядкѣ и въ гораздо большемъ количествѣ, нежели въ столовой. Напитковъ подавали очень много. Царь выслалъ къ намъ Басманова, приглашая веселиться. Самъ онъ нѣсколько разъ переодѣвался, то по-гусарски, то по-Московски. Гусарскій нарядъ состоялъ изъ парчеваго полукафтанья, изъ краснаго бархатнаго доломана, унизаннаго жемчугомъ, съ краснымъ исподнимъ платьемъ и сафьянными башмаками. Такъ онъ веселился до самаго вечера. Музыкантамъ выдано въ сей день по его приказанію 2000 злотыхъ. Князь Вишневецкій танцовалъ предъ нимъ съ Паномъ Старостою Саноцкимъ. Панъ же Воевода, съѣздивъ на свою квартиру и посѣтивъ Царскую мать въ ея монастырѣ, возвратился къ Царю на ужинъ и пробылъ во дворцѣ до бѣлаго дня. 1606.

7 *Мая*. Царица провела сей день по прежнему въ Вязомѣ. Туда пригнали табунъ прекрасныхъ лошадей, изъ коихъ до 80 она раздарила своимъ Дворянамъ и слугамъ. Польскіе Паны ужинали у Царя и были очень веселы.

1606. 8 Мая. Въ Вязомѣ, откуда Царица еще не выѣзжала, по неосторожности Русскихъ, сдѣлался пожаръ, превратившій нѣсколько домовъ въ пепелъ. — Царь ѣздилъ съ Паномъ Восводою на охоту. Въ числѣ разныхъ звѣрей, выпустили медвѣдя: когда никто изъ Пановъ не отваживался вступить съ нимъ въ бой, вышелъ самъ Царь, и однимъ ударомъ рогатины убивъ медвѣдя, саблею отсѣкъ ему голову, при радостныхъ восклицаніяхъ Москвитянъ. Ударъ рогатиною такъ былъ силенъ, что рукоятка оной разлетѣлась въ дребезги. Послѣ чего, тутъ же всѣ гости обѣдали въ палаткахъ. Въ сихъ палаткахъ, на другой день, 9 Мая, почевала Царица, выѣхавъ изъ Вязомы. Тамъ же она провела 10 и 11 Мая.

Купцы и мѣщане поднесли ей въ подарокъ: пять огромныхъ бокаловъ, пять кусковъ парчи и пять сороковъ соболей. Между тѣмъ въ столицѣ готовили ей встрѣчу.

12 Мая былъ въѣздъ Царицы въ Москву. Обозъ отправили впередъ; за порядкомъ встрѣчи наблюдалъ самъ Царь, который выѣзжалъ для сего только съ десятью всадниками, не желая быть узнаннымъ. Давъ наставленіе тѣмъ лицамъ, которые назначены были присутствовать при шествіи, или находиться при двухъ шатрахъ, раскинутыхъ у самой столицы надъ Москвою рѣкою, онъ самъ разставилъ въ два ряда Стрѣль-

цовъ и Алебардщиковъ, числомъ около тысячи человѣкъ. Королевскій Посолъ Малогоскій [35] въѣхалъ въ Москву однимъ часомъ ранѣе Царицы. Какъ скоро она приблизилась къ городу, окруженная Панами, немедленно тысяча гусаръ изъ Царской конницы выстроилась по сторонамъ вышеозначенныхъ наметовъ: Царица вошла въ оные и приняла поздравленіе Воеводъ, Князей, Думныхъ Бояръ и всѣхъ царедворцевъ, привѣтствовавшихъ ее, по своему обыкновенію, съ счастливымъ и радостнымъ прибытіемъ въ столицу. Послѣ сего представлена ей отъ имени Царя карета, оправленная серебромъ, съ Царскими гербами, въ 12 лошадей, съ бѣлыми и черными пятнами: каждую велъ особенный конюхъ. По окончаніи поздравленій, она тотчасъ сѣла въ карету и отправилась. Аллебардщики и Стрѣльцы шли около кареты, Офицеры нашей гусарской роты ѣхали своимъ порядкомъ, а Русскіе предъ каретою. При въѣздѣ въ старый городъ, за третью каменную стѣну, ударили въ литавры и барабаны, собранные въ великомъ числѣ, предъ крѣпостью на площади, въ знакъ счастливаго окончанія путешествія. Этотъ громъ не умолкалъ, доколѣ Царица не вступила во дворецъ, жилище Царской матери, гдѣ сдѣлала привѣтствіе какъ ей, такъ и Царю. Тутъ оставалась она до свадьбы съ своею камерфрейлиною при Царской матери. Димитрій

1606.

1606. уѣхалъ въ свой дворецъ; а всѣ гости удалились въ квартиры, отведенныя въ разныхъ мѣстахъ города.

13 Мая утромъ, въ аудіенцъ-залѣ, въ присутствіи Московскихъ Сенаторовъ, поздравляли Царя съ титуломъ полнаго Государя и съ будущимъ бракомъ. Мартинъ Стадницкій, какъ Царицынъ Гофмейстеръ, привѣтствовалъ Димитрія отъ всего Двора и Пановъ Польскихъ слѣдующими словами: »Родственники и весь Дворъ »Ея Свѣтлости, нареченной супруги Вашего Цар»скаго Величества, привѣтствуютъ чрезъ меня, »въ числѣ ихъ находящагося, Ваше Царское Ве»личество: низко кланяемся Вамъ, утѣшителю »народовъ Христіанскихъ, карателю нечестивыхъ. »Чудесными путями судебъ достигнувъ роди»тельскаго престола, Вы, Государь, поддержите »славу предковъ своихъ, во всемъ свѣтѣ знаме»нитыхъ. Въ то же время Ваше Царское Вели»чество пожелали вступить въ тѣсный союзъ »съ народомъ, мало различнымъ отъ Вашихъ »подданныхъ въ языкѣ и обыкновеніяхъ, равно »сильнымъ, равно храбрымъ, воинственнымъ, »издревле достославнымъ. По волѣ Всемогущаго, »удалясь въ Польшу, Вы искали дружбы Коро»левства Польскаго, гдѣ былъ путеводителемъ »Вашимъ Его Королевскаго Величества Сенаторъ, »Панъ Воевода Сендомирскій, заслужившій такую »милость и довѣренность Его Величества, какою

»никто не пользуется ни въ Польскомъ Королев- 1606.
»ствѣ, ни въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ: »изъ его семейства Вашему Царскому Величеству »угодно было взять себѣ супругу. Если кого »изумитъ этотъ бракъ съ Полькою, то пусть »заглянетъ въ минувшее время: тамъ увидитъ »онъ, что Богъ издавна благословлялъ такіе со- »юзы. Прадѣдъ Вашъ или дѣдъ, сколько я знаю, »имѣлъ за собою Витовтовну [36]; и не изъ дома »ли Глинскихъ была супруга родителя Вашего »Царскаго Величества [37]? Раждались ли какія »либо несчастія изъ сей крови Вашимъ пред- »камъ? И такъ мы ожидаемъ благословенныхъ »плодовъ отъ сего союза: самъ Богъ чудеснымъ »образомъ обратилъ сердце Вашего Царскаго Ве- »личества къ тому народу, съ коимъ предки »Ваши были въ родствѣ и съ коимъ Вы сами »теперь заключаете союзъ кровный. Отнынѣ не »будетъ притворной дружбы между обоими на- »родами, между Русскими и Поляками; не ста- »немъ съ варварскимъ жестокосердіемъ проли- »вать кровь свою; соединимъ общія силы, и съ »Божіею помощію, обратимъ ихъ противъ не- »вѣрныхъ. Сего ждутъ съ нетерпѣніемъ всѣ на- »роды Христіанскіе. Да подастъ Господь Богъ »Вашему Царскому Величеству столько счастія »въ предпріятіяхъ, сколько онъ даровалъ Вамъ »могущества; да возвыситъ тронъ Вашъ и вели- »чіе его, чтобы Вы, Государь, ниспровергли

1606. »луну въ краяхъ полночныхъ, возсіяли бы сла-»вою въ странахъ полуденныхъ [38]), и въ глубо-»кой старости на престолѣ предковъ своихъ »узрѣли бы своихъ потомковъ.«

На сіе привѣтствіе отвѣчалъ, по Царскому повелѣнію, Дьякъ Аѳанасій. Между тѣмъ пригласили Королевскихъ Пословъ, которые и прибыли немедленно. Царскій Окольничій встрѣтилъ ихъ въ сѣняхъ предъ большою палатою, ввелъ въ залу, и когда они вошли, сказалъ предъ Царемъ слѣдующія слова: »Всепресвѣтлѣйшій и »могущественнѣйшій Самодержецъ, великій Го-»сударь Димитрій Іоанновичъ, Божіею милостію »великій Цесарь, Князь всея Россіи, многихъ »Татарскихъ царствъ и государствъ, Московской »державѣ подвластныхъ, Государь, Царь и обла-»датель! Всепресвѣтлѣйшаго и великаго Госу-»даря Сигизмунда третьяго, Божіею милостію »Короля Польскаго, Великаго Князя Литовскаго, »Послы Николай Олесницкій и Александръ Гон-»сѣвскій бьютъ челомъ у престола Вашего Цар-»скаго Величества.«

Панъ Малогоскій, сдѣлавъ поклонъ, говорилъ слѣдующее: »Всепресвѣтлѣйшій великій »Государь Сигизмундъ третій, Божіею милостію »Король Польскій, Великій Князь Литовскій, »Прусскій, Жмудскій, Мазовецкій, Кіевскій, Во-»лынскій, Подольскій, Лифляндскій, Эстляндскій »и другихъ, наслѣдный Король Шведскій, Готѳ-

»скій, Вандальскій, Князь Финляндскій и иныхъ 1606.
»земель, благоволилъ послать насъ, Пословъ сво»ихъ, меня, Николая Олесницкаго изъ Олесницы, »Каштеляна Малогоскаго, и Пана Александра »Корвина Гонсѣвскаго, Секретаря и Дворянина »своего, Старосту Велижскаго, помѣщика Коню»ховскаго, съ тѣмъ, чтобъ именемъ Его Коро»левскаго Величества всемилостивѣйшаго Госу»даря нашего Вашему Господарскому Величеству, »Божіею милостію, всепресвѣтлѣйшему великому »Государю, Димитрію Іоанновичу, Князю всея »Россіи, Владимірскому, Московскому, Новгород»скому, Казанскому, Астраханскому, Псковскому, »Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, »Болгарскому, и другихъ многихъ земель Царю, »отдать братскій поклонъ, освѣдомиться о здра»віи Вашего Господарскаго Величества, поздра»вить Васъ съ благополучнымъ восшествіемъ на »прародительскій престолъ и засвидѣтельствовать »Вашему Господарскому Величеству братскую »любовь Его Королевскаго Величества.«

Сказавъ сіи слова, Малогоскій вручилъ письмо Царскому Дьяку Аѳанасію Ивановичу Власьеву, который представилъ оное Димитрію и тихо прочиталъ ему надпись. Какъ въ сей надписи не было упомянуто о Цесарскомъ титулѣ, то Димитрій велѣлъ Власьеву отвѣчать Посламъ слѣдующимъ образомъ: »Николай и Александръ! »вы доставили всепресвѣтлѣйшему, непобѣдимому

1606. »и великому Самодержцу отъ всепресвѣтлѣйшаго »Сигизмунда Короля Польскаго и Великаго Князя »Литовскаго письмо, въ коемъ нѣтъ титула Це- »сарскаго Величества: оно писано къ нѣкоторому »Князю всея Россіи, а Димитрій Іоанновичь есть »Цесарь въ своихъ преславныхъ Государствахъ. »И такъ возмите сіе письмо обратно и отвезите »къ своему Государю.«

Панъ Малогоскій, взявъ письмо, сказалъ: »Съ благоговѣніемъ беру сіе письмо Его Коро- »левскаго Величества, Государя нашего. Еще ни- »кто изъ Христіанскихъ Вѣнценосцевъ такъ не »оскорблялъ его Королевскаго Величества и Рѣчи »Посполитой! Явивъ прежде Вашему Господар- »скому Величеству пріязнь въ своихъ владѣніяхъ, »Государь нашъ и теперь свидѣтельствуетъ Вамъ »свое благорасположеніе: для сей единственно »цѣли мы и спѣшили въ Россію съ искреннею »радостію. Едва прибывъ сюда, не успѣвъ еще »стрясти съ себя пыль, мы спѣшили явиться »къ Вашему Господарскому Величеству, чтобы »съ неописанною радостію увидѣть Вашу особу... »и вотъ награда нашему усердію и ожиданію! »Вы пренебрегаете письмомъ Королевскимъ, не »хотите даже распечатать его, и, вопреки всей »справедливости, приказываете умалчивать глав- »ный Королевскій титулъ, въ продолженіе мно- »гихъ лѣтъ всѣми Вѣнценосцами признаваемый. »Это оскорбляетъ не только Его Королевское

»Величество, но въ лицѣ насъ, Пословъ его, и 1606.
»всю Рѣчь Посполитую.«

На сіи слова отвѣтствовалъ самъ Царь: »Необыкновенное и неслыханное дѣло, чтобы »Монархи, возсѣдая на тронѣ, спорили съ По»слами: но Король Польскій, опуская наши ти»тулы, принуждаетъ насъ къ сему. Отъ Пословъ »нашихъ и отъ Старосты Велижскаго, бывшаго »здѣсь недавно и подобно вамъ спорившаго о »нашихъ титулахъ, Королю Польскому уже из»вѣстно, что мы не только Князь, не только »Господарь, не только Царь, но также *Импера»торъ* въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ. Самъ »Богъ даровалъ намъ сей титулъ, и мы носимъ »его не одними словами, подобно другимъ, но »самымъ дѣломъ, по всей справедливости, когда »ни Ассирійскіе, ни Мидійскіе Монархи, ни са»мые Цесари Римскіе, не имѣли на оный болѣе »насъ права и преимущества. Мы не можемъ »довольствоваться титуломъ Княжескимъ или »Господарскимъ: ибо не только Князья и Гос»подари, но, Божіею милостію, и Короли со»стоятъ подъ скипетромъ нашимъ и намъ слу»жатъ. Намъ нѣтъ равнаго въ краяхъ полноч»ныхъ; никто нами не управляетъ, кромѣ Бога »и насъ самихъ. Къ тому же всѣ Государи при»знаютъ насъ *Императоромъ:* одинъ Король »Польскій на сіе не соглашается.

Посолъ возразилъ: »Ваша всепресвѣтлѣйшая

1606. »Господарская милость въ началѣ своей рѣчи »упомянули, что необыкновенное дѣло Монархамъ, сѣдящимъ на тронѣ, спорить съ Послами: »точно такъ; столь же необыкновенно, чтобъ »Послы осмѣливались говорить о томъ, чего не »предписано имъ въ наказѣ; но какъ Ваше »Господарское Величество сами къ тому принуждаете меня; то я хотя и не имѣю дара безъ »приготовленія отвѣчать на сіи рѣчи Вашему »Господарскому Величеству, однакожь какъ Полякъ, человѣкъ народа вольнаго, привыкъ го»ворить свободно. Вспомните, Ваше Господарское »Величество! или прикажите справиться въ ко»ронныхъ канцеляріяхъ, въ Литовской и въ сво»ей, Московской, даже спросите сихъ престарѣ»лыхъ Думныхъ Бояръ, какой титулъ употреб»ляли предки Вашего Господарскаго Величества. »Всепресвѣтлѣйшіе Короли, Государи наши, ни»когда не приписывали имъ Цесарскаго титула, »который Ваше Господарское Величество не»правильно себѣ присвояете. Предки Ваши ни»какого Цесарства подъ свою державу не поко»рили, и употребляли тотъ самый титулъ, ко»торый признаетъ чрезъ насъ Его Королевское »Величество, всепресвѣтлѣйшій и непобѣдимый »Государь. Развѣ иначе писывалъ къ Вамъ Ко»роль Польскій, когда онъ, обласкавъ въ своихъ »владѣніяхъ Ваше всепресвѣтлѣйшее Господарское »Величество, съ усерднымъ желаніемъ помогалъ

»Вамъ отыскать корону прародительскую? И 1606.
»теперь, оставаясь въ прежней искренней пріяз-
»ни, не тѣмъ ли болѣе доказываетъ оную Ва-
»шему всепресвѣтлѣйшему Господарскому Вели-
»честву, когда Вы видите свидѣтельство тому
»не въ однихъ пустыхъ словахъ, а на самомъ
»дѣлѣ? Между тѣмъ всякому очевидно, какъ Вы
»платите за все сіе Его Королевскому Величе-
»ству! Скоро забыли Ваше пресвѣтлѣйшее Гос-
»подарское Величество, что на сей престолъ
»*(указавъ на оный рукою)* Вы взошли чудес-
»нымъ образомъ по благости Божіей, по милости
»Его Королевскаго Величества, всемилостивѣй-
»шаго Государя нашего, съ помощію нашихъ
»братьевъ Поляковъ, проливавшихъ кровь свою
»за Ваше всепресвѣтлѣйшее Господарское Вели-
»чество! Вы платите вмѣсто благодарности не-
»благодарностію, вмѣсто пріязни непріязнію;
»доброе расположеніе и дружелюбіе Его Вели-
»чества Государя нашего пренебрегаете, и сами
»даете поводъ къ разлитію крови человѣческой.
»Съ чрезвычайною горестію пріемля участіе въ
»таковой Его Королевскому Величеству обидѣ,
»мы свидѣтельствуемся, предъ Вами, всепре-
»свѣтлѣйшій Господарь! самимъ Богомъ и сими
»Думными Боярами, что не Король Польскій,
»Государь нашъ, а Ваше Господарское Величе-
»ство разрываете дружбу съ Его Величествомъ

1606. »и Рѣчью Посполитою. Теперь мы готовы возвратиться къ нашему Государю.«

Царь отвѣчалъ на сіе: »Весьма намъ извѣстно, какіе титулы имѣли наши предки: мы »можемъ показать оные вамъ на бумагѣ. Мы »велимъ Думнымъ Боярамъ переговорить съ вами о семъ — и тогда сами укажемъ вамъ титулы нашихъ предковъ. Теперь же Король »Польскій оскорбляетъ не только насъ, но и »самого Бога, и всѣхъ Христіанъ. Мы объявили »Королю Польскому, что онъ имѣетъ въ насъ »сосѣда, брата и друга, какого еще никогда у »короны Польской не было: теперь же намъ »должно опасаться Короля болѣе, чѣмъ самаго »непріязненнаго изъ невѣрныхъ Государей.«

Посолъ: »Не желалъ бы я, чтобы за титулы проливалась кровь Христіанская,—и Вашему »всепресвѣтлѣйшему Господарскому Величеству »нѣтъ причины оскорбляться: въ дѣлахъ важныхъ Монархи обыкновенно объясняются чрезъ »Пословъ своихъ. Староста Велижскій, бывшій »прежде сего въ Москвѣ Посломъ Королевскимъ, »могъ требованіе Вашего Господарскаго Величества объявить и не объявить своему Государю. »Вашему Царскому Величеству слѣдовало бы »именно для сей цѣли отправить своихъ Пословъ на Сеймъ Королевскій: ибо только онъ »можетъ рѣшить такое дѣло. Вашему Царскому »Величеству извѣстно, что Король Польскій

»царствуетъ въ вольной Рѣчи Посполитой, гдѣ 1606.
»безъ согласія всѣхъ сословій, не льзя ничего
»ни прибавить, ни отмѣнить противъ древняго
»обыкновенія. Мы же посланы не отъ Сейма:
»я былъ на ономъ только одинъ день.

Царь: »Я очень знаю, что Сеймъ кончился, »и что вы отправлены Сеймомъ. Знаю, что вы »замедлили выѣздомъ, что васъ догнали въ Ор»шѣ. Мнѣ также извѣстно, что нѣкоторые изъ »вашихъ совѣтовали Королю не признавать мо»ихъ титуловъ: но будетъ время подробнѣе пе»реговорить съ вами объ этомъ предметѣ. Спра»шиваю васъ, Панъ Олесницкій, примите ли вы »письмо, къ вамъ писанное, на коемъ не было »бы означено вашего шляхетскаго титула? — »Впрочемъ испытавъ въ областяхъ Польскихъ »вашу приверженность къ намъ и видя ваше »доброжелательство, мы хотимъ принять васъ »въ нашихъ владѣніяхъ не какъ Посла, а какъ »пріятеля нашего. Подойдите къ нашей рукѣ, »не Посломъ, а нашимъ пріятелемъ.« Сказавъ сіе, Димитрій протянулъ руку, чтобы Малогоскій ее поцѣловалъ.

Посолъ возразилъ: »Всепресвѣтлѣйшій, ми»лостивѣйшій Государь! всенижайше благодарю »за милость, которую Ваше Царское Величество »изъявляете лицу моему. Но если Ваше Величе»ство принимаете меня не какъ Посла, то я не »могу исполнить Вашего желанія.« »Цѣлуй, какъ

1606. »Посолъ,« сказалъ Димитрій. Панъ Малогоскій поцѣловалъ его руку; за нимъ Староста Велижскій, Панъ Гонсѣвскій. — Послѣ сего Дьякъ взялъ письмо, прочиталъ оное Царю, впрочемъ не вслухъ, и по Царскому повелѣнію, отвѣчалъ Посламъ: »Хотя Королевскаго письма безъ Цесарскаго титула принимать не слѣдовало бы; »однакожъ Его Цесарское Величество, для свадьбы своей забывая обиду, нанесенную опущеніемъ титуловъ его, принимаетъ сіе письмо и »васъ, Пословъ Короля Польскаго. По возвращеніи же къ Государю своему, вы должны сказать ему, чтобы впредь онъ не присылалъ подобныхъ писемъ, не прописавъ въ нихъ полнаго »титула Цесарскаго. Его Цесарское Величество »именно вамъ повелѣлъ сказать, что впредь ни »отъ Короля Сигизмунда, ни отъ кого либо другаго, никакихъ писемъ безъ полнаго Цесарскаго »титула онъ принимать не прикажетъ. Теперь »же, если имѣете какое либо порученіе отъ Короля Сигизмунда, Государя своего, исполняйте »долгъ Посольства предъ Цесарскимъ престоломъ.«

По отправленіи Посольства [39], Пословъ пригласили сѣсть. Аѳанасій, занявъ мѣсто подлѣ нихъ, по Царскому наставленію сказалъ: »Николай и Александръ всепресвѣтлѣйшему Самодержцу и великому Господарю Димитрію Іоанновичу, Божіею милостію Цесарю и Великому »Князю всея Россіи, Татарскихъ Царствъ и мно-

»гихъ Государствъ, Московской Монархіи под- 1606.
»властныхъ, Господарю, Царю и Обладателю
»здравія желаютъ отъ имени всепресвѣтлѣйшаго
»и великаго Господаря Сигизмунда третьяго,
»Божіею милостію Короля Польскаго и Великаго
»Князя Литовскаго, Прусскаго и другихъ [40]. —
»Мы говорили при отправленіи Посольства, что-
»бы всепресвѣтлѣйшій Сигизмундъ Король Поль-
»скій дозволилъ Его Свѣтлости Георгію Мнишку
»Воеводѣ Сендомирскому проводить свѣтлѣйшую
»дочь свою къ всепресвѣтлѣйшему и непобѣди-
»мому Самодержцу, и Ея Цесарское Величество,
»по Божіей милости, прибыла сюда въ добромъ
»здравіи. Его Цесарское Величество изъявляетъ
»за сіе Королю Государю вашему свою благо-
»дарность, а васъ будетъ жаловать своею Цар-
»скою милостію. Сверхъ того, Александръ! ты
»объявилъ, что всепресвѣтлѣйшій Сигизмундъ
»Король Польскій и Великій Князь Литовскій
»повелѣлъ вамъ Посламъ своимъ переговорить
»съ Думными Боярами Царскаго Величества о
»взаимныхъ правахъ Державы Московской и Ко-
»роны Польской: на сіе Его Цесарское Величе-
»ство, по милосердію своему, охотно изъявилъ
»свое согласіе и велѣлъ Думнымъ Боярамъ пере-
»говорить съ вами о дѣлахъ государственныхъ.«

Послы сказали: »По старинному обыкнове-
»нію, Господари Московскіе всегда спрашивали
»о здравіи Его Величества Короля, вставъ съ сво-

1606. »его мѣста.« Царь, услышавъ сіе, спросилъ, не вставая съ мѣста: »Его Королевское Величество »Государь вашъ въ добромъ ли здоровьи?« Панъ Малогоскій отвѣчалъ: »Его Королевское Величе»ство Государь нашъ былъ въ добромъ здравіи »и счастливо царствовалъ, когда мы выѣхали »изъ Варшавы. Но Вашему Царскому Величеству »надлежало привстать, спрашивая о здравіи Его »Королевскаго Величества.« Царь возразилъ: »Панъ Малогоскій! У насъ обыкновеніе вставать, »спросивъ прежде о добромъ здравіи« — и приподнявшись не много съ трона, сказалъ: »Мы »радуемся, что Король, вашъ Государь, а нашъ »другъ, находится въ добромъ здравіи.« За симъ отдаривали Пословъ: реэстръ подаркамъ читалъ Григорій Ивановичъ Микулинъ. Панъ Малогоскій получилъ: коня Турецкаго, коня Неаполитанскаго, золотую цѣпь, 13 большихъ кубковъ, 2 рукомойника вызолоченные, британскую собаку, которую взяли обратно на другой день, давъ въ замѣнъ оной два сорока соболей, и 100 злотыхъ. Пану Гонсѣвскому дали коня Турецкаго. Аѳанасій сказалъ въ заключеніе: »Его Цесарское »Величество жалуетъ васъ своимъ обѣдомъ.« Пословъ проводили на квартиру; а Паны родственники остались у Царя обѣдать.

Въ тотъ же день Царица просила Царя, чтобы для нея готовили особенное кушанье: ибо приносимаго изъ дворца она ѣсть не могла.

Царь немедленно призвалъ кухмистра и поваровъ Польскихъ, и велѣлъ имъ готовить для Царицы всего вдоволь: имъ отданы были ключи отъ кладовыхъ и погребовъ съ напитками. Камерфрейлинамъ также приказано было прислуживать Царицѣ. Онѣ весьма грустили, опасаясь вѣчной неволи: Царь обѣщалъ каждой свободу возвратиться въ отечество, если только сами пожелаютъ. 1606.

Въ воскресенье 14 Мая свадьбы еще не было по нѣкоторымъ причинамъ. Царь великолѣпно угощалъ во дворцѣ Пановъ родственниковъ.

15 Мая Димитрій подарилъ Царицѣ шкатулку съ дорогими вещами, цѣною, какъ сказывали, въ 500.000 рублей, дозволивъ ей дарить изъ оной, что кому пожелаетъ. Воеводѣ же далъ 100.000 злотыхъ, велѣвъ отослать ихъ въ Польшу на уплату долговъ. Но прежде, чѣмъ успѣли увезти сію сумму, мы нѣсколько облегчили ее. Сверхъ того Воевода получилъ отъ Царя въ подарокъ сани обитые пестрымъ бархатомъ; покрывало на нихъ красное, по угламъ вышитое жемчугомъ; коверъ и одѣяло подбиты соболями; крылья и оглобли увиты бархатомъ, а по мѣстамъ серебромъ; у хомута развѣшено сорокъ соболей; лошадь запряжена бѣлая; козлы серебромъ окованы; капоръ унизанъ жемчугомъ. — Царица много вещей изъ своей шкатулки раз-

1606. дарила родственникамъ. Того же дня во второмъ часу ночи, она переѣхала въ Царскій дворецъ, въ каретѣ, избравъ ночное время, чтобы не было давки. Дѣти Боярскіе и Алебардщики шли передъ каретою.

18 Мая Царица была коронована. Предъ выходомъ изъ дворца, Царь и Царица троекратно цѣловали крестъ и корону; потомъ, окропленные святою водою, пошли въ церковь. На дорогѣ была разослана парча по красному сукну. Церемонія началась перенесеніемъ изъ дворца въ церковь большой драгоцѣнной короны: предъ нею шли два Архіерея въ полномъ облаченіи, а за нею несли золотыя блюда и другіе церковные сосуды. На встрѣчу коронѣ вышелъ изъ церкви Патріархъ съ нѣсколькими Епископами, и сотворивъ молитву, внесъ ее въ церковь. Чрезъ полчаса отправился и Царь съ супругою: впереди ихъ шли до полутораста дворянъ въ парчевой одеждѣ; въ слѣдъ за ними родственники съ бердышами, четыре господина, которые обыкновенно стоятъ при Царѣ, и одинъ Панъ съ мечемъ. Тутъ несли другую корону, крестъ и скипетръ. Царь шелъ съ короною на головѣ, въ драгоцѣнной одеждѣ. Подъ правую руку велъ его Посолъ Панъ Малогоскій, а подъ лѣвую Князь Мстиславскій. За нимъ шла Царица въ Русской бархатной одеждѣ, вишневаго цвѣта, усыпанной жемчугомъ и драгоцѣнными

каменьями. Подъ правую руку велъ ее Панъ Воевода, отецъ, а подъ лѣвую Княгиня Мстиславская. За нею шли Паны родственники и шесть Русскихъ Боярынь. По входѣ въ церковь, двери заперли; нашихъ впустили не много, болѣе Русскихъ. Священнослуженіе совершалось по Русскому обряду. Панъ Воевода, за слабостію здоровья, скоро вышелъ изъ церкви. По окончаніи литургіи, бракъ былъ подтвержденъ, и молодые обмѣнялись перстнями. Въ слѣдъ за тѣмъ была коронація съ мvропомазаніемъ, по Греческому обряду. Наконецъ всѣ бывшіе на лице Бояре и Сенаторы присягали, скрывая въ душѣ вѣроломство: ихъ впускали въ церковь по порядку. По окончаніи присяги, они цѣловали руку у Царя и у Царицы: Патріархъ же прикладывался къ коронамъ надъ челомъ Ихъ Величествъ. Сіи церемоніи продолжались нѣсколько часовъ. При выходѣ изъ церкви, бросали народу золотыя деньги: Русскіе дрались за нихъ палками. Нашимъ, особенно изъ свиты Посольской, досталось довольно палочныхъ ударовъ. Съ огорченіемъ принявъ такіе подарки, они разъѣхались по квартирамъ и не провожали Царя во дворецъ. Подходя къ палатамъ, Димитрій замѣтилъ толпу знатныхъ Пановъ и приказалъ бросить между ними нѣсколько Португальскихъ червонцевъ, къ коимъ однако никто изъ нихъ не прикоснулся: даже когда два червонца 1606.

1606. упали одному Пану на шляпу, онъ сбросилъ ихъ. Русскіе же кидались за деньгами, и производили тѣсноту: Царь, видя сіе, не велѣлъ болѣе бросать монеты. — Въ сей день, кромѣ коронаціи, ничего не было.

19 Мая, въ пятницу, утромъ собрался Совѣтъ. Еще на разсвѣтѣ ударили въ барабаны, и заиграли въ трубы, коихъ было чрезвычайно много. Громъ этотъ продолжался до самаго полудня. Панъ Воевода съ родственниками приглашенъ былъ къ обѣду. Когда всѣ пошли къ столу, онъ, проводивъ Царя и Царицу въ столовую, возвратился на свою квартиру, ибо увидѣлъ, что Королевскаго Посла тамъ не было. Панъ Воевода неотступно просилъ Царя посадить съ собою за столъ Посла Польскаго, въ изъявленіе благодарности Его Королевскому Величеству, не отказавшему въ сей чести Послу Русскому; но не получивъ согласія на свою просьбу, и самъ не хотѣлъ быть за Царскимъ столомъ. За обѣдомъ ничего особеннаго не было. Царь въ гусарской одеждѣ сидѣлъ на тронѣ, а Царица подлѣ него, на другомъ меньшемъ: за Царскимъ столомъ, кромѣ ихъ никого не было. По правую руку Царя стояли Бояре съ обнаженными сѣкирами и мечами: прислуживали ему Московскіе Сенаторы. По лѣвую руку Царицы стояли Хоронжая [41] и Княжна Косырская. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Царскаго стола сидѣли за

своими столами Паны родственники; далѣе, по- 1606.
чти у самыхъ дверей за третьими столами, люди свиты ихъ. Среди избы, вокругъ пиластра на четырехъ трехсаженныхъ столахъ, наставлено было посуды золотой и серебряной до самаго потолка. Сверхъ того въ сѣняхъ три длинные стола уставлены были такою же посудою; въ ней носили кушанье и напитки. Послѣ обѣда свита разошлась по квартирамъ, а Паны родственники удалились въ Царскія палаты, чтобы веселиться музыкою. Въ это время приходилъ къ Царю Панъ Воевода, съ изъявленіемъ своего прискорбія за Посла; онъ скоро ушелъ.

20 Мая утромъ, снова загремѣли трубы. Предъ обѣдомъ Патріархъ и Духовенство поднесли Царю подарки: мѣха рысьи, собольи, бокалы, парчу. Въ то же время былъ у Царя и Воевода, который, представивъ ему, сколь обидно будетъ для Короля неуваженіе къ Послу его, просилъ не дѣлать сего впередъ и посадить Пана Малогоскаго за Царскій столъ. Царь, послѣ долгаго прѣнія, согласился; но какъ сего нельзя было исполнить въ тотъ же день, то Панъ Воевода опять не пошелъ къ столу, и обѣдалъ дома съ Посломъ. Не было ничего отмѣннаго въ кушаньи, церемоніялѣ и музыкѣ. За Царскими столами обѣдали Жолнеры. Димитрій пилъ за здоровье всего Польскаго войска. Царица была въ Польскомъ нарядѣ, а Царь

1606. въ Русскомъ. Жолнеры приносили ему поздравленіе: имъ назначено было по 100 рублей на коня, но они не получили сихъ денегъ по какой-то отмѣнѣ. Въ сей же день поднесли подарки и Японцы: рысьи мѣха и бѣлыя выдѣланныя собачьи кожи.

21 Мая Посолъ отдалъ въ палатахъ Королевскіе подарки, въ числѣ коихъ были 33 рѣдкія вещи: разные фигурные сосуды, золотая цѣпь и проч. Въ сей день его пригласили къ столу, и онъ обѣдалъ во дворцѣ, только не за тѣмъ столомъ, за коимъ сидѣлъ самъ Царь на тронѣ, а за другимъ столикомъ по правую руку Царя, вмѣстѣ съ Паномъ Воеводою. Его свита была также угощаема. Царь и Царица были одѣты по-Польски, и въ коронахъ.

22 Мая у стола служили Поляки; былъ за обѣдомъ и Посолъ, но сидѣлъ за отдѣльнымъ столомъ. Послѣ обѣда гости танцовали. Царь, переодѣвшись въ гусарское платье, танцовалъ сперва съ Царицею, а потомъ съ Паномъ Воеводою. При чемъ наблюдалась такая церемонія: всѣ Паны, желавшіе танцовать, подходили прежде къ Царской рукѣ, и потомъ шли попарно, снявъ шапки. Панъ Воевода съ Посломъ былъ въ послѣдней парѣ. Паны родственники танцовали также съ открытою головою: но Посолъ былъ въ шапкѣ, которую снималъ только проходя мимо Царя. Панъ Воевода, танцуя съ своею

дочерью, велъ ее подъ лѣвую руку; когда же Царь танцовалъ съ Воеводою, Царица съ Княжною служили имъ.—Напитковъ подносили очень много. Никого изъ Русскихъ не было, кромѣ Аѳанасія и Масальскаго. Разъѣхались по захожденіи солнца. 1606.

24 Мая Царица угощала Московскихъ Пановъ въ своихъ палатахъ. Въ ту же ночь Русскіе бродили толпами по улицамъ, обнаруживая свою злобу на Поляковъ. Жолнеры были въ готовности стать подъ ружье. Донесли о семъ Царю, предостерегая его отъ мятежа, о коемъ явно говорили. Но онъ такого былъ духа, что ничего не хотѣлъ слышать, а доносчиковъ велѣлъ наказать. Опасаясь подобной награды, другіе молчали о томъ, что видѣли.

25 Мая, въ день Божіяго тѣла [42], волненіе затихло, но только для того, чтобы усыпить нашихъ. Между тѣмъ въ сію же ночь составленъ заговоръ. Москвитяне жаловались Царю, что одинъ Полякъ изнасиловалъ на дорогѣ Боярскую дочь. Поляка привели къ пыткѣ: онъ не признался. Доносъ былъ ложный: Москвитяне взвели на бѣдняка напраслину, для того, чтобы не дать Царю времени замѣтить ихъ волненіе и принять строгія мѣры. Въ ту же ночь поймано шесть лазутчиковъ, прокравшихся въ крѣпость для развѣдыванія. Трое изъ нихъ убиты, остальные замучены.

1606. 26 Мая въ пятницу, Жолнеры явились къ Пану Воеводѣ и объявили, что опасность очевидна. Воевода тотчасъ сказалъ о семъ Царю; но Царь смѣялся надъ нимъ, и дивился малодушію Поляковъ. Впрочемъ для охраненія ихъ, велѣлъ ночью разставить по улицамъ Стрѣльцовъ. Обнаруживались всѣ признаки мятежа. Въ сію самую ночь впущено въ столицу разными воротами 18.000 человѣкъ войска, стоявшаго за милю отъ Москвы, — безъ вѣдома Царя, который думалъ, что оно уже отправилось въ Крымъ. Вооруженные мятежники заняли всѣ 12 городскихъ воротъ и никого не пропускали ни въ городъ, ни изъ города, особливо ночью. Тутъ сбылась пословица: береженаго Богъ бережетъ. Наши видѣли предъ собою погибель, но такъ были безпечны, что ни о чемъ не заботились и спали спокойно, ничего не видя и не слыша, какъ будто въ собственномъ домѣ.

27 Мая вспыхнулъ несчастный бунтъ, давно уже приготовленный. Начальникомъ мятежниковъ былъ Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, который въ награду своимъ помощникамъ обѣщалъ раздать города, царства и доставить другія выгоды. Они склонили на свою сторону знатнѣйшихъ купцовъ и много простаго народу, сверхъ того много Бояръ и воиновъ изъ великаго Новагорода, чтобы одержать верхъ надъ Русскими, преданными Димитрію. Цѣль замысла

была извѣстна только главнымъ заговорщикамъ. 1606.
Въ субботу утромъ ударили тревогу; раздался крикъ: *въ Кремль, въ Кремль! Горитъ Кремль!* Молвою о пожарѣ хотѣли отвлечь вниманіе Поляковъ отъ мятежа. Между тѣмъ, какъ одни обступили Польскія квартиры, и никого изъ нихъ не выпускали, другіе ворвались въ крѣпость. Ударили во всѣ колокола; на ревъ набата сбѣжалось безчисленное множество вооруженнаго народа. Прежде всего разсѣяли Алебардщиковъ; потомъ вломились во дворецъ. Самъ Шуйскій съ своими клевретами вбѣжалъ въ сѣни и тамъ умертвилъ Басманова, который спалъ при Царѣ. Царица была еще не одѣта; ея камерфрейлины не причесаны: онѣ успѣли только надѣть юбки, бросились къ окнамъ, увидѣли тревогу и спѣшили узнать, что случилось. Скоро свѣдала Царица о смерти Димитрія. Не зная, на что рѣшиться, она сбѣжала внизъ подъ своды, но видя, что здѣсь грозила ей опасность, воротилась въ палаты: ее не узнали и столкнули съ лѣстницы. Однакожь она добралась до своихъ комнатъ и тутъ осталась съ придворными дамами. Скоро бунтовщики бросились къ палатамъ и стали ломать двери. Царицынъ камердинеръ Янъ Осмульскій бросился на нихъ съ саблею и до тѣхъ поръ сражался въ тѣснотѣ, удерживая напоръ мятежниковъ, доколѣ не выбился изъ силъ: его изрубили въ куски. Ружейный вы-

1606. стрѣлъ ранилъ старую Панью Хмѣлевскую: она умерла чрезъ нѣсколько дней. Вломившись въ комнату, гдѣ была Царица съ дамами, мятежники прекратили убійства и бросились грабить спальни. Между тѣмъ подоспѣли сюда старшіе Бояре, которые, разогнавъ чернь, приставили стражу, чтобы никто не оскорблялъ камерфрейленъ. Всѣ вещи ихъ спрятали въ кладовыя за печатью; Царицу же со всѣми дамами отвели въ другую комнату и старались увѣрить ее въ безопасности. Между тѣмъ, какъ сіе происходило во дворцѣ, другая толпа овладѣла конюшнями, бывшими также въ крѣпости, за дворомъ Пана Воеводы чрезъ улицу: тамъ побито 25 форейторовъ и кучеровъ Панскихъ и челядинскихъ; а лошади числомъ 95 уведены. Одна лошадь была хромая: ее убили, кожу содрали и разсѣкши на четыре части, унесли съ собою.

Панъ Воевода еще ничего не зналъ о Царѣ; но весьма безпокоился какъ объ немъ, такъ и о Царицѣ, тѣмъ болѣе, что не могъ подать имъ помощи. Ворота его двора съ улицы были завалены всякою всячиною; а мы заперлись изнутри. Насъ было весьма не много: караулъ, состоявшій изъ 50 человѣкъ пѣхоты, съ разсвѣтомъ дня разошелся по квартирамъ. Мятежники, выставивъ предъ нашимъ домомъ знамя, старались въ оный войти: мы ихъ не пустили. Жолнеры наши выстроились въ боевой порядокъ подъ

штандартомъ и хотѣли пробиться на коняхъ въ крѣпость, но никакъ не могли: улицы заставлены были рогатками и усѣяны многочисленнымъ народомъ, который однако не смѣлъ напасть на Жолнеровъ. Чернь бросилась въ ихъ квартиры, захватила лошадей, слугъ и всѣ вещи. Воевода имѣлъ при себѣ не многихъ слугъ, коморниковъ и другихъ дворовыхъ людей: мы рѣшились, при всей малочисленности, защищаться, ожидая и себѣ того же, что дѣлали съ другими въ глазахъ нашихъ. Уже наведены были на насъ пушки: однѣ въ окна, другія въ стѣну; но какъ въ нашемъ дворѣ были каменные подвалы, то безъ великихъ усилій не льзя было одолѣть насъ. Между тѣмъ посыпались камни къ намъ на дворъ, и нѣсколько Стрѣльцовъ готовились войти къ намъ изъ монастыря чрезъ проломы, о коихъ мы ничего не знали, какъ вдругъ прискакали къ воротамъ нашимъ Бояре, требуя, чтобы Панъ Воевода послалъ кого нибудь изъ старшихъ для переговоровъ съ Думными Боярами. Мы не вѣрили; но когда они дали намъ въ залогъ одного Боярина, начальствовавшаго 500 Стрѣльцовъ, Панъ Воевода послалъ старшаго служителя своего, Станислава Гоголиньскаго. Мы пересадили его чрезъ заборъ, не смѣя отперть ворота. Русскіе, увидѣвъ Гоголиньскаго, обвѣшаннаго оружіемъ, заключили, что у насъ много людей вооруженныхъ. Его привели къ Дум- 1606.

1606. нымъ Боярамъ. Одинъ изъ Сенаторовъ, не послѣднiй зачинщикъ заговора и предводитель бунтовщиковъ, по имени Татищевъ [43]), сказалъ Гоголиньскому: »Всемогущiй Богъ взираетъ на »всѣ царства и по волѣ своей располагаетъ ими; »безъ воли же Его ничто не можетъ быть. Сiе »должно сказать и о настоящемъ происшествiи. »Господь не восхотѣлъ, чтобы хищникъ, не Цар»ской крови, овладѣвъ нашимъ Государствомъ, »долго утѣшался своею добычею. Господство его »кончилось. И твой Панъ, по всей справедливо»сти, заслуживаетъ равной участи: онъ покрови»тельствовалъ Самозванцу, привелъ его въ наше »Государство, былъ виною всѣхъ минувшихъ »бѣдствiй и кровопролитiя; наконецъ въ спокой»ной землѣ нарушилъ миръ и произвелъ мя»тежъ. Но Богъ сохранилъ его до настоящаго »часа; да восхвалитъ теперь благость Господню: »опасность его миновала. Дочь его со всею че»лядью спасена. Иди и возвѣсти о семъ госпо»дину твоему.«

По возвращенiи Гоголиньскаго, мы удостовѣрились, что Царь убитъ. Мы вмѣстѣ и печалились и радовались, получивъ надежду на безопасность. Чернь, между тѣмъ, опять стала приступать къ нашему двору: многiе уже лѣзли на заборы. Панъ Воевода снова выслалъ Гоголиньскаго сказать, чтобы чернь удалилась отъ дома; въ противномъ же случаѣ онъ умретъ

съ оружіемъ въ рукахъ. Мятежниковъ разогнали, 1606.
и около дома поставили Стрѣльцовъ.

Едва мы успокоились, какъ вдругъ ударили тревогу во всѣ колокола: толпы народа вламывались въ домъ Князя Вишневецкаго. Князь, не зная что дѣлать, съ своими слугами и дворовыми людьми сѣлъ на коней и хотѣлъ ускакать въ крѣпость, или ускользнуть въ поле; но свѣдавъ о смерти Царя и гибели многихъ Поляковъ, рѣшился остаться въ домѣ, и упорною защитою спасти себя. Между тѣмъ подоспѣлъ не большой отрядъ Русскихъ, которому велѣно было оберегать домъ. Не смотря на сію стражу, чернь нахлынула и прорвалась на дворъ, чтобы разграбить домъ и умертвить Князя. Сей храбрый Панъ приказалъ слугамъ стрѣлять по ней: толпы отхлынули, но навели пушки и открыли пальбу. Наши защищались и до трехъ сотъ Русскихъ положили на мѣстѣ. Много помогалъ имъ Московскій пушкарь, который, не умѣя управлять орудіемъ, такъ понизилъ оное, что вмѣсто стѣны ударилъ по своимъ, и вырѣзалъ цѣлый рядъ Русскихъ. Самъ Князь не давалъ промаха изъ лука. Между тѣмъ прискакалъ Шуйскій (тотъ самый, который овладѣлъ престоломъ), и видя, какъ много пало народу, кричалъ, чтобы Князь успокоился, обѣщая ему безопасность; въ удостовѣреніе чего вынулъ крестъ и поцѣловалъ оный. Его впустили въ домъ.

1606. На дворѣ лежали трупы многихъ Москвитянъ, хотѣвшихъ явно и тайно ворваться въ домъ для грабежа и бывшихъ жертвою своей дерзости. Взглянувъ на нихъ, Шуйскій горько заплакалъ и чтобы избавить Князя отъ ярости народной, проводилъ его въ другой домъ, куда перебралась и челядь Панская со всѣми лошадьми и лучшими вещами. Обороняясь отъ Русскихъ, Князь лишился 17 челядинцевъ и одного слуги.

Въ то же самое время толпы народа приступали къ дому Старосты Красноставскаго: лѣзли въ окна, подкапывали стѣны. Поляки не сдавались. Наконецъ подоспѣли Бояре, усмирили чернь и поставили кругомъ дома стражу. Между тѣмъ, уже много пало нашихъ, наиболѣе въ той улицѣ, гдѣ свита Царицына имѣла свои квартиры. Тутъ жило нѣсколько сотъ Поляковъ; но могло ли пособить имъ число, когда не льзя было подать помощи другъ другу? Многіе еще спали, а квартиры ихъ уже были окружены: каждый домъ оборонялся отдѣльно. Весьма не многіе сосѣди успѣли соединиться, чтобы совокупными силами отражать мятежниковъ. Иные, разстрѣлявъ всѣ патроны, выскакивали на улицу только съ холоднымъ оружіемъ. Тутъ легло много Русскихъ, ибо наши бились отчаянно; много легло и Поляковъ, но болѣе обманомъ: полагаясь на обѣщаніе безопасности, они выдавали свое оружіе и немедленно были убиваемы. Если же

нѣсколько десятковъ рѣшались обороняться, Русскіе оставляли ихъ въ покоѣ. Жертвами Москвитянъ были: Андрей Комаровскій, долго и храбро защищавшійся мечемъ, Самуилъ Стрызовскій, Якубъ Городецкій, слуга Пана Воеводы, Станиславъ Лагевницкій, Янъ Забавскій, Войцехъ Перхлинскій, Станиславъ Сумовскій, Якубъ Солецкій; (именъ прочихъ не знаю) Преклавскій, Глиньскій, Крушиньскій, Марциньковскій, Готардъ, Ганьчикъ, Куноскій, Мяковскій, Витовскій, Галеръ, Боболя. Изъ Царскихъ слугъ: Склиньскій, Станиславъ Липницкій, Боршай, Чановицкій, Ивановскій, Храпковскій, Венсовичъ, Пелчинскій, Гарабурда, Головня. Сіи несчастные, повѣривъ клятвеннымъ обѣщаніямъ Русскихъ, сдались безъ всякаго сопротивленія, и погибли въ жесточайшихъ мукахъ. Когда они положили оружіе, мятежники спросили, кто изъ нихъ старшій? Лишь только отозвался Склиньскій, схватили его и растянувъ на столѣ крестообразно, отрубили ему руки, ноги и распороли брюхо. Также поступили и съ Липницкимъ; иныхъ терзали разнымъ образомъ. Одинъ Борза палъ съ оружіемъ въ рукахъ: онъ храбро защищался въ другомъ домѣ, нѣсколько разъ выбѣгалъ съ мечемъ на мятежниковъ, наконецъ былъ застрѣленъ въ сѣняхъ. Свирскаго убили на улицѣ со многими Пахоликами и кучерами; тутъ же погибъ Пѣхота, гражданинъ Кросненскій, съ сыномъ, самъ

1606.

1606. четвертъ. Спасшіеся отъ смерти были обнажены, изранены, чуть живы. Жестокосердіе Русскихъ не знало предѣловъ: они съ звѣрскимъ удовольствіемъ пороли, рубили, четвертовали бездыханныхъ и вырѣзавъ изъ труповъ жиръ, бросали оные въ болота, въ рѣку, въ навозъ. Въ сей улицѣ они получили большую добычу: ибо тамъ имѣли свои квартиры люди богатые и роскошные. Другая шайка изъ толпы, осаждавшей Князя Вишневецкаго, овладѣла домомъ Сигизмунда Тарло, Хоронжаго Перемышльскаго, который по малолюдству не могъ обороняться. Сама Тарлова застрѣлена [44]; 18 служителей побиты и все разграблено. Тѣ же, коихъ пощадили отъ смерти, остались въ однѣхъ рубахахъ. Подобная участь постигла Панью Гербуртову и Пана Любомирскаго. Отъ Тарла мятежники вломились въ домъ Ксенза Помасскаго, Королевскаго Секретаря; онъ въ то время служилъ обѣдню и лишь только произнесъ: Jte, missa est, разлетѣлись въ дребезги послѣднія двери. Русскіе прострѣлили икону Богородицы, сорвали съ Помасскаго ризы и убили его предъ алтаремъ, вмѣстѣ съ роднымъ братомъ. Изъ служителей не многіе остались въ живыхъ. Всѣ вещи были расхвачены.

Ксензъ Александръ, каноникъ Шендецкій, спасся бѣгствомъ въ Нѣмецкомъ платьѣ. Русскіе приняли его за Нѣмца и не тронули; а если бы знали, что онъ Ксензъ, то безъ сомнѣнія убили

бы и его. На Старосту Саноцкаго не нападали, 1606.
видя, что у него много Жолнеровъ, къ коимъ присоединились для надежнѣйшей обороны Панъ Нѣмоевскій, Подстолій Коронный, Панъ Корытко, Панъ Вольскій. Русскіе не смѣли напасть на нихъ, и только одинъ дерзкій пустилъ изъ лука стрѣлу, которая пролетѣла надъ головою Пана Старосты и чуть не попала въ него. При томъ же квартира его была оберегаема отрядомъ Стрѣльцовъ, поставленныхъ Боярами. Панъ Староста Луховскій, предугадавъ мятежъ, заранѣе ушелъ къ Послу для совѣта, и тамъ спасся со многими другими. Панъ Малогоскій, по человѣколюбію своему, принималъ въ свой домъ всѣхъ искавшихъ защиты его, содержалъ ихъ по миновапіи мятежа на своемъ иждивеніи и только вынужденный необходимостію, рѣшился выдать ихъ Русскимъ. Посольскій дворъ оставался въ покоѣ. Нападали и на Пановъ Стадницкихъ, но безъ успѣха: мужественною обороною они принудили мятежниковъ удалиться. Смерти ихъ желали наиболѣе тѣ люди, коимъ они отворили, такъ сказать, двери темницы, коихъ питали и одѣвали въ узахъ, и за все сіе получили такую благодарность! Но Богъ спасъ ихъ. Панья Старостина Сохачевская при началѣ бунта заперлась на чердакѣ своего дома: ея не тронули; но все въ домѣ расхитили. Въ другомъ домѣ отбивался отъ черни сынъ Старосты Сохачевскаго

1606. Павелъ Тарло съ Паномъ Самуиломъ Баломъ. Русскіе, видя, что безъ большой потери не льзя одолѣть ихъ, обѣщали имъ съ клятвою безопасность. Балъ, повѣривъ клятвѣ, вышелъ изъ дома и отдалъ свое оружіе: его тотчасъ изрубили съ бывшими при немъ слугами. Тогда Тарло рѣшился защищаться до послѣдняго издыханія, и остался не вредимъ. Подобнымъ же обманомъ выманили изъ дома Пана Петра Домарадскаго и убили на улицѣ. Слуги его хотѣли было обороняться, но онъ самъ отобралъ у нихъ оружіе и заперъ оное. Ихъ ограбили до чиста. Иванъ Голуховскій, Королевскій дворянинъ, надѣялся укрыться отъ опасности въ Царскомъ дворцѣ; но надежда его была тщетная: его схватили, растянули на крестъ, кололи ножами и наконецъ замучили. Въ то же время убитъ Панъ Есёновскій, бывшій въ Польшѣ Приставомъ у Русскаго Посла Аѳанасія. Панъ Цековскій младшій погибъ въ своей квартирѣ; но Якубъ Броневскій, вмѣстѣ съ нимъ отражавшій чернь, спасся особеннымъ счастіемъ или, лучше сказать, Божіимъ промысломъ: онъ пустился бѣжать между толпами бунтовщиковъ и благополучно добрался самъ-четвертъ до квартиры Пана Воеводы. Целарія, Краковскаго купца, убили, а товары его, состоявшіе изъ дорогихъ женскихъ уборовъ, расхитили. Другаго купца, Баптиста, оставили чуть жива. Сей послѣдній со

временемъ выздоровѣлъ, но впалъ въ нищету, 1606.
потерявъ великія суммы золота и серебра. Многіе другіе купцы лишились всего богатства, товаровъ и самой жизни. Оставшіеся въ живыхъ разорились, особливо тѣ, кои отпускали Царю товары, и не успѣли получить за оные платы. Изъ Царской роты убиты Командиръ Стромыка самъ-десятъ и два брата Зверхлевскіе; сверхъ того изъ сей же роты пало, сказываютъ, до 30 челядинцевъ, бывшихъ съ лошадьми въ полѣ.— Всѣхъ нашихъ погибло, по достовѣрному счету труповъ, до 500 человѣкъ [45]; Русскихъ легло вдвое болѣе.

Около полудня мятежъ затихъ; но чернь еще нѣсколько разъ нападала на Поляковъ съ свойственнымъ ей остервененіемъ. Ее подстрекали монахи и попы, которые, одѣвшись въ крестьянское платье, и сами били нашихъ и народу бить приказывали, говоря, что Литва хочетъ истребить православіе. Сіи пагубныя внушенія были виною ужаснаго кровопролитія и безчисленныхъ бѣдствій. А у насъ и у Пановъ нашихъ Богъ отнялъ разумъ, чтобъ мы не предусмотрѣли опасности. Если бы мы жили вмѣстѣ, въ квартирахъ близкихъ одна къ другой, Русскіе вѣрно не отважились бы напасть на насъ, ибо ничего не могли бы сдѣлать намъ, и нашихъ не погибло бы такое множество. Но видно такъ Богу было угодно! Утопая въ роскоши, мы едва

1606. не забыли его, и получили возмездіе за свои безззаконія. — Цѣлый день полуобнаженные и растерзанные трупы лежали на улицахъ; на другой день ихъ убрали, похоронивъ въ могилахъ за городомъ, или бросивъ въ болота, въ навозъ, въ рѣку. Слуги Полькихъ Пановъ, разбѣжавшіеся во время бунта, были отысканы и отведены въ Земскій дворъ, гдѣ записывали ихъ имена и должности. Тѣ, коихъ господа уцѣлѣли, были имъ возвращены; прочимъ отвели квартиры и дали содержаніе. Не имѣя почти ничего, кромѣ однѣхъ рубахъ, они подѣлились другъ съ другомъ остатками своей одежды.

Въ тотъ же день былъ у Пана Воеводы Аѳанасій Посолъ; а за нимъ навѣстили его Сенаторы Татищевъ и Голицынъ, главные предводители мятежниковъ: они старались утѣшить его. Воевода съ согласія Бояръ былъ во дворцѣ у Царицы, только самъ-четвертъ, и едва не лишился тамъ жизни: чернь, бродившая въ крѣпости, завидѣвъ Воеводу, бросилась за нимъ; Бояре велѣли было запереть двери, но уже поздо. Чернь была сильнѣе Бояръ и не позволила исполнить сего приказанія. Должно замѣтить, что въ Московіи народъ всегда имѣетъ болѣе силы, чѣмъ Сенатъ, особенно при избраніи Царя и во время бунтовъ. Воевода, навѣстивъ Царицу, возвратился въ свой домъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, между волнующимися толпами вооружен

женныхъ мятежниковъ, которые глядѣли на него, какъ на чудо. На площади лежали изуродованные трупы, надъ коими Русскіе, по своему обычаю, въ теченіе трехъ дней, ругались всякимъ образомъ: бросали песокъ, плевали, рѣзали, пачкали дегтемъ, съ безстыдными насмѣшками, къ вѣчному сраму своему. Туда приволокли и Басманова. Его сожгли вмѣстѣ съ другими. Сперва было похоронили ихъ; но какъ вдругъ сдѣлался холодъ, подули сѣверные вѣтры и надъ могилами чернь увидѣла горящія свѣчи, то по совѣту монаховъ и поповъ, тѣла вырыли и сожгли 46). Замѣтили и другое чудо: когда тащили трупы въ послѣдніе вороты, незапно поднялся страшный вихрь и сорвалъ съ оныхъ три щита, которые, упавъ на землю невредимы, стали подлѣ дороги такъ точно, какъ они стояли на воротахъ. 1606.

ГЛАВА II.

Избраніе Шуйскаго. Перенесеніе мощей Св. Димитрія въ Москву. Переговоры Пословъ Польскихъ съ Думными Боярами. Рѣчь Малогоскаго. Волненіе Москвы. Молва о спасеніи Димитрія. Вишневецкій сосланъ въ Кострому. Путешествіе Марины въ Ярославль. Прибытіе въ сей городъ на житье. Бояринъ Салтыковъ. Слухи о Димитріи и о войнѣ съ нимъ Шуйскаго. Грамоты Царя. Новыя вѣсти о войнѣ междоусобной. Опасенія Поляковъ. Тягость неволи. Письмо Каплана де Мело о Димитріи. Слухи о Болотниковѣ и Лжепетрѣ. Прибытіе новыхъ Пословъ Польскихъ въ Москву.

1606. 29 Мая избрали Царемъ Князя Василія Ивановича Шуйскаго: избирателями были весьма не многіе Бояре и низшаго класса люди, которые безъ дальняго совѣщанія съ Государственными чинами, объявили въ народѣ о восшествіи его на престолъ. Новый Царь не замедлилъ прислать къ Воеводѣ увѣренія въ безопасности. Царица имѣла во дворцѣ все нужное; съѣстные припасы для ея стола доставляемы были въ кухню Воеводы, потому, что она не могла ѣсть кушанья изъ дворцовой поварни.

31 Мая, въ слѣдствіе разосланныхъ по всему Государству извѣстій о избраніи Шуйскаго Царемъ, Москвитяне начали съѣзжаться въ столицу для принесенія ему присяги. Жолнеры

Пана Воеводы и пѣхота убіеннаго Царя выведены изъ Москвы и отправлены къ границѣ. При Воеводѣ приказано оставить только 230 человѣкъ. Всѣхъ же насъ вмѣстѣ съ Панскою и Царицыною челядью осталось въ Москвѣ до 300 человѣкъ. 1606.

2 Іюня, Царица перебралась въ квартиру Воеводы, покинувъ во Дворцѣ все, что было подарено Царемъ ей и дамамъ ея. Утромъ 3 Іюня прислали ей пустые сундуки, шкатулки и нѣсколько платья; уборы же драгоцѣнные, нарядныя одежды, жемчугъ, лошади, повозки задержаны. 9 Іюня пригласили Пана Воеводу во дворецъ; онъ отправился самъ-десятъ и имѣлъ разговоръ съ Думными Боярами. Они долго спорили и жаловались другъ на друга. Бояре весь мятежъ и кровопролитіе приписывали Воеводѣ, какъ главному виновнику пришествія въ Москву Димитрія, вѣроломнаго, по ихъ словамъ, обманщика; Панъ же Воевода оправдывалъ себя и доказывалъ свою невинность. Бояре отпустили его съ сими словами: »Господинъ Воевода! благодари Бога за чудесное спасеніе твое; безъ »Его благости не миновать бы и тебѣ того же, »что было съ Разстригою.«

11 Іюня—день коронаціи новаго Царя. Она совершилась безъ пышныхъ обрядовъ, въ присутствіи болѣе черни, нежели Бояръ. 12 Іюня ввезли въ Москву свѣжее, мертвое тѣло, и раз-

1606. гласили, что это трупъ Димитрія, убитаго за 20 предъ симъ лѣтъ по приказанію Бориса. 13 Іюня поставили оное съ великолѣпными обрядами въ церкви, гдѣ погребаются Московскіе Цари. Между тѣмъ разнесся слухъ, что тѣло сіе творило чудеса: въ слѣдствіе сего установили празднество и крестный ходъ съ колокольнымъ звономъ. Подкупленный мужикъ притворился слѣпымъ (какъ мы узнали), и бывъ приведенъ къ гробу чудотворца, прозрѣлъ: что весьма естественно. Но хромые и больные не исцѣлялись. Крестные ходы и обманы ослѣпляли народъ только до слѣдующаго дня [47].

23 Іюня Послы были у Думныхъ Бояръ. Москвитяне обвиняли Его Величество Короля, Рѣчь Посполитую и Пана Воеводу въ нарушеніи всеобщаго спокойствія Московской Державы и въ пролитіи крови Россіянъ подъ Новымгородомъ (Сѣверскимъ). Панъ же Малогоскій на всѣ упреки Думныхъ Бояръ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: »Извѣстно было и у насъ, въ Поль»шѣ, что по смерти великаго Господаря вашего »Ивана Васильевича, остался малолѣтный сынъ »Димитрій, воспитывавшійся въ Угличѣ; потомъ »разнесся слухъ, что Борисъ велѣлъ умертвить »Царевича, о чемъ мы, Поляки, сердечно жалѣ»ли по долгу Христіанскому. Чрезъ нѣсколько »лѣтъ явился у насъ тотъ, кого вы называли »Лжедимитріемъ: въ доказательство своего Цар-

»скаго рода, ссылаясь на тѣлесные знаки и дру- 1606.
»гія примѣты, онъ разсказывалъ, какимъ чудес-
»нымъ образомъ Богъ спасъ его отъ рукъ Бо-
»рисовыхъ, какъ хитро и коварно сей измѣн-
»никъ погубилъ великаго Господаря Ѳедора Ива-
»новича вмѣстѣ съ сыномъ, котораго Царь имѣлъ
»отъ сестры Борисовой, какъ истреблялъ онъ
»знатнѣйшія Русскія поколѣнія и тиранствовалъ
»до того, что и вы, Думные Бояре, не знали,
»чѣмъ облегчить свою горькую участь. Въ жес-
»токосердіи и коварствѣ Борисовомъ мы не со-
»мнѣвались, ибо не только многіе Москвитяне,
»но и вы, Господа Бояре, говаривали намъ
»о вѣроломномъ безчеловѣчіи и дерзкомъ умы-
»слѣ его на жизнь своего Государя. Но ни Его
»Величество, всепресвѣтлѣйшій Государь нашъ,
»ни народъ Польскій не вѣрили словамъ неиз-
»вѣстнаго странника и не обращали на него ни-
»какого вниманія, доколѣ не собралось къ нему
»изъ разныхъ мѣстъ вашего Государства нѣ-
»сколько десятковъ Москвитянъ, единогласно
»признавшихъ его Димитріемъ Ивановичемъ, ис-
»тиннымъ Царевичемъ. Съ сими свидѣтелями
»онъ явился къ Королю. Его Величество, хотя
»и не былъ удостовѣренъ въ справедливости его
»дѣла, однакожь не хотѣлъ болѣе сомнѣваться,
»зная всемогущество Божіихъ Судебъ и помня
»изъ Исторіи много примѣровъ чудеснаго спа-
»сенія Царскихъ дѣтей отъ рукъ вѣроломныхъ

1606. »честолюбцевъ. Его Величеству также извѣстно »было зложелательство Бориса, который доказалъ къ нему свое недоброхотство долговременною неволею Польскихъ Пословъ и нарушенiемъ мирныхъ договоровъ: вопреки онымъ Борисъ велѣлъ своимъ подданнымъ нечаянно напасть въ Королевствѣ нашемъ на принадлежащiй »Вишневецкимъ городъ Прилуки, гдѣ злодѣи »умертвили до 300 мирныхъ, безоружныхъ жителей, не давая пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ. Приказавъ войску своему вступить въ »нашу землю на восемь миль отъ границы, чтобы занять Велижскую область, онъ самъ былъ »виною обоюднаго кровопролитiя. Да и въ другихъ мѣстахъ пограничныхъ, Москвитяне въ »слѣдствiе распоряженiй его, разбойничали и »вредили нашимъ единоземцамъ такъ, что Его »Королевское Величество не имѣлъ покоя отъ »жалобъ и слезъ своихъ подданныхъ; о чемъ ихъ »Высокомочiя Паны Сенаторы переписывались »съ вами, Думными Боярами. При столь явныхъ »знакахъ Борисовой неприязни, Его Королевское »Величество не разсудилъ выдать Димитрiя своему недоброжелателю и врагу Рѣчи Посполитой; а съ другой стороны не хотѣлъ объявить »вамъ и войны за него: ибо, какъ Христiанскiй »Государь и добрый сосѣдъ, онъ свято соблюдаетъ мирные договоры съ Московскою Державою; посему предоставилъ сiе дѣло суду Божiю,

»въ томъ предположеніи, что если Димитрій въ 1606.
»самомъ дѣлѣ истинный Царевичъ, чудеснымъ
»образомъ спасенный отъ смерти, то легко самъ
»при помощи Всевышняго, получитъ престолъ
»своихъ предковъ. Разсуждая такимъ образомъ,
»Его Величество не помогалъ ему своими вой-
»сками и не объявлялъ вамъ войны. Народъ же
»Польскій въ то время почиталъ Димитрія не
»Царевичемъ, а бѣднымъ странникомъ, и нѣко-
»торые добрые люди дѣлали ему подаяніе, Хри-
»ста ради, какъ и у васъ бываетъ. Только одинъ
»Панъ Воевода, человѣкъ сострадательный и до-
»бродушный, повѣривъ словамъ его, и убѣжден-
»ный просьбою Русскихъ, согласился проводить
»его съ малочисленнымъ отрядомъ до Москов-
»скихъ предѣловъ, гдѣ, какъ увѣряли привер-
»женцы Димитрія, народъ встрѣтитъ своего Ца-
»ревича еще за границею съ хлѣбомъ солью и
»добровольно сдастъ ему Русскія крѣпости; въ
»противномъ же случаѣ, Панъ Воевода Сендо-
»мирскій могъ воротиться отъ границы, чтобы
»не нарушить мирныхъ трактатовъ. И въ самомъ
»дѣлѣ, Москвитяне, свѣдавъ о приближеніи Ца-
»ревича къ Русскимъ предѣламъ, спѣшили встрѣ-
»тить его съ хлѣбомъ солью еще въ Польскихъ
»владѣніяхъ; города же Моравскъ и Черниговъ
»сдались добровольно. Все сіе увѣряло нашихъ,
»что онъ истинный Царевичъ. Хотя послѣ того
»получены были письма отъ имени Думныхъ

1606. »Бояръ къ Сенаторамъ Литовскимъ и отъ имени »Московскихъ Святителей къ коронному Духо»венству; но какъ окружавшіе Димитрія увѣря»ли, что сіи письма присланы самимъ Борисомъ »безъ вѣдома Думныхъ Бояръ и Московскаго »Духовенства, то Его Королевское Величество и »Паны Сенаторы, не помогая ни той, ни другой »сторонѣ, смотрѣли издали на борьбу Димитрія »съ Борисомъ и ожидали рѣшенія оной при »Новѣгородѣ Сѣверскомъ отъ справедливаго суда »Божія. Когда же Борисъ чрезъ Посла своего »Огарева увѣдомилъ Короля Польскаго, что мни»мый Димитрій есть Отрепьевъ и упрекалъ По»ляковъ въ нарушеніи мирнаго договора; Его »Величество немедленно приказалъ послать къ »Воеводѣ и спутникамъ его, находившимся при »Новѣгородѣ, строгое повелѣніе оставить сего »человѣка и какъ можно скорѣе выѣхать изъ »Московскихъ предѣловъ. Панъ Воевода возвра»тился въ Польшу со всѣми людьми своими; »онъ же, оставшись въ Россіи съ вашими Дон»скими и Запорожскими Казаками и нѣкоторыми »Русскими, былъ признанъ законнымъ Госуда»ремъ многими городами, уже по удаленіи Пана »Воеводы. Вскорѣ послѣдовала смерть Борисова: »вы имѣли полную волю избрать себѣ Госуда»ремъ, кого хотѣли. Король Польскій ожидалъ, »что, избавившись отъ Бориса, вы не пожелаете »покориться Самозванцу и дадите Его Величеству

»подробное о семъ дѣлѣ извѣстіе. Вмѣсто сего, 1606.
»лучшее ваше войско, бывшее подъ Кромами,
»съ Князьями, Воеводами, знатными людьми и
»Дворянствомъ, явилось къ Димитрію и призна-
»ло его своимъ законнымъ Государемъ. Еще онъ
»былъ далеко отъ Москвы, когда вы, Думные
»Бояре, заключили въ темницу жену Борисову
»и сына его, а сами съ знатнѣйшими вельможа-
»ми, съ Княземъ Шуйскимъ и другими, добро-
»вольно отправились къ Димитрію въ Тулу, за
»30 миль отъ Москвы, присягнули ему въ вѣр-
»ности, какъ истинному Государю, проводили
»его въ столицу и короновали. Сами вы, чрезъ
»Пословъ своихъ и другихъ сановниковъ, пріѣз-
»жавшихъ въ наше Королевство, доказывали
»намъ, сколь несправедливо думать, будто бы
»народъ Польскій далъ вамъ Государя. По ва-
»шему добровольному избранію, Димитрій всту-
»пилъ на престолъ Московскій; съ вашего со-
»гласія онъ прислалъ къ Его Королевскому Ве-
»личеству письмо за Московскою печатью, чрезъ
»Аѳанасія Власьева, природнаго Россіянина, быв-
»шаго прежде неоднократно Посломъ отъ Бори-
»са Годунова при Королѣ Польскомъ, при Хри-
»стіанскомъ Цесарѣ и при другихъ Государяхъ:
»въ семъ письмѣ Димитрій благодарилъ Его Ко
»ролевское Величество за хлѣбъ соль и за всѣ
»ласки народа Польскаго; изъявлялъ особенное
»желаніе отъ имени Московской Державы заклю-

1606. »чить вѣчный дружественный союзъ съ Рѣчью »Посполитою и просилъ согласія Его Королев»скаго Величества на желаніе свое вступить въ »бракъ съ дочерью Его Свѣтлости Воеводы Сен»домирскаго. Государь нашъ, не сомнѣваясь въ »правахъ Димитрія на престолъ, засвидѣтельство»ванныхъ вами, Господа Бояре, и надѣясь въ »союзѣ съ Московскимъ Господарствомъ найти »твердый оплотъ противъ враговъ Св. Креста, »изъявилъ свое согласіе на бракъ Димитрія съ »дочерью Пана Воеводы. Въ слѣдствіе сего Аѳа»насій обручился съ нею именемъ своего Госу»даря. Были у насъ и другіе ваши гонцы: всѣ »они единогласно утверждали, что Димитрій есть »истинный Царевичъ. Сей самый Аѳанасій, так»же и ваши гонцы неоднократно благодарили »Пана Воеводу за пріязнь къ нему въ землѣ »Польской. Наконецъ Панъ Воевода отправился »сюда съ своею дочерью, а Его Королевское »Величество послалъ насъ, Пословъ, для присут»ствованія на Царской свадьбѣ и для заключе»нія вѣчной дружбы между Россіею и Польшею. »Московскіе Сенаторы, Князь Василій Масальскій »и Михайло Нагой, съ многочисленнымъ отря»домъ Русскаго войска, встрѣтили Пана Воеводу »съ дочерью на границѣ и проводили ихъ до »самой Москвы. Вы же, Думные Бояре, еще за »городомъ привѣтствовали ее, какъ свою Госу»дарыню, и присягали ей въ вѣрности. Послѣ

»того, съ вашего согласія, она была коронована 1606.
»Патріархомъ и Епископами по Славянскому
»обряду. Насъ, Пословъ, встрѣтили ваши Приставы, по обычаю, предъ Смоленскомъ и проводили до самой столицы. Тутъ мы исполнили »долгъ Посольства торжественно, имѣли съ вами »совѣщанія о заключеніи договора, и ни отъ »кого не слышали, чтобы Царь вашъ былъ не »истинный Димитрій. Даже, когда нѣкоторые »изъ нашихъ изъявили сомнѣніе о семъ предметѣ, вы, Русскіе, торжественнымъ свидѣтельствомъ уничтожили оное, и предъ всѣмъ свѣтомъ признали его своимъ законнымъ Государемъ. Теперь забывъ свои свидѣтельства и присяги, вы сами себѣ противорѣчите, и несправедливо обвиняете Его Королевское Величество »и нашу Рѣчь Посполитую: пеняйте сами на »себя! О смерти его мы не споримъ, не имѣя »причины объ немъ жалѣть. Вы сами видѣли, »какъ онъ поступалъ съ нами обоими, какъ требовалъ необыкновенныхъ Цесарскихъ титуловъ, »какъ оскорблялъ Государя нашего, запрещая »называть его Королемъ, какую изъявлялъ гордость и надмѣнность. Посему, для насъ весьма »удивительно, что вы, господа Бояре, люди столь »разумные, сами себѣ противорѣчите и безъ »всякаго повода упрекаете Государя нашего, а »того и видѣть не хотите, что сей человѣкъ, »который называлъ себя Димитріемъ и котораго

1606. »вы именуете Самозванцемъ, былъ вашъ Рус»ской; что не наши единоземцы, а ваши при»знали его Царевичемъ, встрѣтили за границею »съ хлѣбомъ солью, добровольно впустили въ »свои города, проводили въ Москву, провозгла»сили Государемъ, короновали, и сами же умер»твили. Словомъ, Русскіе начали, Русскіе и кон»чили. И такъ вы не имѣете права ни упрекать, »ни обвинять кого либо: все, что ни случилось, »приписывайте своимъ грѣхамъ и Божію гнѣву.

»Не можемъ выразить своей горести, вос»поминая о побіеніи такого множества единозем»цевъ нашихъ, которые не спорили съ вами о »семъ человѣкѣ, не поддерживали его своимъ »оружіемъ, не были хранителями жизни его, »ввѣренной вашему попеченію, и которыхъ вы »убили, замучили, ограбили. Сами виновные въ »кровопролитіи, вы же и упрекаете насъ. Вмѣ»сто утѣшенія, вы усиливаете печаль нашу. »Если все сіе отдать на судъ злѣйшему недругу »нашего Государя, Короля, и Отечества, Рѣчи »Посполитой, то нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній »простолюдинъ обвинитъ васъ: мы не нарушили »трактатовъ. Убійство же братьевъ нашихъ, при»писываемое вами черни, было, какъ намъ ка»жется, слѣдствіемъ желанія вашего наказать »виновныхъ. Впрочемъ мы не сомнѣвались бы »въ семъ извиненіи и согласились бы, что насъ »постигло бѣдствіе за наши грѣхи по волѣ Все-

»вышняго, если бы вы какъ можно скорѣе от- 1606.
»пустили съ нами въ отечество Его Свѣтлость
»Воеводу Сендомирскаго, съ дочерью и другими
»особами, возвративъ имъ людей и имущество:
»(въ такомъ случаѣ мы стали бы ходатайство-
»вать у Короля о сохраненіи вѣчнаго мира); но
»какъ, вопреки правиламъ Христіанскихъ Госу-
»дарей, даже вопреки обыкновеніямъ бусурман-
»скимъ, вы доселѣ насъ задерживаете, оскорбляя
»тѣмъ и Его Королевское Величество, и Рѣчь
»Посполитую, нашу Польскую Державу, и Ве-
»ликое Княжество Литовское; то очевидно, что
»не чернь должна быть обвиняема, и что за
»кровь нашихъ братій будетъ отвѣчать не она,
»а нынѣшній великій Господарь вашъ, вмѣстѣ
»съ вами, Думные Бояре. Миръ между Польшею
»и Россіею нарушенъ: Богъ отмститъ вамъ за
»наше бѣдствіе!«

Выслушавъ сей отвѣтъ, Бояре не хотѣли долѣе спорить и только сказавъ: »вамъ, присланнымъ Послами не къ нынѣшнему Государю »нашему, Великому Князю Василію Ивановичу, »а къ Разстригѣ, не для чего такъ много и »вольно говорить,« отпустили ихъ на квартиру.

25 Іюня собралось нѣсколько тысячь черни съ оружіемъ и камнями у Кремлевскихъ воротъ, на Лобномъ мѣстѣ, гдѣ Царь обыкновенно показывается народу. Мы не знали причины сему волненію. Носился слухъ, что нѣкоторые

1606. Бояре, безъ вѣдома Царя и Боярской Думы, взволновали чернь, сказавъ, что Царь велѣлъ побить остальную Литву. Самъ Великій Князь выходилъ къ народу и узнавъ, для чего онъ собрался, приказалъ ему разойтись по домамъ, а виновныхъ казнить. Мы безпокоились нѣсколько дней и цѣлыя ночи проводили безъ сна.

Съ 1 Іюля стали доходить до насъ слухи, что Димитрій спасся отъ смерти: мы не вѣрили имъ. 8 Іюля перевели Пана Воеводу съ Царицею дочерью его и со всею прислугою изъ Борисова дома за крѣпостную стѣну въ домъ Аѳанасія, сосланнаго, по смерти Димитрія, въ Сибирь. 15 Іюля въ первый разъ допустили къ Воеводѣ на нѣсколько часовъ Старосту Сапоцкаго, брата Царицына. 22 Іюля и въ слѣдующіе дни, Бояре, имѣвшіе болѣе власти, чѣмъ самъ Царь, выѣзжали за городъ въ поле, и тамъ убѣждали народъ довершить истребленіе Поляковъ. Народъ не согласился: »Бейте ихъ сами! »пусть и вамъ достанется то же, что нашему »брату,« говорила чернь. Бояре рѣшились разлучить насъ и дали намъ квартиры въ разныхъ мѣстахъ. Въ продолженіе сихъ дней, мы находились въ великомъ страхѣ.

1 Августа открылся въ столицѣ мятежъ, по случаю подкинутыхъ писемъ отъ имени Димитрія. Сначала ихъ не хотѣли читать; въ послѣдствіи созвали всѣхъ Дьяковъ, чтобы сличить

ихъ почеркъ съ сими письмами; однакожь не 1606.
могли открыть виновнаго. Между тѣмъ выслали изъ Москвы войско для усмиренія мятежей въ Путивлѣ и въ другихъ пограничныхъ городахъ. Носилась молва, что народъ толпами стекается то къ Боярскому сыну Петрушкѣ, то къ Димитрію, то къ обоимъ вмѣстѣ, и присягаетъ имъ. По симъ вѣстямъ, силою отправляли ратныхъ людей противъ мятежниковъ. Въ сей же день въ первый разъ дозволено Князю Вишневецкому навѣстить Пана Воеводу.

2 Августа разобрали мостъ у крѣпостныхъ воротъ и поставили много огнестрѣльныхъ орудій. 3 числа Староста Красноставскій былъ у Пана Воеводы довольно долго. 8 Августа Князь Вишневецкій со всею свитою своею, также съ слугами и Жолнерами Старосты Саноцкаго высланъ изъ Москвы въ Кострому, за 54 мили отъ столицы. Его везли на подводахъ; лошадей же ни ему, ни челядинцамъ его не возвратили. Староста Саноцкій съ 11 служителями присоединенъ къ отцу, Воеводѣ Сендомирскому. 10 Августа Хоронжій Перемышльскій Тарло былъ у Воеводы. Царь ѣздилъ за городъ въ монастырь на богомолье, и тамъ ночевалъ, а въ слѣдующій день, по случаю празднества Преображенія Господня, купался въ рѣкѣ. По Рускому обычаю, каждый обязанъ въ сей день купаться, въ воспоминаніе креста Искупителева. Въ монастырѣ

1606. Царь угощалъ Бояръ и провожавшихъ его Стрѣльцовъ до тысячи человѣкъ. Онъ возвратился верхомъ; за нимъ ѣхала карета въ 6 лошадей, коихъ вели за поводья. 24 Августа высланы изъ Москвы въ Ростовъ за 35 миль оба Пана Стадницкіе Мартынъ и Андрей, Панъ Нѣмоевскій, Подстолій Коронный, Паны Вольскій и Корытко. Изъ Ростова ихъ скоро перевели въ другой городъ.

26 Августа, близь дома Пана Воеводы сгорѣли три кузницы. Мы чрезвычайно встревожились, подозрѣвая въ семъ пожарѣ злой умыселъ. 17 числа Староста Саноцкій, братъ Царицы, съ остальною свитою присоединенъ къ Воеводѣ. 18, Панъ Тарло съ женою сосланъ въ Тверь, укрѣпленный городъ, за 40 миль отъ столицы. Туда же вмѣстѣ съ нимъ отправлены Панья Старостина Сохачевская съ сыномъ и Панья Гербуртова. 20 числа въ городскихъ лавкахъ загорѣлся порохъ; три каменныя лавки и нѣсколько деревянныхъ разрушены; до 40 человѣкъ убито; до ста тяжело ранены. Громъ взрыва перепугалъ Царя. Онъ велѣлъ запереть крѣпость: ибо въ сей день была въ Москвѣ тревога, по случаю извѣстія, что войско Шуйскаго проиграло сраженіе, а Димитрій, спасшійся отъ смерти, окруженъ сильною, преданною ему ратью. Въ сей же день приказано Пану Воеводѣ готовиться къ отъѣзду въ Ярославль, за 42 мили отъ

Москвы, съ Царицею дочерью его, съ Паномъ 1606.
Старостою Красноставскимъ и сыномъ его, съ Старостами Луковскимъ и Саноцкимъ. Для сего путешествія возвратили имъ нѣсколько цуговъ худыхъ лошадей; изъ верховыхъ же и лучшихъ не дано ни одной. И такъ Царь измѣнилъ своему слову—не тревожить Пана Воеводу, по слабости его здоровья.

26 Августа, приготовляясь къ выѣзду, мы пересмотрѣли всѣ вещи по реэстру, составленному послѣ мятежа, и внесли въ оной имена всѣхъ Господъ и служителей ихъ. Сверхъ того записали 58 шляхтичей и купцовъ, забранныхъ во время бунта въ такъ называемомъ Глиньскомъ дворѣ. Къ нимъ прибавили еще, по просьбѣ Воеводы съ согласія Царя, Запорскаго и Дворжицкаго. Всѣхъ насъ было, не исключая благородныхъ женщинъ и Царицыныхъ фрейлинъ, 375 человѣкъ. Насъ отправили того же дня подъ вечеръ, при 300 Стрѣльцахъ. За милю отъ Москвы, или по Русскому счету въ 5 верстахъ, мы ночевали на берегу Яузы въ селѣ Растокинѣ. 27 Августа доѣхали до села Здвиженскаго въ 9 миляхъ отъ ночлега. Ночью на сіе число сгорѣла въ Москвѣ часть Борисова дома, гдѣ стоялъ Панъ Воевода, съ монастырскимъ дворомъ и ближайшею церковью. Въ двухъ миляхъ отъ села Здвиженскаго находится каменный монастырь Св. Троицы на весьма веселомъ мѣстѣ;

1606. тамъ работаютъ корневые чашки и ковши. 28 числа ночлегъ въ Дубнахъ. Здѣсь мы слышали разныя вѣсти о Димитріи, большею частію невѣроятныя. 29 числа ночлегъ въ селѣ Глѣбовскомъ, въ 7 миляхъ отъ Дубнъ. Въ сей день обогнала насъ подвода, на которой весьма поспѣшно везли въ Переяславскую тюрму Донскаго Казака, пойманнаго изъ войска мятежниковъ. Одному изъ нашихъ удалось поговорить съ нимъ: Казакъ увѣрялъ, что Димитрій точно живъ. 30 Августа ночлегъ въ Переяславлѣ, въ 7 миляхъ отъ Глѣбовскаго. Тутъ, въ квартирѣ Царицы, схватили старуху, которая, облупивъ лягушку, начала было что-то проказничать: ее подстерегли заблаговременно. 31, ночлегъ въ Петровскомъ селѣ, за 8 миль. Стрѣльцы зарѣзали одного изъ своихъ товарищей. Отъ Петровскаго до Ростова 4 мили. Тамъ заключены Паны Стадницкіе. Мы проѣзжали чрезъ сей городъ, но не могли видѣться съ ними.

1 Сентября, переправясь чрезъ рѣку Усье, мы ночевали въ селѣ Задовицѣ, въ 28 верстахъ отъ Ростова. 2 Сентября господа имѣли ночлегъ въ селѣ Сыдосковѣ, на берегу Которосли; а половина слугъ и челяди остановилась за рѣкою въ селѣ Кузминскомъ. Въ воскресенье по утру всѣ снова соединились и молились Богу. Отъ Сыдоскова до Кузминскаго 6 миль. 3 числа, проѣхавъ три мили, мы ночевали въ пред-

мѣсти Ярославля, называемомъ слободою: въ 1606.
городъ не хотѣли насъ везти того же дня. Отъ Москвы до Ярославля всего 245 верстъ, а по нашему счету 42 мили. Дорога почти вездѣ ровная. Въ сей день провезли чрезъ Ярославль Боярина Ивана Томалчана въ Сибирь на каторгу, въ наказаніе за совѣтъ его развѣдать, живъ ли Димитрій, что бы въ такомъ случаѣ, не губя народа, вручить ему снова Государство 48). Съ нимъ везли изъ Москвы какого-то Семенка Бѣлька Ватамана, Донскаго Казака и другихъ. Ни одному изъ нашихъ не льзя было къ нимъ подойти и поговорить: Русскіе никого не допускали. 4 числа мы переправились чрезъ рѣку Которосль. Для господъ нашихъ назначено четыре двора, три вмѣстѣ и одинъ отдѣльный. Въ одномъ остановился Панъ Воевода съ нѣкоторыми служителями; другой подлѣ него заняла Царица съ Камерфрейлинами; въ третьемъ, насупротивъ, помѣстились Старосты Луховскій и Саноцкій, въ четвертомъ отдѣльномъ Староста Красноставскій съ сыномъ своимъ и прислугою. Для свиты отвели квартиры, не далеко отъ господскихъ дворовъ.—Дорогою мы получали самое скудное содержаніе; лошадямъ же корма не отпускалось. Въ Ярославлѣ есть крѣпость довольно обширная, но слабая. Каменныхъ зданій нѣтъ, кромѣ одного монастыря, обнесеннаго каменною же стѣною. Замокъ сгнилъ; ограда его обвалилась.

1606. Стоитъ онъ при впаденіи Которосли въ великую рѣку Волгу. Крѣпость обнесена низкимъ валомъ, за коимъ мы остановились.

7 числа въ полночь открылся пожаръ въ Царицыномъ покоѣ отъ новой печки, которую отапливали. Пламя уже пробивало. Мы были въ ужасѣ и великомъ смятеніи. Ударили тревогу. Русскіе сбѣжались тушить. Если бы Стрѣльцы не уняли ихъ, не знаю, чѣмъ бы кончилась суматоха. Принужденные защищаться и отъ нихъ и отъ огня, мы намѣревались бросить свои вещи, и спасали одно оружіе, чтобы дорого продать свою жизнь. Къ счастію вскорѣ огонь загасили. 9 числа отобрали у насъ лошадей для выгона на паству. Господа желали сами содержать ихъ, но не получили на сіе дозволенія. Впрочемъ намъ оставлено нѣсколько десятковъ. 13 числа насъ привели въ ужасъ, сказавъ, что Царь повелѣлъ умертвить всѣхъ оставшихся въ Россіи Поляковъ, по случаю вторженія Польскаго войска въ Московскіе предѣлы. Но сія молва была столь же неосновательна, какъ и толки о Димитріи. 17 числа Воевода получилъ извѣстіе, что за Ельцомъ войско Шуйскаго, въ числѣ пяти тысячь, разбито на-голову 49).

18 числа въ полночь былъ пожаръ недалеко отъ нашихъ квартиръ: сгорѣло 12 домовъ. 21, пріѣхалъ изъ Москвы, съ нѣсколькими сотнями Стрѣльцовъ, Думный Бояринъ Михайло

Михайловичъ Салтыковъ, тотъ самый, котораго 1607.
при Новгородкѣ привели къ покойному Царю и Пану Воеводѣ на веревкѣ, привязанной къ бородѣ его. Пріѣздъ такого гостя, и притомъ вечернею порою, чрезвычайно встревожилъ насъ. Мы тѣмъ болѣе робѣли, что скорѣе ожидали зла, чѣмъ добра. Даже нѣкоторые изъ жителей Ярославля оплакивали нашу участь и совѣтовали быть осторожными, говоря, что завтре вѣрно нападутъ на насъ. Мы не спали всю ночь; поручили себя покровительству Божію, и съ горячими слезами возсылая къ небу мольбы о спасеніи, съ ужасомъ ожидали наступленія дня.

23 Марта [50]. Все утро мы были между страхомъ и надеждою. Бояринъ Салтыковъ велѣлъ объявить намъ, что, пріѣхавъ нарочно по Царскому дѣлу, онъ желаетъ видѣться съ Паномъ Воеводою; почему и проситъ его пожаловать съ своими Пріятелями безъ слугъ къ нему на квартиру, въ городъ. Услышавъ сіе, мы еще болѣе оробѣли, опасаясь, что Салтыковъ, заручивъ господъ нашихъ, нападетъ на насъ, или другимъ коварствомъ ускоритъ нашу погибель. Долго разсуждали мы, на что рѣшиться: ѣхать или нѣтъ? Наконецъ, по зрѣломъ размышленіи, Панъ Воевода, поручивъ себя волѣ Божіей, отправился съ Панами Старостами Красноставскимъ и Луховскимъ, съ нѣсколькими слугами пѣшими и съ двумя конными на хорошихъ ло-

1607. шадяхъ, для предосторожности въ случаѣ опасности. Панъ Староста Саноцкій остался при Царицѣ. Всѣ служители были готовы стать подъ ружье. Бояринъ принялъ нашихъ Пановъ ласково, Воеводу спрашивалъ Царскимъ именемъ о здоровьи, и объявивъ ему, съ обыкновеннымъ исчисленіемъ Царскихъ титуловъ, великокняжескую милость, сказалъ: »Посолъ великаго Государя моего Князь Григорій Волконскій возвратился изъ Ляцкой земли съ желаннымъ успѣхомъ; мы со дня на день ожидаемъ пріѣзда »Польскаго Посла Князя Богдана Огинскаго съ »добрыми вѣстями. Какъ скоро онъ пріѣдетъ и »дѣла, разстроенныя Самозванцемъ, приведены »будутъ въ порядокъ, Царь немедленно отпу»стить тебя со всѣми единоземцами изъ своихъ »владѣній. А какъ Польскій Король весьма ску»чаетъ безъ тебя и безпокоится о твоемъ здо»ровьи; то Царь, жалуя васъ своею милостію, »дозволяетъ тебѣ отправить въ Польшу 70 че»ловѣкъ служителей съ Паномъ Старостою Кра»сноставскимъ и со всѣми находящимися при »васъ купцами, чтобы они возвѣстили въ Поль»шѣ о добромъ вашемъ здоровьи.«

26 Марта Салтыковъ донесъ Царю о повиновеніи Пана Воеводы. Приставы наши доселѣ представляли все въ превратномъ видѣ: писали о нашихъ насильственныхъ поступкахъ, о ссорахъ и دракахъ съ Стрѣльцами, о намѣреніи

отдать непріятелямъ городъ, которымъ мы будто бы завладѣли и управляли цѣлый день. Писали и о другихъ важнѣйшихъ пелѣпостяхъ, въ слѣдствіе коихъ такъ поспѣшно присланъ изъ Москвы Бояринъ Салтыковъ, чтобы усмирить насъ. Граждане Ярославскіе единогласно засвидѣтельствовали, что мы жили мирно и спокойно, и что сами Приставы обижали какъ насъ, такъ и гражданъ, насилуя женъ и дѣвицъ. Выслушавъ показаніе свидѣтелей, Салтыковъ обо всемъ донесъ Царю. Нѣкоторые говорили, что онъ присланъ защищать города и крѣпость, и поджидалъ нужное для сего войско. Въ самомъ дѣлѣ, по его приказанію, съѣхались всѣ окружные Бояре; пушки были приготовлены; народу роздано нѣсколько тысячь рогатинъ, взятыхъ изъ монастыря. 26 числа отправили нашихъ въ дорогу, но въ Польшу ли, мы не знаемъ. Изъ свиты Пана Воеводы взято 37 служителей. Трое шляхтичей желали участвовать въ путешествіи, но ихъ не приняли, хотя многіе изъ дворянъ согласились бы назваться холопами, чтобы только вырваться изъ неволи. Изъ свиты Пана Красностاвскаго отправлено 18 слугъ и 9 купцовъ, всего 64 человѣка. Имъ возвратили лошадей, отобранныхъ въ Ярославлѣ; но все, что взято въ Москвѣ, не отдано; не вознаграждены также убытки, особливо тѣхъ купцовъ, которые отпустили Димитрію на нѣсколько сотъ 1607.

1607. тысячь женскихъ уборовъ, не получивъ за оные платы. Простившись съ нами, они заѣхали въ городъ къ Боярину Салтыкову, который напоилъ ихъ до пьяна виномъ и медомъ, и давъ каждому по рублю, приказалъ везти ихъ въ столицу. Чрезъ нѣсколько дней, мы тайно получили отъ нихъ письмо изъ Троицкаго монастыря, въ 12 миляхъ отъ Москвы, слѣдующаго содержанія: »Если вы здоровы, слава Богу. Мы »всѣ здоровы. Ожидаемъ васъ въ монастырѣ св. »Троицы. Свѣтлѣйшій Панъ Воевода только съ »немногими пріѣдетъ въ Москву. У насъ довольно »добрыхъ вѣстей: Татары Крымскіе и Казан»скіе ведутъ войну; есть вѣрная надежда, что »мы не погибнемъ.« Это письмо чрезвычайно обрадовало насъ; но какъ при всемъ томъ ничего добраго мы не видали, то и радость наша скоро изчезла.

27 Марта Салтыковъ приглашалъ Пана Воеводу къ себѣ на квартиру: Его Свѣтлость не поѣхалъ, отговорившись тѣмъ, что принимаетъ лекарство. Бояринъ чрезъ Приставовъ объявилъ ему Царскую волю, перевезти въ другой городъ людей Глиньскихъ, т. е. всѣхъ ставшихъ на Татарскомъ дворѣ. Поводомъ къ сему распоряженію, говорили Приставы, была трудность доставать съѣстные припасы для такого множества Поляковъ. Панъ Воевода, съ нашего согласія, безъ прекословія исполнилъ приказаніе Боярина.

Русскіе могли теперь воспользоваться нашимъ неосновательнымъ легкомысліемъ и нѣсколькими сотнями одолѣть насъ. Сего же числа въ 4 часу ночи былъ пожаръ въ нашей квартирѣ отъ неосторожности мальчика, забывшаго погасить на стѣнѣ свѣчу. Сгорѣла изба съ сѣнями: два Товарища едва успѣли выскочить. Опасность была большая: рядомъ съ горѣвшею избою находилась тѣсная квартира Пана Старосты Красноставскаго. Но Богъ спасъ насъ: огонь не распространился. 1607.

29 Марта мы получили отъ своихъ извѣстіе, что Панъ Воевода съ Старостами Красноставскимъ и Луховскимъ долженъ будетъ ѣхать въ Москву для переговоровъ; а другіе Поляки останутся въ Ярославлѣ съ Царицею. Въ слѣдующіе дни мы много безпокоились: носились разные слухи. Одни утѣшали насъ скорою свободою; а другіе говорили, что насъ ожидаетъ ужаснѣйшая неволя. Мы тѣмъ болѣе горевали, что отданъ былъ приказъ везти нашихъ въ другіе города. Этого мало: намъ дали знать, что Москва по случаю жестокой войны находится въ великомъ смятеніи и что единоземцы наши, коихъ обѣщали отправить въ Польшу, задержаны въ столицѣ. 1 Апрѣля 1607 года вывезли изъ Ярославля въ Вологду за 30 миль Дворжицкаго съ Товарищемъ его и со всѣми людьми, бывшими подъ начальствомъ его, числомъ 37 человѣкъ. Панъ Комаровскій и Владиславъ Му-

1607. тына оставлены при Воеводѣ, по просьбѣ его, съ однимъ Пахоликомъ, однимъ Товарищемъ и съ нѣсколькими слугами. Въ сей день мы узнали, что какіе-то люди идутъ на Ярославль. Городъ спѣшили привести въ оборонительное положеніе, разставили пушки; множество Бояръ [51]) съѣхалось для защиты онаго. Такая предосторожность продолжалась около недѣли; потомъ всѣ опять разъѣхались. 6 Апрѣля заплачены Пану Воеводѣ издержанные имъ на съѣстные припасы, въ 22 дни, 278 злотыхъ и 2 гроша, да на пиво 470 и вино 17 вѣдеръ. Панамъ Старостамъ уплачено особенно по ихъ счетамъ. Сегодня мы переписали всѣхъ людей, оставшихся при насъ и сосланныхъ въ другіе города. 12 Апрѣля утромъ была большая пальба, для исполненія по словамъ Русскихъ, обрядовъ вѣры. Это случилось въ великій четвертокъ. Такая же пальба происходила за 4 дня предъ тѣмъ въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятой Дѣвы, по Русскому календарю. Николай Салтыковъ [52]) выѣхалъ на пасху въ деревню. 13 Апрѣля взяли отъ насъ Пристава Романа, а на мѣсто его опредѣлили Аѳанасія Малексховича. 15 Апрѣля была Пасха Христова; праздновали ее не блистательно. Вмѣсто куличей мы ѣли хлѣбъ, а другимъ и хлѣба недоставало. По крайней мѣрѣ мы были спокойны, не слыша никакихъ вѣстей. 18 Апрѣля пришло изъ Корели 150 Стрѣльцовъ на смѣну

тѣхъ, которые стерегли насъ. Бѣжавшіе изъ 1607.
нихъ сѣчены кнутомъ. Съ перемѣною Стрѣльцовъ изчезла надежда наша на скорую свободу, тѣмъ болѣе, что намѣревались вырвать изъ насъ еще нѣсколькихъ и сослать въ другіе города. Михайло Салтыковъ возвратился изъ деревни въ Ярославль. 25 Апрѣля вскрылись рѣки Волга и Которосль. Невозможность переправы лишила насъ живности: намъ давали только дурную солонину. Сначала мы не хотѣли употреблять оной; но голодъ скоро наскучилъ, и мы брали, что намъ давали. Карманы наши опустѣли; у Пановъ было серебро; но что въ немъ, когда запрещали продавать оное? Можно было сбывать только тайно, съ опасностію для покупщиковъ: у нихъ отнимали наши серебро. Наконецъ вода спала: намъ снова стали давать свѣжую говядину и баранину.

Около 30 Апрѣля наступила чрезвычайно холодная погода, какъ обыкновенно случается въ сихъ странахъ. Лишь только сойдетъ снѣгъ, тотчасъ лѣто. Въ день св. Юрья Русскаго, солнце такъ сжетъ, какъ у насъ въ Іюнѣ. Однакожь лѣтомъ гораздо несноснѣе стужа, чѣмъ зной. Если поднимется облако отъ Ледовитаго моря, настаетъ жестокій холодъ; если пригрѣетъ солнце, бываетъ чрезмѣрный жаръ. При перемѣнной погодѣ — настоящая осень. Лѣто и весна слишкомъ кратки. Зима становится рано; продол-

1607. жается съ великими морозами. Отъ начала до конца оной можно въ волю накататься въ саняхъ.

4 Мая Бояринъ Салтыковъ велѣлъ собраться городской судебной избѣ, куда привели нѣсколько лазутчиковъ. Мы не могли узнать, какимъ образомъ и гдѣ поймали ихъ. Сего же числа мы видѣли въ городѣ нѣсколько стройныхъ Поляковъ, вѣроятно изъ числа тѣхъ, которые передались на сторону Царскую. Тутъ былъ нѣкто Садовскій, камердинеръ и писарь Пана Криковскаго. Бѣжавъ изъ Польши, онъ долго скитался по разнымъ странамъ; въ послѣдствіи пріѣхалъ съ Паномъ Стадницкимъ въ Россію, надѣлалъ ему много непріятностей, какъ намъ сказывали, и остался въ Ростовѣ, гдѣ видѣли его тѣ изъ нашихъ товарищей, которые ушли зимою въ Ростовъ и были тамъ пойманы. 8 числа, въ день св. Станислава вечеромъ, одинъ изъ нашихъ, вѣрно съ умысломъ, выстрѣлилъ въ конюшнѣ изъ ружья и чуть не утеръ пулею носа Русскому Стрѣльцу; другаго Стрѣльца ударилъ въ рожу кучеръ Пана Старосты Луховскаго. Сіи проказы не имѣли дурныхъ слѣдствій. 12 числа былъ ровно годъ несчастному въѣзду Царицы въ Москву. 17 числа мы были на молитвѣ 40 часовъ, прося у Бога свободы. Русскіе весьма дивились, какъ мы всѣ вмѣстѣ бичевали себя цѣлую ночь, возглашая дражайшія имена: *Езусъ! Марiа!* До насъ дошли слухи,

что сторона Шуйскаго, проигравъ сраженіе, 1607.
ослабѣла. 18 Мая было днемъ коронованія Царицы, а 19 днемъ ея свадьбы. Въ прошломъ году сего числа была пятница, а въ нынѣшнемъ суббота. 24 Мая въ день Вознесенія Христова вся Москва волновалась; поминутно высылали свѣжія войска. Съ 27 Мая, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, Бояре и другіе люди въ великомъ множествѣ проѣзжали чрезъ Ярославль: въ городѣ нашемъ была тревога. Стража, стоявшая у перевоза, отводила проѣзжающихъ другою стороною вала, чтобъ мы ни съ кѣмъ не могли видѣться.

3 Іюня, по милости Всевышняго, наступили праздники, которые мы провели спокойно и весело, хваля Бога. 4 числа утромъ получено извѣстіе, что въ послѣднихъ числахъ Мая изъ войска Шуйскаго до 14,000 человѣкъ пало на сраженіи [53]. Какъ въ семъ дѣлѣ, такъ и въ другихъ съ обѣихъ сторонъ было великое кровопролитіе. По наступленіи зимы сосчитали войско и нашли, что съ той и другой стороны побито до 40.000. Столь бѣдственныя слѣдствія междоусобной брани привели всю Москву въ волненіе, такъ что самъ Шуйскій долженъ былъ выступить противъ непріятеля. Бояре и другіе служивые люди отвсюду писали въ Москву, чтобъ Правительство спѣшило успокоить Государство. Они присылали письма съ гонцами,

1607. которые здѣсь ѣздятъ весьма быстро, перебѣгая по 50 миль въ сутки. Скоро пронесся слухъ, что или Царя изберутъ новаго, или всѣми силами ударятъ на непріятеля. 10 Іюня намъ позволено продать лошадей и оружіе, въ коемъ Русскіе нуждались. Нѣкоторыхъ лошадей мы продали, а оружія не выпускали изъ рукъ, не довѣряя Русскимъ. 15 числа два Нѣмца, Богъ вѣсть откуда взявшіеся, проходя мимо нашего дома, тихо говорили намъ, что Димитрій точно живъ. 19 Шуйскій прислалъ въ Ярославль указъ съ повелѣніемъ отправить на войну опредѣленное число Соховняковъ, по нашему присяжныхъ [54]. Выслушавъ сей указъ, они съ ропотомъ говорили, что безъ Шуйскаго не было бы такого кровопролитія. 20 получено извѣстіе, что Шуйскій опять потерялъ 6000 человѣкъ въ сраженіи. Стали поговаривать о Димитріи и желать ему успѣха; Приставы обходились съ нами гораздо ласковѣе прежняго; мы впрочемъ и вѣрили и не вѣрили разсѣваемымъ слухамъ. 24 Іюня въ день св. Іоанна уже въ сумерки встревожили насъ извѣстіемъ о прибытіи къ Ярославлю Князя Голицына съ отрядомъ войска. Сей Голицынъ, одинъ изъ числа знатнѣйшихъ вельможъ Московскихъ, былъ тотъ самый, который въ Москвѣ во время бунта навѣстилъ Пана Воеводу. Съ нимъ дѣйствительно было нѣсколько сотъ человѣкъ, коихъ наши видали въ продолженіе

не многихъ дней: скоро они ушли опять къ Москвѣ. Наши опасенія изчезли; молва замолкла, и намъ сказано, что мы будемъ отправлены въ Польшу по первой зимней дорогѣ. Мы не очень обрадовались сему извѣстію, имѣя причины бояться зимы: большая часть насъ обнищала. 1607.

3 Іюля пришли вѣсти не согласныя съ прежними. Шуйскій писалъ къ жителямъ Ярославля о совершенномъ пораженіи измѣнниковъ, изъ коихъ, по словамъ его, 5000 взято въ плѣнъ, вмѣстѣ съ Гетманомъ ихъ Болотниковымъ. Многіе считали сіе извѣстіе ложнымъ. Впрочемъ дѣйствительно было жестокое сраженіе, которое продолжалось день и ночь. (Надобно замѣтить, чтъ въ Россіи лѣтнею порою ночь бываетъ не долѣе 4 часовъ, и заря не гаснетъ). 29 Іюня было новое сраженіе, въ коемъ также легло не мало людей съ обѣихъ сторонъ. Потеря Шуйскаго была особенно значительна, простираясь, какъ сказывали намъ, до 25.000 человѣкъ. Самъ Шуйскій въ то время находился въ Серпуховѣ. О Димитріи говорили, что онъ живъ и съ великимъ войскомъ идетъ на соединеніе съ Болотниковымъ. Было много и другихъ вѣстей, которыя однакожь не заслуживали никакого вѣроятія.

9 Іюля возвратился Стрѣлецъ, коего посылали отъ себя приставленные къ намъ Стрѣльцы. Онъ сказывалъ намъ, что Димитрій дѣй-

1607. ствительно живъ и съ многочисленнымъ войскомъ идетъ на Шуйскаго, который съ своей стороны собралъ страшную силу, оставивъ въ Москвѣ съ роднымъ братомъ своимъ Дмитріемъ весьма не много людей военныхъ. Другіе, напротивъ того, утверждали, что Царь возвратился въ Москву, расположивъ свое войско на берегахъ Оки. Вѣсти смѣнялись вѣстями и такъ рѣдко сбывались, что мы перестали имъ вѣрить. Извѣстіе, будто Шуйскій возвратился въ Москву, было совершенно ложно. 10 Іюля мы узнали, что Товарищей нашихъ, Дворжицкаго и другихъ, сосланныхъ въ Вологду, стерегутъ весьма строго, а скудное содержаніе ихъ уменьшили до половины, за открывшееся намѣреніе ихъ бѣжать тайнымъ образомъ. Они поговаривали о семъ, находясь еще съ нами.

12 Іюля Испанскій монахъ, ордена Св. Августина, Николай де Мело, тайно доставилъ намъ письма для врученія Пану Воеводѣ. Сей монахъ слишкомъ 20 лѣтъ былъ проповѣдникомъ Божіяго слова въ Восточной Индіи, а въ послѣдствіи начальникомъ всѣхъ находящихся тамъ миссіонеровъ. Возвращаясь оттуда по приказанію Папы и Короля Испанскаго, онъ заѣхалъ къ Шаху Персидскому: былъ хорошо принятъ и взялъ отъ Шаха письма къ отцу Папѣ и Королю Испанскому. Какъ военныя безпокойства не дозволили ему отправиться изъ Персіи мо-

ремъ: то онъ рѣшился ѣхать чрезъ Россiю, 1607.
имѣя пашпорты отъ Шаха и другихъ Государей. Это случилось еще въ царствованiе Бориса Годунова. Русскiе, постоянные враги Римской религiи и проповѣдниковъ ея, увидѣвъ изъ писемъ, отобранныхъ у Николая де Мело, сколь преданъ Шахъ вѣрѣ Католической, и опасаясь, чтобы такой сильный Государь не принялъ ея и не распространилъ во всѣхъ своихъ владѣнiяхъ, заключили монаха въ тяжкiя оковы и сослали въ городъ Соловки. По смерти Борисовой, Димитрiй, узнавъ о семъ благочестивомъ мужѣ, приказалъ немедленно освободить его и привезти въ Москву, намѣреваясь дать ему порученiе къ Королю Испанскому. Монахъ уже былъ въ дорогѣ, когда послѣдовалъ несчастный переворотъ. Возвращенный по приказанiю Шуйскаго въ Москву, онъ объяснилъ свое дѣло чрезъ Англiйскаго переводчика Царю и Думнымъ Боярамъ. Сiе объясненiе кончилось тѣмъ, что Царь, по старанiю живущихъ въ Москвѣ Англичанъ, главныхъ враговъ Католической вѣры и народа Испанскаго, приказалъ снова заключить его въ оковы и сослать въ Борисовъ монастырь, въ трехъ миляхъ отъ Ростова. Отсюда прислалъ онъ къ Папу Воеводѣ пространное письмо на Французскомъ языкѣ, въ коемъ описавъ свое горестное положенiе, свидѣтельствовалъ предъ всѣмъ свѣтомъ о своихъ трудахъ для пользы Католиче-

1607. ской вѣры въ Америкѣ, въ Индіи, въ Персіи, и просилъ Пана Воеводу, по возвращеніи въ отечество, извѣстить Короля Испанскаго чрезъ Папу, сколь важны могли быть слѣдствія его трудовъ для религіи. Доказательствомъ доброй души сего монаха служитъ заботливость объ освобожденіи молодаго Индѣйца, знатной и богатой фамиліи, который поѣхалъ съ нимъ къ Испанскому двору, и попалъ въ ту же петлю. Въ благочестіи же его свидѣтельствуетъ непоколебимость въ вѣрѣ, среди всѣхъ мученій, коими Русскіе старались припудить его къ отреченію отъ религіи Католической и къ принятію своихъ вздоровъ [55]). Вмѣстѣ съ симъ письмомъ доставлена записка изъ Ростова отъ Пана Андрея Стадницкаго, который увѣдомлялъ о возникшихъ въ Польшѣ раздорахъ между Королемъ и Панами. Сія вѣсть увеличила нашу грусть.

30 Іюля найдены въ городѣ подкинутыя письма, съ увѣщаніемъ народу отъ имени войска, не печалиться, а ожидать вскорѣ новаго Царя и съ нимъ спокойствія. Подозрѣваемый въ семъ поступкѣ холопъ былъ замученъ. 14 числа присоединилось къ Шуйскому до 700 всадниковъ съ луками: это такіе рыцари, что полсотня отважныхъ гусаръ разсѣетъ въ прахъ весь отрядъ ихъ. 15 числа Приставы навѣстили Пана Воеводу и между прочимъ сказывали о набожномъ путешествіи Царя въ разные мона-

стыри. Съ другой же стороны было слышно, 1607.
что жители Серпухова, наскучивъ пребываніемъ Шуйскаго, зажгли нарочно городъ, и какъ во время пожара кромѣ другихъ вещей сгорѣло до 70 палатокъ, то Шуйскій принужденъ былъ выступить изъ Серпухова.

17 Іюля Панъ Янъ Березанскій, Камеръюнкеръ Воеводы, утонулъ, купаясь въ рѣкѣ Которослѣ, (намъ дозволяли купаться, подъ надзоромъ Приставовъ): увлеченный быстротою воды на глубокое мѣсто, онъ поглощенъ волнами. Смерть его надѣлала много шума между Приставами. Трупъ похоронили за городомъ вмѣстѣ съ тѣми Поляками, которые, наскучивъ долговременною неволею, бросались въ Волгу. Березанскій погибъ случайно; другой же Полякъ, слуга одного Пана изъ числа бѣжавшихъ зимою, находясь подъ строгимъ карауломъ, никого изъ насъ не допускавшимъ къ нему, принужденъ былъ умереть частію съ тоски, частію отъ неимовѣрно скуднаго содержанія. Въ тотъ же день утонули двое Русскихъ. А между нашею братьею одинъ Товарищъ перешибъ другому ногу саблею, въ шутку. 23 числа Михаилъ Венгерецъ спустился въ окно и бѣжалъ къ прежнему своему хозяину. Приставы были въ большихъ хлопотахъ, тщательно искали бѣглеца и скрытно развѣдывали объ немъ между нашими.

22 Іюля переписаны имена тѣхъ, которые

1607. провожали покойнаго Березанскаго; у гроба были пять сторожей. 23 числа Стрѣльцы обязались клятвенно не переносить къ намъ никакихъ вѣстей. 24 дворъ нашъ огородили заборомъ въ три жерди, какъ у насъ огораживаютъ пажити: неизвѣстно, что побудило къ сему Русскихъ, извѣстіе ли о дошедшихъ до насъ письмахъ, или бѣгство предателя нашего Венгерца. И такъ надежда на скорую свободу изчезла, а печаль наша увеличилась. 28 мы узнали, что Шуйскій двадцать два раза приступалъ къ Тулѣ и потерялъ 20.000 войска; не смотря на то, поджидалъ изъ Новагорода и другихъ мѣстъ вспомогательныя войска, чтобы взять Тулу непремѣнно. Въ сей же день одинъ изъ нашихъ во время новолунія, по захожденіи солнца, увидѣлъ на небѣ мечъ и окровавленную метлу. Устрашенный такимъ явленіемъ, онъ прибѣжалъ домой, съ ужасомъ расказывалъ намъ о видѣнномъ, и съ тѣхъ поръ рѣшился постричься въ монахи Бернардинскаго ордена. 29 числа усилили нашу стражу. Мы не могли узнать тому причины. Одни говорили, что Шуйскаго уже нѣтъ на свѣтѣ (но это ложь); другіе утверждали, что разнесся слухъ о доставленныхъ намъ 12 числа письмахъ. Повсюду разосланы лазутчики.

2 Августа насъ увѣдомили о переправѣ чрезъ Волгу нѣсколькихъ тысячъ ратниковъ, возвратившихся изъ арміи. Намъ грозили боль-

шею опасностію, говоря, что Шуйскій въ слу- 1607.
чаѣ неудачи, по совѣту своихъ приверженцевъ, намѣренъ поморить всѣхъ насъ голодомъ. Но голодъ былъ намъ не новостью. 6 Августа, всемогущій Богъ поразилъ всѣхъ насъ не малою скорбію, взявъ отъ насъ, недостойныхъ, во славу свою, отца Венедикта Ансерына, изъ ордена св. Франциска, Каплана Бернардиновъ. Сей благочестивый мужъ, бывъ въ Польшѣ Провинціаломъ и Коммиссаромъ Бернардинскихъ монастырей, въ семъ же званіи присланъ и въ Москву. Онъ скончался 62 лѣтъ, въ десятомъ часу, когда мы, по обыкновенію, были на вечерней службѣ, и оканчивали молитву: »въ руцѣ твои« и проч. Неизъяснимая горесть овладѣла нами; мы плакали неутѣшно. Дѣти, потерявъ нѣжно любимаго отца, не могутъ плакать болѣе. Съ душевною горестью соединилась ужасная мысль, что мы лишились мужа, коего молитвы, можетъ быть, доселѣ сохраняли насъ отъ неминуемой погибели. Мы съ трепетомъ ожидали великаго несчастія. Упокой, Господи, съ миромъ душу его! 11 Августа скончался Симонъ Островскій, слуга Загорскаго, Казначея Пана Старосты Саноцкаго. Его похоронили за городомъ, тамъ же, гдѣ и Березанскаго. За тѣломъ дозволено было итти только одному Каплану и четыремъ Товарищамъ, къ великому неудовольствію нашихъ. 12 числа стража весьма тщательно сте-

1607. регла насъ. Стрѣльцы вторично присягали не переносить къ намъ никакихъ вѣстей. Но мужику дать клятву все равно, что проглотить ягоду. Имъ велѣно строго наблюдать, чтобы никакія письма не доходили до насъ, и не вѣрить грамотамъ отъ имени Димитрія, коего нѣтъ на свѣтѣ. Воевода Салтыковъ занялъ квартиру за рѣкою при въѣздѣ въ городъ, приказавъ своимъ людямъ осматривать каждаго проѣзжающаго изъ Москвы и провожать его или чрезъ городъ или чрезъ перевозъ, такъ чтобы никто не говорилъ съ нимъ, даже не зналъ о прибытіи его. Въ сей же день схватили одного изъ приставленныхъ къ намъ Боярскихъ Дѣтей и скованнаго отвезли въ Москву. Чѣмъ провинился онъ, мы не могли придумать, и только догадывались, что бѣжавшій отъ насъ Венгерецъ оклеветалъ его предъ Царемъ въ Москвѣ или въ другомъ мѣстѣ. 13 числа носились разные слухи: 1) что Шуйскій возвратился въ Москву для обороны, не успѣвъ одолѣть мятежниковъ; но это ложно. 2) что насъ вышлютъ изъ Ярославля, гдѣ намѣрены содержать Малогоскаго, который былъ уже за рѣкою: и это вздоръ. 3) что насъ уморятъ голодомъ, въ отмщеніе Полякамъ, вторгнувшимся въ Россію и опустошившимъ окрестности Смоленска: такая же сказка. Вѣроятно сіи вѣсти родились отъ того, что за рѣкою везли до 200 человѣкъ, думать надобно, Донскихъ Ка-

заковъ, которыхъ Русскіе считали Поляками. 1607.
Наши вѣстовщики, сами ничего достовѣрнаго не зная, слушали небылицы и пересказывали оныя намъ.

Октябрь. Помѣщаемъ здѣсь содержаніе письма, присланнаго вышеупомянутымъ Капланомъ де Мело: въ немъ описаны достовѣрно происшествія отъ 12 Мая по день доставленія. »Войско Царя Димитрія, бывшее близь Калуги, имѣло сраженіе съ войскомъ Шуйскаго; потеря съ обѣихъ сторонъ была значительна: Димитрій лишился 6000, а Шуйскій 13.000 человѣкъ. Предводительствовалъ въ сей битвѣ Иванъ Болотниковъ, военный Гетманъ Димитрія. Въ слѣдствіе сей кровопролитной битвы, многіе изъ сановниковъ Шуйскаго, какъ военныхъ, такъ и духовныхъ, передались на сторону побѣдителя, между прочими Князь Долгорукій, Князь Андрей Телятевскій и одинъ знатнѣйшій вельможа, управлявшій при Димитріи всѣми дѣлами въ Государствѣ (имени его сказать не смѣю) [56]. Послѣ того Болотниковъ имѣлъ съ Шуйскимъ и другія стычки, въ коихъ всегда оставался побѣдителемъ. Раздраженные неудачею Царя во всѣхъ предпріятіяхъ, пришли къ нему 10 знатнѣйшихъ Бояръ, изобразили бѣдствія его правленія, невѣроятное кровопролитіе, опустошеніе Государства, ропотъ всего народа, и въ заключеніе сказали, что одни явно ведутъ съ нимъ войну,

1607. другіе передаются непріятелю, третьи скрытно дѣйствуютъ за одно со врагами, вѣрные же престолу остаются при немъ не по любви или преданности, а въ надеждѣ спасти свои имущества и семейства, и избѣжать тѣхъ бѣдствій, которыя угрожаютъ ему самому и братьямъ его. Въ слѣдствіе сего, Бояре уговаривали Царя постричься въ монахи и передать престолъ тому кого справедливость возведетъ на оный. Раздраженный сими словами, Шуйскій приказалъ заключить ихъ въ оковы, а имѣнія отобрать въ казну. Другіе, видя, что совѣтами и правдою ничего нельзя выиграть, начали тайно подкидывать письма, съ угрозами тирану и приверженцамъ его. Чтобы устранить очевидную опасность, Шуйскій, по совѣту клевретовъ, составилъ отъ имени Патріарха, своего родственника, опредѣленіе, въ коемъ осыпая ругательствами Царя Димитрія и опровергая право его на престолъ, съ гордостію называлъ его Гришкою Отрепьевымъ Разстригою, несправедливо присвоившимъ себѣ имя Димитрія, убіеннаго еще въ дѣтствѣ, по злому умыслу Бориса Годунова. Далѣе Шуйскій именемъ Патріарха писалъ, какъ тѣло истиннаго Царевича, съ великою честію перевезенное въ столицу и погребенное при всѣхъ, вмѣстѣ съ прахомъ предковъ, ознаменовано явными чудесами, исцѣленіемъ слѣпыхъ, хромыхъ и разслабленныхъ, то всякъ не вѣрующій симъ чуде-

самъ будетъ отлученъ отъ церкви, равно и тотъ, 1607.
кто признаетъ Димитріемъ Разстригу, убитаго въ минувшемъ году въ Москвѣ, за коварное присвоеніе Царскаго престола и за приверженность къ Папѣ, главѣ Латинской вѣры. При семъ случаѣ помѣщены противъ Католической религіи и служителей ея такія поносныя ругательства, что безъ оскорбленія стыдливаго слуха и сказать оныхъ невозможно. Отлучены сверхъ того всѣ приверженцы и помощники втораго Лжедимитрія, а Болотниковъ и всѣ мятежники преданы проклятію. Обнародовавъ сіе опредѣленіе, Шуйскій разослалъ по всему Государству указы, призывая къ себѣ всѣхъ на помощь противъ непріятелей святой вѣры и угрожая смертною казнію ослушникамъ. Монастырскимъ людямъ способнымъ владѣть оружіемъ также велѣно ѣхать на войну, а всякую монастырскую живность везти въ столицу или къ войску. Даже всѣмъ монахамъ приказано быть въ готовности, по первому требованію, вооружиться за вѣру. Потомъ Шуйскій самъ выступилъ съ войскомъ и подъ Серпуховымъ далъ клятвенный обѣтъ возвратиться въ Москву только съ побѣдою, или положить свою голову на мѣстѣ сраженія. Болотниковъ, узнавъ о силахъ его, немедленно соединился съ Петрушкою, для лучшей безопасности перешелъ изъ Калуги въ Тулу, и снабдивъ сей крѣпкій городъ оружіемъ и съѣст-

1607. ными припасами на 6 лѣтъ, выступилъ противъ Шуйскаго, сразился съ нимъ и одержалъ побѣду. Царь долженъ былъ отступить, но не хотѣлъ возвратиться въ Москву, какъ совѣтовали его приверженцы, стыдясь нарушить клятву и опасаясь новой бѣды въ столицѣ. Болотниковъ предъ выходомъ изъ Калуги, освободилъ всѣхъ колодниковъ и взялъ съ нихъ присягу на вѣрность Димитрію. Шуйскій, за день до выѣзда изъ Москвы, велѣлъ заключить въ оковы Антонія и двухъ докторовъ, Давида и Криштофа [57]; для ободренія же своей стороны, забавлялъ Москву ложными извѣстіями о счастливыхъ успѣхахъ своего оружія, о пораженіи, разстройствѣ и безсиліи непріятеля: все сіе должно разумѣть на оборотъ. Далѣе въ письмѣ упомянуто о пріѣхавшемъ изъ Польши въ Путивль Капитанѣ Еліомагѣ, который сказывалъ, что Шуйскій побуждалъ Татаръ и Шведовъ къ войнѣ съ Польшею для развлеченія силъ ея, что сіи народы дѣйствительно вторглись въ Польскіе предѣлы, но безъ успѣха: Татары разсѣяны, а Шведы побиты на-голову. Это можетъ служить доказательствомъ, что Польша не помогала Димитрію овладѣть престоломъ. Въ заключеніи письма Николай де Мело извѣщалъ о тайномъ свиданіи своемъ съ пріятелемъ Пана Воеводы, Московскимъ Бояриномъ Ѳедоромъ Княжнинымъ. По словамъ сего Боярина, во время

отъѣзда его изъ Путивля, чему прошло 18 дней, 1607
Царь Димитрій, имѣя до 9000 войска писалъ къ Шуйскому, что при такихъ многочисленныхъ силахъ онъ могъ бы завоевать Царство мечемъ, но, какъ законный наслѣдникъ, жалѣя кровь Христіанскую, безъ пощады проливаемую, совѣтуетъ ему оставить престолъ добровольно, доколѣ есть еще время, и поручить себя милосердію своего Государя. Гонецъ, посланный съ сими письмами, заѣхавъ сперва въ Тулу, явился въ Москву и при многочисленномъ собраніи Бояръ и военныхъ людей, отдалъ четыре письма Шуйскому. Его отправили въ Путивль съ отвѣтами; а между тѣмъ до времени обѣ стороны остались въ покоѣ. Наконецъ Николай де Мело пишетъ, ссылаясь на слова Боярина, что вышеупомянутый Капитанъ, привелъ къ Димитрію 12.000 Татарскаго войска, и увѣдомляетъ о безмѣрной печали Пана Андрея Стадницкаго, который безпрерывно горюетъ, не взирая на всѣ утѣшительныя вѣсти.« Податель сего письма вручилъ отъ себя Пану Воеводѣ записку, въ которой говорилъ, что не будь онъ Томасъ, если не живъ Царь Димитрій. Самъ между тѣмъ скрылся и мы его болѣе не видали. Нашу стражу усилили нѣсколькими монастырскими служителями, съ приказаніемъ, какъ можно крѣпче смотрѣть за нами. 13 Октября во всѣхъ церквахъ былъ колокольный звонъ: одни говорили,

1607. что Шуйскій, взявъ въ плѣнъ Болотникова и Петрушку, возвратился въ Москву: въ самомъ дѣлѣ такого содержанія читали Царскія грамоты всему народу, согнанному въ крѣпость. Другіе, напротивъ того, утверждали, что Шуйскій въ очевидной опасности и проситъ народъ, молиться Богу о спасеніи своей державы. Мы не вѣрѣли ни тому, ни другому.

1 Ноября носились разные слухи. Всѣ утѣшали насъ близкою свободою. Каждый говорилъ, что на умъ взбрело: съ вралей пошлины не берутъ. 11 числа наши люди, поѣхавъ за водою, видѣли нѣсколько десятковъ Бояръ, которые, возвращаясь изъ войска домой, переправлялись чрезъ рѣку. Одинъ изъ нихъ подскакалъ къ водовозу и хотѣлъ стегнуть его плетью, говоря: »вы, блядины дѣти, съ своимъ Разстригою, столь»ко надѣлали намъ хлопотъ и столько пролили »крови въ землѣ нашей!« Водовозъ отвѣчалъ, что онъ въ томъ не виноватъ. Однакожь Бояринъ стегнулъ его плетью, сказавъ: »вотъ тебѣ »на дорогу! Вы скоро поѣдете отсюда. Разстрига »съ ворами у чорта; и великій Посолъ вашъ от»правляется.« 14 числа пронесся слухъ, что Царь однихъ воровъ перебилъ, а другихъ взялъ живьемъ; самъ же возвращается въ Москву, велѣвъ своимъ занять мятежные города. 16 числа говорили о новыхъ Послахъ, о Панѣ Конецпольскомъ и Князѣ Островскомъ [58]. Мы не вѣрили,

ибо довольно наслушались разныхъ вздоровъ, и 1607.
рѣшились поручить себя Божьему милосердію. 20 числа намъ объявлено: »Послы ваши дѣйствительно въ Москвѣ; но ни вамъ, ни имъ не »выѣхать изъ Россіи: ибо Король вашъ строитъ »ковы нашему Государю. Посолъ его въ Москвѣ, »а на границѣ стоитъ войско, готовое соединиться съ Разстригою, лишь только освободимъ съ »вами Воеводу. Но Царь все предвидѣлъ и велѣлъ задержать какъ васъ, такъ и Пословъ.« Мы не хотѣли болѣе слушать, испытавъ неоднократно, какъ ложны подобныя вѣсти. 25 Ноября доставлено намъ тайно письмо отъ одного изъ нашихъ Товарищей, который содержался въ Ярославлѣ же, но въ другомъ домѣ, подъ особеннымъ карауломъ, за нѣкоторое дѣло. Получая вѣрнѣйшія свѣдѣнія, онъ писалъ обо всемъ, что могъ узнать, и между прочимъ увѣдомлялъ нашихъ Пановъ о Царѣ Димитріи такими словами: »Дай Богъ, чтобъ мнѣ также »хорошо было въ домѣ отца моего, какъ ему »въ Путивлѣ. Въ этомъ не сомнѣвайтесь!« 2 Ноября Болотниковъ и Петрушка дѣйствительно были въ Москвѣ. Болотниковъ, сказываютъ, хотѣлъ поймать Шуйскаго въ сѣти, но не успѣлъ, и самъ остался въ тенетахъ, а войско его, заключивъ съ Царемъ договоръ, вышло изъ Тулы. Получено сверхъ того извѣстіе, что прошло уже три недѣли, какъ Посолъ нашъ пріѣхалъ

1607. въ Москву, но до сихъ поръ не можетъ получить аудіенціи и находится подъ крѣпкою стражею, такъ, что лишенъ всѣхъ средствъ видѣться и поговорить съ прежнимъ Посломъ. Царя въ Москвѣ не было до 4 Ноября. 5 числа Петрушка и Болотниковъ были уже въ оковахъ. Войскамъ снова велѣно собираться къ Николину дню. Это доказываетъ, что Димитрій живъ.

Декабря 1 числа. Снѣгъ покрылъ землю. Всемогущій Богъ дивнымъ попеченіемъ своего Промысла доселѣ согрѣвалъ насъ. 5 числа наши водовозы, выѣхавъ рано за водою, видѣли на берегу рѣки между Русскими одного Поляка, который спрашивалъ нашихъ людей о Панѣ Воеводѣ и другихъ лицахъ; болѣе ничего сказать не могъ. Монахи отвели его въ сторону: на вопросы ихъ онъ отвѣчалъ громко, дабы наши могли слышать, что съ обѣихъ сторонъ, т. е. съ Русской и Польской, собрались несмѣтныя войска, какихъ доселѣ не бывало, и что еслибъ Русскіе не защищались крѣпостями, то никогда не одержали бы побѣды, ибо всѣ бѣгутъ стремглавъ при первомъ появленіи непріятеля. Мы не хотѣли сему вѣрить. 9 Декабря насъ увѣдомили, что Посолъ уже имѣлъ аудіенцію, и требовалъ у Царя отвѣта, для чего онъ безъ всякой вины такъ долго держитъ въ неволѣ Королевскаго Посла, Сенатора Воеводу и многихъ другихъ знатныхъ особъ? Они пріѣхали въ Рос-

сію не грабить, не воевать, а привезли законному Государю супругу, о которой онъ просилъ у Короля и Рѣчи Посполитой, и желали заключить между обоими народами вѣчную дружбу. Царь и Думные Бояре отвѣчали, что Воевода и другіе Поляки пріѣхали не къ истинному Русскому Государю, а къ Разстригѣ, губителю отечества своего, получившему должное возмездіе. Посолъ сталъ доказывать право Димитрія на престолъ, утверждая свои доводы на томъ, что Русскіе сами признали его своимъ Государемъ и короновали. »Какъ бы то ни было, сказалъ Посолъ, вы покрыли себя стыдомъ и безславіемъ предъ всѣмъ свѣтомъ. И если ты, продолжалъ онъ, обращаясь къ Царю, не отправишь нынѣ же всѣхъ Поляковъ въ отечество, и притомъ не оборванными, какъ прежде ты выпустилъ другихъ, то Государь мой приказалъ отдать тебѣ сей мечь и объявить войну.« Царь, взявъ мечь, велѣлъ Посла задержать, приставивъ къ нему крѣпкую стражу, а своего Посла отправилъ въ Польшу [59]. 1607.

ДНЕВНИКЪ

ПОСЛОВЪ ПОЛЬСКИХЪ

ОЛЕСНИЦКАГО И ГОНСѢВСКАГО,

1606 года.

Переводъ съ Польской рукописи.

ДНЕВНИКЪ

ПОСЛОВЪ ПОЛЬСКИХЪ

ОЛЕСНИЦКАГО и ГОНСѢВСКАГО

Путешествіе Пословъ въ Москву. Неудовольствія. Грубое письмо Власьева. Въѣздъ Пословъ въ Москву. Вшествіе Марины. Аудіенція. Жаркій споръ о титулѣ Цесарскомъ. Предложеніе о войнѣ съ Турками. Дары. Описаніе коронаціи. Высокомѣріе Димитрія. Споры о мѣстѣ за столомъ. Посредничество Воеводы Сендомирскаго. Свадебный пиръ. Частная аудіенція въ покояхъ Царицы. Переговоры о войнѣ Турецкой. Признаки мятежа. Возстаніе Москвы. Смерть Димитрія. Опасность Марины. Убіеніе Поляковъ. Избраніе Шуйскаго. Списокъ плѣнныхъ и убитыхъ Поляковъ. Переговоры съ Боярами. Перенесеніе мощей св. Димитрія. Послы оправдываютъ Поляковъ въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи.

Апрѣля 25, во вторникъ, выѣхавъ изъ Ор- 1606.
ши, Послы ночевали въ Домбровнѣ, въ 4 миляхъ отъ Орши. 26 въ среду изъ Домбровны пріѣхали въ Баѣвъ; дорога дурная; идетъ лѣсомъ, всего шесть миль. Покормивъ лошадей въ Баѣвѣ, мы переступили границу и остановились ночевать въ селеніи св. Николая, откуда

1606. 27 числа прибыли въ Дѣдово, въ 9 миляхъ. Дорога по мѣстамъ лѣсистая и дурная. 28 пріѣхали въ Лубны въ 2 миляхъ отъ Дѣдова. На дорогѣ встрѣтилъ Пана Старосту Московскій Дворянинъ Лаврентій Родіоновичъ съ нѣсколькими всадниками и сказалъ слѣдующее: »Бояринъ, Воевода и Намѣстникъ Смоленскій, Князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ съ товарищемъ, по Царскому повелѣнію, выслалъ за границу людей для встрѣчи васъ, великихъ Пословъ Сигизмунда III, Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго. Они возвратились въ Смоленскъ, проводивъ посланныхъ Паномъ Николаемъ Олесницкимъ, Каштеляномъ Малогоскимъ. А тебѣ, Панъ Александръ, не было встрѣчи для того, что въ то время ты еще не пріѣхалъ съ товарищемъ своимъ на границу, какъ о томъ писалъ къ Смоленскому Воеводѣ Староста Оршинскій.« Сказавъ сіе, Дворянинъ поскакалъ подлѣ кареты Его Вельможности и провожалъ оную од самыхъ Лубнъ. Тутъ нагнала Пана Старосту свита изъ Варшавы. 29 въ субботу, проѣхавъ отъ Лубнъ двѣ мили по хорошей дорогѣ, мы переправились чрезъ рѣку и вступили въ Смоленскъ. Нѣсколько Русскихъ всадниковъ провожали насъ до квартиры, отведенной въ городѣ. Намъ не дали ни одной бѣлой избы, даже и Пану Малогоскому. Русскіе, по обычаю своему, торговались съ нимъ, продавая съѣстные при-

пасы: ибо для обоихъ Пословъ такъ мало от- 1606.
пускалось жизненныхъ потребностей, что и одному было недостаточно; надобно было еще покупать на чистыя деньги. Овса и сѣна не давали вовсе: мы принуждены были сами искать лошадямъ корма, что бы не изнурить ихъ голодомъ. 30 Апрѣля въ день свѣтлаго Христова Воскресенья, по Русскому календарю, былъ у Его Милости Приставъ Иванъ Борисовичъ Мокшеевъ. За издержки намъ не заплатили и подводъ не дали: и такъ мы, взявъ только самыя необходимыя вещи, отправились на Оршинскихъ подводахъ въ Пнёвъ, разстояніемъ въ 8 миляхъ отъ Смоленска. Чрезъ нѣсколько часовъ прислали къ Его Милости оставленныя въ Смоленскѣ вещи. Въ Пнёвѣ дали намъ только овса и сѣна; съѣстныхъ припасовъ не отпустили.

Мая 1, въ понедѣльникъ, мы въѣхали въ Дорогобужъ, въ 10 миляхъ отъ Пнёва. Дорога была изрядная; только частые мосты безпокоили насъ. Въ двухъ миляхъ за Пнёвомъ перевозъ чрезъ Днѣпръ. Разлитіе сей рѣки принудило насъ промедлить нѣсколько часовъ; до ночлега оставалось еще довольно далеко. На половинѣ пути Послы захотѣли ѣсть; у насъ не чѣмъ было утолить ихъ голодъ, потому, что съѣстныхъ припасовъ не отпускалось въ достаточномъ количествѣ. Послы рады были купить; но негдѣ. И такъ надлежало брать, что давали.

*

1606. Впрочемъ Панъ Малоговскій и Панъ Староста не хотѣли взять присланныхъ имъ телятъ, потому, что они были слишкомъ тощи. Для Папа Старосты Велижскаго отпускался слѣдующій кормъ на 150 человѣкъ и на такое же число лошадей: 150 ржаныхъ хлѣбовъ, 10 куръ, 2 гуся, 2 утки, 3 зайца, 3 тетерева, 3 куска солонины, полчетверти крупъ, полпуда меду, ведро смѣтаны, полпуда соли, полтора ведра уксуса, ведро патоки, кружка меду малиноваго; 15 четвертей овса, 15 ношъ сѣна, 8 ношъ соломы и 30 подводъ. Въ постный день нѣсколько свѣжихъ щукъ и разнаго рода рыбы; четыре съ половиною лосося; блюдо паясной икры, блюдо икры свѣжепросольной. Для челяди: 50 ведеръ меду, 56 ведеръ пива, по кружкѣ вина и водки, и немного кореньевъ. 2 Мая, во вторникъ лошади Посольскія отдыхали въ Дорогобужѣ. 3 Мая изъ Дорогобужа мы пріѣхали на почлегъ въ Колпитъ. На 6 миляхъ, мы насчитали 45 мостовъ. 4 числа остановились ночевать въ Вязьмѣ, переѣхавъ 8 миль. На сей дорогѣ было 95 мостовъ. 5 числа въ пятницу ночевали въ Заезерьѣ, въ 8 миляхъ отъ Вязьмы. Дорога мѣстами покойна; индѣ тряско, особливо лѣсомъ. 6 числа прибыли въ Доброе, въ 6 миляхъ отъ Заезерья. Дорога не слишкомъ хороша. 7 числа изъ Добраго въ Можайскъ 10 миль. Приставъ убѣждалъ Пословъ остановиться въ томъ селеніи, гдѣ обыкновенно

останавливаются Послы, потому, что въ городѣ 1606.
много пьянаго народа, и не обойдется безъ драки. Ихъ Высокомочія не согласились, сказавъ въ отвѣтъ, что люди ихъ должны же ходить въ городъ для покупки съѣстныхъ припасовъ на выдаваемыя вмѣсто полной провизіи деньги. Приставъ просилъ по крайней мѣрѣ запретить Посольской челяди шататься по городу; въ чемъ Ихъ Высокомочія не прекословили и подъ смертною казнію запретили своимъ людямъ отлучаться изъ квартиры. Между тѣмъ Гайдукъ Пана Малогоскаго, получавшій деньги на покупку разной провизіи, пошелъ самъ-другъ въ кабакъ за пивомъ для себя и для другихъ. Но какъ цѣловальникъ не хотѣлъ брать Литовскихъ денегъ, то вышла ссора. Гайдуковъ стали бить; одного изъ нихъ подняли на ножахъ, такъ, что онъ тутъ же упалъ на землю; его связали и хотѣли утопить. Другой едва убѣжалъ, чтобы извѣстить Пана Малогоскаго. Его Высокомочіе тотчасъ послалъ Гайдука отыскать, а челяди велѣлъ собраться, опасаясь всеобщаго бунта. Загрубили тревогу. Призвали Пристава, объяснили ему все, какъ было, сказали свое мнѣніе и требовали расправы. Приставъ отложилъ дѣло до слѣдующаго дня.

8 Мая, въ понедѣльникъ Приставъ принесъ Его Высокомочію Пану Старостѣ Велижскому письмо отъ бывшаго недавно въ Польшѣ По-

1606. сломъ Аѳанасія Власьева, слѣдующаго содержанія: »Всепресвѣтлѣйшаго, непобѣдимаго Само»держца и великаго Государя Димитрія Іоанно»вича, Божіею милостію Цесаря всея Россіи, »Татарскихъ Царствъ и другихъ многихъ Госу»дарствъ, Московской державѣ подвластныхъ, »Государя, Царя и Самодержца, отъ Его Цар»скаго Величества Казначея и Думнаго Дьяка »Аѳанасія Ивановича Власьева, Александру Кор»вину Гонсѣвскому, Секретарю и Дворянину »Его Королевскаго Величества. Приказные люди »Его Цесарскаго Величества и Приставъ нашъ, »посланный по Цесарскому повелѣнію къ Смо»ленскому Воеводѣ Князю Ивану Семеновичу »Куракину съ указомъ давать кормъ вамъ, всѣмъ »вашимъ людямъ и лошадямъ, по объявленному »тобою числу, донесли мнѣ, что при тебѣ на»ходится людей и лошадей болѣе опредѣленнаго »числа (отъ чего и недостаетъ отпускаемаго кор»ма), и что ты всего требуешь втрое и вчетве»ро, желая обогатить тѣмъ самаго послѣдняго »холопа. Я не могу надивиться твоему поступку. »Извѣстна тебѣ взаимная дружба и любовь, су»ществующая между нашими Государями, между »великимъ Государемъ Цесаремъ, Великимъ Кня»земъ Димитріемъ Іоанновичемъ, и Сигизмундомъ »Королемъ Польскимъ, Великимъ Княземъ Ли»товскимъ. Мы, подданные, не должны терять »изъ виду сего союза. Долгъ требуетъ отъ насъ

»поведенія пристойнаго и ревности къ пользѣ 1606.
»Государя. Ты, Александръ, болѣе всѣхъ другихъ »былъ обязанъ поступать осторожно: ибо тебѣ »Его Цесарское Величество явилъ такую ми»лость, какой не удостоенъ въ Москвѣ еще ни »одинъ изъ важнѣйшихъ Пословъ. Забывъ все »сіе, ты позволилъ себѣ многіе неприличные »поступки и склонилъ на оные старшаго това»рища своего. Предупреждая разрывъ братской »любви и дружбы, существующей между наши»ми великими Государями, я прошу тебя не дѣ»лать впредь никакого безчинія. Въ противномъ »случаѣ, я донесу Его Цесарскому Величеству, »и тебѣ будетъ стыдно. Напоминаю тебѣ о тѣхъ »Царскихъ милостяхъ, коихъ, кромѣ тебя, едва »ли кто удостоивался, напоминаю съ тѣмъ, что»бы забвеніемъ оныхъ ты не навлекъ на себя »справедливаго гнѣва Его Господарскаго Величе»ства. Писано при державѣ великаго Государя »въ царствующемъ градѣ Москвѣ, 1606 года, »Мая 4 дня.«

Ихъ Высокомочія, посовѣтовавшись другъ съ другомъ, отвѣчали Власьеву слѣдующимъ образомъ: »Всепресвѣтлѣйшаго, великаго Госу»даря Сигизмунда III, Божіею милостію Короля »Польскаго, Великаго Князя Литовскаго, Русска»го, Прусскаго, Жмудскаго, Мазовецкаго, Кіев»скаго, Волынскаго, Подольскаго, Подляшскаго, »Инфляндскаго, Эстляндскаго и другихъ, наслѣд-

1606. »наго Короля Шведскаго, Готескаго, Вандальскаго »и проч., отъ Посла, Секретаря, Дворянина, Ста»росты Велижскаго, владѣтеля Конюховскаго, »Аѳанасію Ивановичу Власьеву Казначею и Пи»сарю Царскому. Приставъ Иванъ Мокшеевъ до»ставилъ мнѣ сегодня твое письмо, въ коемъ »пишешь, что приказные люди и Приставъ нашъ »извѣстили тебя, будто бы Бояринъ и Воевода »Князь Иванъ Куракинъ съ товарищемъ, велѣлъ »выдавать намъ, Посламъ, кормъ на то число »людей и лошадей, которое самъ я объявилъ »тебѣ. На сіе отвѣтствую: пріѣхавъ въ Смоленскъ »съ товарищемъ моимъ, ясневельможнымъ Па»номъ Николаемъ Олесницкимъ, Каштеляномъ »Малогоскимъ, я немедленно отдалъ, по прежне»му обыкновенію, Приставу реэстръ, въ коемъ »показалъ, сколько при мнѣ находится людей »и лошадей: ни болѣе, ни менѣе. По пріѣздѣ »нашемъ въ Москву, ты узнаешь, справедливо ли »объявленное мною число людей, составляю»щихъ мою свиту. Приказные люди и Приставъ »донесли тебѣ неосновательно. Въ самомъ Смо»ленскѣ намъ не выдали корму въ полномъ ко»личествѣ, такъ, что онаго было для насъ весь»ма недостаточно. Я просилъ Пристава доложить »о томъ Воеводѣ, и въ отвѣтъ получилъ другой »реэстръ. Мы были бы совершенно довольны, »если бы намъ отпускали кормъ вполнѣ, соглас»но съ даннымъ тобою реэстромъ: мы не тре-

»буемъ ничего излишняго и просимъ только не- 1606.
»обходимаго. Наблюдая сіе, мы выѣхали немед-
»ленно изъ Смоленска въ Пнѣвъ, гдѣ дали намъ
»только сѣна и овса, болѣе ничего: съѣстные
»припасы мы купили на собственныя деньги.
»Въ Дорогобужѣ мы взяли все, что намъ выда-
»ли по Смоленскому реэстру, кромѣ тощихъ те-
»лятъ, вовсе негодныхъ для нашей кухни. Уви-
»дѣвъ ихъ, ты самъ удивился бы, чѣмъ насъ
»кормятъ; при всемъ томъ мы не обнаружили
»своего негодованія. Тебѣ извѣстна братская лю-
»бовь и пріязнь Государя моего къ твоему Гос-
»подарю: въ Королевскихъ владѣніяхъ не только
»тебя, но и людей твоихъ довольствовали наи-
»лучшимъ образомъ, даже неоднократно до прі-
»ѣзда твоего все было готово для тебя въ Кра-
»ковѣ. Я говорилъ товарищу своему, что въ не-
»достаткѣ корма должно винить не Его Госпо-
»дарское Величество, а Смоленскаго Воеводу и
»приказныхъ людей; Приставу же говорили,
»что намъ мало выдаютъ съѣстныхъ припасовъ,
»и что онъ долженъ представить о семъ Боя-
»рамъ въ Москву, откуда мы съ часу на часъ
»ожидали удовлетворенія, какъ то и прежде бы-
»вало. Не удивляюсь твоему письму: тебѣ не-
»правильно донесли; для сего-то я пишу такъ
»пространно. Когда же Богъ дастъ намъ увидѣть-
»ся въ Москвѣ, ты самъ узнаешь, много ли со
»мною людей и сколько чего намъ даютъ. Ни

1606. »на что не похоже подозрѣніе твое, будто мы »хотимъ отъ вашего корма наживаться: тебѣ »извѣстны прежніе обычаи. Странно также, что »мнѣ, Королевскому Послу, ты грозишь своимъ »Государемъ. Для насъ и для всякаго другаго, »кромѣ тебя, удивительно, какъ можетъ гнѣ»ваться твой всепресвѣтлѣйшій Господарь на »великихъ Пословъ Королевскихъ, и тѣмъ болѣе »не понятно, какъ могло это притти тебѣ въ »голову. Мнѣ грозить Господаремъ! Ему непри»лично гнѣваться на великихъ Государей Хри»стіанскихъ, своихъ братьевъ, и тѣмъ менѣе на »ихъ Пословъ. Не грози мнѣ своимъ гнѣвомъ: »ты говоришь не съ Александромъ, а съ Его »Королевскимъ Величествомъ, Государемъ моимъ. »Слова твои странны и неблагоразумны. Ты, »кажется, не обдумалъ ихъ, иначе не написалъ »бы къ Посламъ такихъ упрековъ, которые »оскорбляютъ Его Королевское Величество и »грозятъ разрывомъ взаимной дружбѣ.«

8 Мая мы отдыхали въ Можайскѣ. 9 во вторникъ выѣхавъ на разсвѣтѣ, чтобы почевать въ Кубинскѣ въ 8 миляхъ отъ Можайска, еще до полудня прибыли въ великую Волгу [60], въ 4 миляхъ отъ онаго. Мы не хотѣли имѣть почлега въ семъ мѣстѣ, гдѣ было нѣсколько избъ, но Приставы объявили, что на это есть Царское повелѣніе. 10 Мая мы прибыли въ Вязёму, въ 8 миляхъ отъ Волги. Наканунѣ нашего прі-

ѣзда, Царица Московская выѣхала изъ Вязёмы. 1606.
Незагашенный по отъѣздѣ ея огонь, какъ сказывали намъ Русскіе, былъ причиною пожара, который обратилъ въ пепелъ 30 дворовъ. Въ Вязёмѣ есть каменная церковь; ограда оной съ шестью острыми деревянными башнями, похожа на крѣпость. Послы хотѣли войти въ сей монастырь; но ихъ не впустили. 11 Мая въ четвертокъ Приставъ объявилъ Царскій указъ, чтобъ Послы ѣхали. Мы отправились въ Мамоново въ 3 миляхъ отъ Вязёмы, хорошею дорогою, между полями и кустарниками. 12 числа мы поѣхали въ Москву, до коей отъ Мамонова только три мили. На половинѣ сего пути, Царица остановилась въ полѣ, въ шатрахъ, большихъ и красивыхъ, расположенныхъ въ видѣ городка. Она простояла тамъ двое сутокъ, окруженная множествомъ Москвитянъ и Поляковъ, коихъ мы видѣли, проѣзжая мимо. Послы прежде ея прибыли въ Москву. За милю отъ столицы мы сѣли на лошадей и до самаго города ѣхали верхомъ между ротами Пана Воеводы Сендомирскаго, разставленными по обѣимъ сторонамъ. Изъ Русскихъ, одни скакали на красивыхъ лошадяхъ, другіе стояли рядами. Близъ моста, приготовленнаго для насъ чрезъ Москву рѣку, мы увидѣли два великолѣпные шатра, въ коихъ Царица останавливалась и принимала поздравленія Думныхъ Бояръ, или Сенаторовъ,

1606. привѣтствовавшихъ ее именемъ своего Государя. Подлѣ шатровъ стояла огромная карета, необыкновенной величины, запряженная 12 жеребцами бѣлыми въ яблокахъ; конюхи вели ихъ попарно за повода. Внутри кареты былъ устроенъ стулъ, на подобіе трона, для Царицы. За мостомъ стояли въ два ряда 700 Русскихъ всадниковъ, всѣ въ парчевой одеждѣ. Насъ встрѣтили два Москвича, Князь Григорій Константиновичъ Волконскій и Андрей Яворовичъ Дьякъ. Князь Григорій сказалъ Посламъ слѣдующее привѣтствіе: »Всепресвѣтлѣйшій, непобѣдимый Самодержецъ, »великій Государь, Димитрій Ивановичъ, Божіею »милостію Цесарь, Великій Князь всея Россіи »и многихъ Татарскихъ Царствъ обладатель, по»велѣлъ: васъ Пословъ Его Королевскаго Вели»чества, всепресвѣтлѣйшаго, великаго Государя »Сигизмунда III, Короля Польскаго, Великаго »Князя Литовскаго, Русскаго, Прусскаго, Жмуд»скаго, Мазовецкаго и иныхъ, встрѣтить, спро»сить о вашемъ здоровьѣ и быть при васъ При»ставами.« Ихъ Высокомочія, давъ приличный отвѣтъ на сіе привѣтствіе, отправились на Посольскій дворъ, гдѣ Послы обыкновенно останавливаются.

Въѣздъ Царицы въ Москву. При входѣ въ крѣпость, на лѣвой сторонѣ стояли оруженосцы; подлѣ нихъ Турки, Арабы и Персы, съ приготовленными для всадниковъ лошадьми. За ними

у воротъ были два полка Жолнеровъ. Вшествіе 1606.
происходило такимъ образомъ: впереди ѣхали Царскіе Дворяне, Боярскіе Дѣти, Паны Мнишки младшіе (Старосты Красноставскій, Львовскій и Саноцкій), три брата Стадницкихъ—Мартинъ, Андрей и Георгій, Панъ Подстолій Нѣмоевскій, Паны Лаврыны, Князь Вишневецкій, Панъ Любомирскій и многіе другіе. За ними Его Свѣтлость Панъ Воевода Сендомирскій, съ Арабомъ пышно одѣтымъ по-Персидски; наконецъ Царица: она сидѣла въ вышеупомянутой каретѣ, запряженной десятью чубарыми лошадьми [61]; каждую изъ нихъ велъ особенный конюхъ. Въ каретѣ противъ Царицы сидѣла Ея Милость Панья Старостина Сохачевская. По обѣимъ сторонамъ шли Алебардщики, а у самой кареты шесть лакеевъ въ зеленыхъ бархатныхъ кафтанахъ и въ алыхъ суконныхъ плащахъ. При въѣздѣ въ крѣпость, на воротахъ загремѣла музыка [62]. За каретою, въ коей сидѣла Царица, слѣдовала ея собственная, запряженная восьмью бѣлыми лошадьми и обитая снаружи краснымъ бархатомъ, а внутри красною парчею; въ ней стояли четыре стула, покрытые также красною парчею, съ богатою золотою оправою. Кучера были въ красныхъ атласныхъ жупанахъ и ферезяхъ; а лошади въ красныхъ бархатныхъ шорахъ. Въ сей каретѣ никого не было. Въ третьей каретѣ, запряженной восьмью бѣлыми лошадьми, съ

1606. красными бархатными шорами, оправленными серебромъ съ позолотою, сидѣли Княжна Косырская, Панья Тарлова Хоронжина, Панья Гербуртова, Панья Казановская. Возницы ихъ были въ черныхъ бархатныхъ жупанахъ и въ красныхъ атласныхъ ферезяхъ. За сими госпожами ѣхали двѣ Паньи въ раззолоченной линѣйкѣ рѣзной работы, внутри обитой краснымъ бархатомъ, съ золотою бахрамою, въ шесть чубарыхъ лошадей, съ бархатными зелеными шорами; возницы были въ зеленомъ атласномъ платьѣ. Въ другой линѣйкѣ, обитой чернымъ бархатомъ съ вызолоченными украшеніями, въ шесть карихъ лошадей, коими правили возницы въ черныхъ камчатныхъ ферезяхъ, сидѣли комнатныя Паньи Воеводши. За ними ѣхало еще нѣсколько каретъ съ старыми Паньями и Камерфрейлинами. При входѣ въ крѣпость, на правой сторонѣ есть церковь Вознесенія Господня, при коей недавно построенъ деревянный монастырь для Димитріевой матери: Царица вышла изъ кареты въ сей монастырь и жила въ немъ съ Царскою матерью пять дней. Димитрій посѣщалъ ее нѣсколько разъ. Здѣсь Царица должна была забыть свою набожность: ибо не только въ будни, но и въ праздники не допускали къ ней каплана для совершенія литургіи; навѣщать родителя также не дозволяли. Однѣ только Камерфрейлины могли ходить для слушанія Богослуженія на квар-

тиру Паньи Старостины Сохачевской. Его Свѣтлости Пану Воеводѣ Сендомирскому отвели дворецъ Бориса Годунова, построенный въ крѣпости. Другихъ Пановъ разставили въ городѣ по разнымъ мѣстамъ. 1606.

Тогожъ дня вечеромъ Иванъ Грамотинъ объявилъ Ихъ Высокомочіямъ Посламъ, что завтре они должны быть у руки Его Царскаго Величества; для сего просилъ означить на бумагѣ, кто именно будетъ привѣтствовать Государя, и какіе поднесутъ они подарки. Послы, составивъ списокъ, отдали оный Грамотину.

13 Мая Послы были на аудіенціи. Отъ самой квартиры своей до крѣпости они ѣхали между двумя рядами вооруженныхъ Стрѣльцовъ; въ крѣпости слѣзли съ лошадей въ назначенномъ мѣстѣ и шли пѣшкомъ между Аллебардщиками и тремя сотнями Лифляндскихъ Нѣмцевъ, у коихъ Капитаномъ былъ Французъ Маржеретъ. Не доходя до дверей аудіенцъ-залы, Послы встрѣтили Пана Воеводу Сендомирскаго, который вышелъ къ нимъ отъ Царя, чтобы переговорить съ Ихъ Высокомочіями о нѣкоторыхъ дѣлахъ. Узнавъ о несогласіи Димитрія принять Королевское письмо, Послы просили Пана Воеводу убѣдить Царя взять оное. Его Свѣтлость, давъ слово отвратить зло, удалился; а мы продолжали шествіе. Встрѣченные въ сѣняхъ Григоріемъ Ивановичемъ Микулинымъ

1606. Окольничимъ съ товарищемъ, Послы вступили въ залу. На высокомъ вызолоченномъ, серебряномъ тронѣ, къ коему вели четыре ступени, сидѣлъ Царь съ золотою на груди цѣпью съ скиптромъ въ рукѣ, въ богатой бѣлой одеждѣ, унизанной жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. По сторонамъ его стояли шестеро Русскихъ: четверо съ сѣкирами, обращенными остріемъ къ верху; пятой съ обнаженнымъ мечемъ; а шестой съ державою, которую иногда подавалъ Царю и принималъ отъ него скипетръ. По лѣвую руку Царя въ отдаленіи сидѣли Думные Бояре; по правую, подлѣ трона, сидѣлъ Патріархъ съ крестомъ въ рукѣ. На сей же сторонѣ находилось и прочее Духовенство, только вдали; далѣе Русскіе Дворяне, изъ коихъ одни сидѣли на скамьяхъ, а другіе стояли. Пословъ посадили противъ Царя, вдали отъ трона, почти на срединѣ палаты; многочисленная свита стала за ними. Вся аудіенцъ-зала обита была разными коврами. Панъ Воевода Сендомирскій сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, противъ Пословъ. Окольничій Микулинъ, ставъ подлѣ Ихъ Высокомочій, сказалъ Господарю: »Всепресвѣтлѣйшій и могуще»ственнѣйшій Самодержецъ, Великій Государь »Димитрій Іоанновичъ, Божіею милостію вели»кій Цесарь, Князь всея Россіи, многихъ Татар»скихъ Царствъ и Государствъ, Московской дер»жавѣ подвластныхъ, Государь, Царь и обладатель!

»Всепресвѣтлѣйшаго и великаго Государя Сигиз- 1606.
»мунда третьяго, Божіею милостію Короля Поль»скаго, Великаго Князя Литовскаго, Послы Ни»колай Олесницкій и Александръ Гонсѣвскій »бьютъ челомъ у престола Вашего Царскаго Ве»личества.«

Панъ Малогоскій, сдѣлавъ поклонъ, говорилъ слѣдующее: »Всепресвѣтлѣйшій, великій »Государь Сигизмундъ третій, Божіею милостію »Король Польскій, Великій Князь Литовскій, »Прусскій, Жмудскій, Мазовецкій, Кіевскій, Во»лынскій, Подольскій, Лифляндскій, Эстляндскій »и другихъ, наслѣдный Король Шведскій, Готѳ»скій, Вандальскій, Князь Финляндскій и иныхъ »земель, благоволилъ послать насъ, Пословъ сво»ихъ, меня Николая Олесницкаго изъ Олесницы, »Каштеляна Малогоскаго, и Пана Александра »Корвина Гонсѣвскаго, Секретаря и Дворянина »своего, Старосту Велижскаго, помѣщика Коню»ховскаго, съ тѣмъ, чтобы именемъ Его Коро»левскаго Величества, всемилостивѣйшаго Госу»даря нашего, Вашему Господарскому Величеству, »Божіею милостію всепресвѣтлѣйшему, великому »Государю, Димитрію Іоанновичу, Князю всея »Россіи, Владимірскому, Московскому, Новгород»скому, Казанскому, Астраханскому, Псковскому, »Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, »Болгарскому, и другихъ многихъ земель Царю, »отдать братскій поклонъ, освѣдомиться о здравіи

1606. »Вашего Господарскаго Величества, поздравить »Васъ съ благополучнымъ восшествіемъ на прародительскій престолъ и засвидѣтельствовать »Вашему Господарскому Величеству братскую »любовь Его Королевскаго Величества [63].«

Въ продолженіе сей рѣчи, я пристально смотрѣлъ на Царя, чтобы видѣть собственными глазами, какъ онъ приметъ посольство. Когда Панъ Малогоскій произнесъ слово *Князь*, не упомянувъ титула Цесарскаго, Димитрій всталъ съ мѣста, поднялъ очи вверхъ и, подозвавъ одного Сенатора, велѣлъ снять съ себя корону, намѣреваясь самъ говорить съ Послами. По окончаніи рѣчи, Панъ Малогоскій вручилъ письмо Аѳанасію Власьеву, который тихо прочиталъ Царю надпись; и какъ въ ней не было ни слова о Цесарскомъ титулѣ, то Димитрій далъ Аѳанасію наставленіе, какъ должно отвѣчать. Власьевъ подошелъ къ Посламъ и сказалъ слѣдующее: »Николай и Александръ! Вы доставили всепресвѣтлѣйшему, непобѣдимому и великому Самодержцу отъ всепресвѣтлѣйшаго Сигизмунда »Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго письмо, въ коемъ нѣтъ титула Цесарскаго Величества. Оно писано къ нѣкоторому »Князю всея Россіи, а Димитрій Іоанновичъ есть »Цесарь въ своихъ преславныхъ Государствахъ. »И такъ возмите сіе письмо обратно и отвезите »къ своему Государю.«

На сіи слова возразилъ Панъ Малогоскій: 1606.
»Съ тѣмъ же благоговѣніемъ, съ коимъ вручили
»мы Аѳанасію Ивановичу письмо Его Королев-
»скаго Величества, пріемлемъ оное обратно, что-
»бы возвратить Государю нашему, когда Ваше
»Господарское Величество гнушается имъ. Изъ
»всѣхъ Государей Христіанскихъ только Ваше
»Царское Величество не признаетъ древняго ти-
»тула Его Королевскаго Величества и не прини-
»мая отъ насъ письма, оскорбляетъ Его Коро-
»левское Величество и всю Рѣчь Посполитую.
»Возсѣвъ на тронъ сей дивнымъ Божіимъ про-
»мысломъ, по милости Его Величества Короля,
»при помощи народа Польскаго, Ваше Господар-
»ское Величество скоро забыли сіе благодѣяніе!
»И не только Его Королевское Величество, Го-
»сударь нашъ, вся Рѣчь Посполитая, мы Послы
»ея, но и всѣ сіи знаменитые Поляки, стоящіе
»предъ очами Вашего Господарскаго Величества,
»оскорблены уничиженіемъ достоинства нашего
»Государя и Рѣчи Посполитой. И такъ мы не
»можемъ исполнить Королевскихъ порученій, о
»коихъ Ваше Господарское Величество узнали бы
»изъ письма, Вами отвергнутаго. Просимъ дозво-
»ленія возвратиться на квартиру.«

На эту рѣчь отвѣтствовалъ самъ Царь:
»Необыкновенное и неслыханное дѣло, чтобы
»Монархи, возсѣдая на тронѣ, спорили съ По-
»слами; но Король Польскій, опуская наши ти-

1606. »тулы, принуждаетъ насъ къ сему. Отъ Пословъ »нашихъ и отъ Старосты Велижскаго, бывшаго »здѣсь недавно и подобно вамъ спорившаго о »нашихъ титулахъ, Королю Польскому уже из»вѣстно, что мы не только Князь, не только »Господарь, не только Царь, но также Импера»торъ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ. Самъ »Богъ даровалъ намъ сей титулъ, и мы носимъ »его не одними словами, подобно другимъ, но »самымъ дѣломъ, по всей справедливости, когда »ни Ассирійскіе, ни Мидійскіе Монархи, ни са»мые Цесари Римскіе, не имѣли на оный болѣе »насъ права и преимущества. Мы не можемъ »довольствоваться титуломъ Княжескимъ или »Господарскимъ: ибо не только Князья и Госпо»дари, но, Божіею милостію, и Короли состоятъ »подъ скиптромъ нашимъ и намъ служатъ. »Намъ нѣтъ равнаго въ краяхъ полночныхъ; »никто нами не управляетъ, кромѣ Бога и насъ »самихъ. Къ тому же всѣ Государи признаютъ »насъ Императоромъ: одинъ Король Польскій на »сіе не соглашается.«

Посолъ возразилъ: »Ваша всепресвѣтлѣйшая »Господарская милость въ началѣ своей рѣчи »упомянули, что необыкновенное дѣло Монар»хамъ, сѣдящимъ на тронѣ, спорить съ Послами. »Точно такъ: столь же необыкновенно, чтобъ »Послы осмѣливались говорить о томъ, чего не »предписано имъ въ инструкціи; но какъ Ваше

»Господарское Величество сами къ тому прину- 1606.
»ждаете меня: то я хотя и не имѣю дара безъ »приготовленія отвѣчать на сіи рѣчи Вашему »Господарскому Величеству, однакожь какъ По»лякъ, человѣкъ народа вольнаго, привыкъ гово»рить свободно. Вспомните, Ваше Господарское »Величество! или прикажите справиться въ ко»ронныхъ Канцеляріяхъ, въ Литовской и въ сво»ей Московской, даже спросите сихъ престарѣ»лыхъ Думныхъ Бояръ, какой титулъ употреб»ляли предки Вашего Господарскаго Величества: »всепресвѣтлѣйшіе Короли, Государи наши, ни»когда не приписывали имъ Цесарскаго титула, »который Ваше Господарское Величество непра»вильно себѣ присвояете. Предки Ваши никакого »Цесарства подъ свою державу не покорили, и »употребляли тотъ самый титулъ, который при»знаетъ чрезъ насъ Его Королевское Величество, »всепресвѣтлѣйшій и непобѣдимый Государь. »Развѣ иначе писывалъ къ Вамъ Король Поль»скій, когда онъ, обласкавъ въ своихъ владѣніяхъ »Ваше всепресвѣтлѣйшее Господарское Величе»ство, съ усерднымъ желаніемъ помогалъ Вамъ »отыскать корону прародительскую? И теперь, »оставаясь въ прежней искренней пріязни, не »тѣмъ ли болѣе доказываетъ ее Вашему все»пресвѣтлѣйшему Господарскому Величеству, ко»гда Вы видите свидѣтельство оной не въ однихъ »пустыхъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ? Между

1606. »тѣмъ всякому очевидно, какъ Вы платите за »все сіе Его Королевскому Величеству! Скоро »забыли Ваше пресвѣтлѣйшее Господарское Ве»личество, что на сей престолъ *(указавъ на »оный рукою)* Вы взошли чудеснымъ образомъ, »благостію Божіей, по милости Его Королевскаго »Величества, всемилостивѣйшаго Государя наше»го, съ помощію нашихъ братьевъ, Поляковъ, »проливавшихъ кровь свою за Ваше всепресвѣт»лѣйшее Господарское Величество! Вы платите »вмѣсто благодарности неблагодарностію, вмѣсто »пріязни непріязнію; доброе расположеніе и дру»желюбіе Его Величества Государя нашего пре»небрегаете, и сами даете поводъ къ разлитію »крови человѣческой. Съ чрезвычайною горестію »пріемля участіе въ таковой Его Королевскому »Величеству обидѣ, мы свидѣтельствуемся предъ »Вами, всепресвѣтлѣйшій Господарь! самимъ Бо»гомъ и сими Думными Боярами, что не Король »Польскій, Государь нашъ, а Ваше Господарское »Величество разрываете дружбу съ Его Величе»ствомъ и Рѣчью Посполитою. Теперь мы гото»вы возвратиться съ симъ къ нашему Государю, »и просимъ проводить насъ на квартиру.«

Царь: »Я знаю, какіе титулы имѣли наши »предки, и показалъ бы ихъ на бумагѣ, но те»перь не время. Вы сами увидите ихъ, когда »велимъ нашимъ Думнымъ Боярамъ вступить »съ вами въ переговоры. Король же, умалчивая

»употребляемый нами титулъ, оскорбляетъ не 1606.
»только насъ, но самого Бога и все Христіан-
»ство. Если бы кто нибудь не назвалъ васъ Па-
»номъ Олесницкимъ, вы вѣрно не отвѣчали бы
»тому? Равнымъ образомъ и я не могу принять
»сего письма, потому, что въ надписи онаго нѣтъ
»моего полнаго титула. Мы обѣщали Королю
»быть для него братомъ и такимъ другомъ, ка-
»кого до сихъ поръ не имѣла Корона Польская;
»а теперь мы должны остерегаться Короля бо-
»лѣе, чѣмъ самаго непріязненнаго изъ невѣрныхъ
»Государей. Знаю, что нѣкоторые изъ вашихъ
»единоземцевъ убѣждаютъ Его Величество Коро-
»ля не признавать нашихъ титуловъ; но мы не
»хотимъ вступать съ вами въ обширные споры.«

Панъ Малогоскій: »Не желаемъ и мы на сей
»разъ продолжать разговоровъ съ Вашимъ Гос-
»подарскимъ Величествомъ. Вы обѣщали пове-
»лѣть Думнымъ Боярамъ переговорить съ нами
»о своемъ титулѣ: тогда будетъ время подробно
»разсудить о семъ предметѣ, вмѣстѣ съ другими
»порученіями Его Королевскаго Величества.«

Мы хотѣли итти; но Господарь сказалъ Его
Высокомочію: »Панъ Малогоскій! Испытавъ въ
»областяхъ Польскихъ вашу ко мнѣ привязан-
»ность и зная, что вездѣ вы желали мнѣ добра,
»хочу принять васъ въ Государствѣ моемъ не
»какъ Посла, а какъ пріятеля моего. Подойдите
»къ рукѣ нашей.« Димитрій протянулъ руку,

1606. чтобы Посолъ поцѣловалъ ее. Панъ Малогоскій отвѣчалъ: »Всепресвѣтлѣйшій, великій Господарь! »нижайше благодарю за милость, которую Ваше »Господарское Величество изъявляете моему лицу; »но какъ вы принимаете меня не Посломъ, то »я не могу оною пользоваться, и прошу Ваше »Господарское Величество не оскорбиться моимъ »отказомъ. Осыпанный милостями Вашего Гос»подарскаго Величества, я старался доказать »вамъ въ Польшѣ свою доброжелательную услу»жливость: да позволено мнѣ будетъ доказать »теперь свою преданность и вѣрность Его Коро»левскому Величеству.« Царь повторилъ свои слова; а Панъ Малогоскій только поклонился и не хотѣлъ подойти къ рукѣ, говоря, что не можетъ исполнить Царскаго желанія. Наконецъ Димитрій сказалъ: »подойди, вельможный Панъ, »какъ Посолъ!« »Подойду, возразилъ Малогоскій, »если Ваше Господарское Величество возметъ »письмо Королевское.« »Возму« — отвѣчалъ Царь. Тогда оба Посла поцѣловали его руку. Царскій Дьякъ принялъ письмо и прочиталъ предъ трономъ, стоя нѣсколько поодаль отъ него; потомъ по Царскому наставленію, сказалъ Посламъ: »Хо»тя Королевскаго письма безъ Цесарскаго титула »принимать не слѣдовало бы; однакожъ Его Це»сарское Величество, для свадьбы своей забывая »обиду, нанесенную опущеніемъ титуловъ сво»ихъ, принимаетъ сіе письмо и васъ, Пословъ

»Короля Польскаго. По возвращеніи же къ Го- 1606.
»сударю своему, вы должны сказать ему, чтобы »впредь онъ не присылалъ подобныхъ писемъ, »не прописавъ въ нихъ полнаго титула Цесар»скаго. Его Цесарское Величество именно вамъ »повелѣлъ сказать, что впредь ни отъ Короля »Сигизмунда, ни отъ кого-либо другаго, никакихъ »писемъ безъ полнаго Цесарскаго титула онъ »принимать не прикажетъ. Теперь же, если имѣе»те какое-либо порученіе отъ Короля Сигизмун»да Государя своего, исполняйте долгъ посоль»ства предъ Цесарскимъ престоломъ.«

Панъ Малогоскій отправилъ свое посольство слѣдующею рѣчью:

»Вашему Господарскому Величеству угодно »было чрезъ Посла своего Аѳанасія Ивановича »Власьева объявить, что Ваше Господарское Ве»личество, по благости Божіей, при помощи на»рода Польскаго, возсѣли на свой наслѣдствен»ный прародительскій престолъ Московскій; что »бывъ во владѣніяхъ Польскихъ, Ваше Госпо»дарское Величество испытали доброжелатель»ство и одолженія ясневельможнаго Пана Георгія »Мнишка Воеводы Сендомирскаго, Старосты »Львовскаго и Самборскаго, и что, въ изъявленіе »предъ всѣмъ свѣтомъ своей благодарности, пред»лагая руку свою ясневельможной Паннѣ Мари»нѣ, дочери Его Свѣтлости ясневельможнаго Па»на Воеводы Сендомирскаго, Ваше Господарское

1606. »Величество просите у нашего всемилостивѣй-»шаго Государя на сіе согласія и дозволенія »Пану Воеводѣ проводить свою дочь къ Вашему »Величеству. Его Королевское Величество съ ра-»достію узналъ о такомъ намѣреніи, въ надеждѣ »на миръ и любовь Вашего Величества, а Его »Свѣтлость Панъ Воевода Сендомирскій согла-»сился выдать въ супружество свою дочь и про-»водить ее въ Московское Государство. Въ слѣд-»ствіе сего, по принятому порядку и обыкнове-»нію, Посланникъ Аѳанасій Ивановичъ, именемъ »Вашего Господарскаго Величества, обручился »съ ясневельможною Панною Мариною Мниш-»ковною Воеводовною Сендомирскою, въ присут-»ствіи самого Короля, также сына его Короле-»вича Владислава и сестры, Королевны Швед-»ской. Въ удостовѣреніе же дружбы и братской »любви, Его Королевское Величество отправилъ »насъ, Пословъ своихъ, на свадьбу Вашего Гос-»подарскаго Величества и велѣлъ намъ присут-»ствовать на оной вмѣсто своей особы.«

Панъ Староста Велижскій продолжалъ: »Все-»пресвѣтлѣйшій великій Государь Сигизмундъ III, »Божіею милостію Король Польскій и иныхъ, »Вашему Господарскому Величеству, всепресвѣт-»лѣйшему брату своему, Божіею милостію вели-»кому Государю и великому Королю всея Рос-»сіи, Димитрію Іоанновичу повелѣлъ сказать: »Посолъ вашъ Аѳанасій Ивановичъ Власьевъ

»объявилъ, что ваше Господарское Величество, 1606.
»вступивъ на престолъ предковъ, сердечно со-
»жалѣете о бѣдствіяхъ Христіанства и намѣрены
»употребить всѣ мѣры для освобожденія его отъ
»ига невѣрныхъ. Его Королевское Величество,
»похваляя такое попеченіе о благѣ Христіанства,
»готовъ повелѣть совѣту своему переговорить о
»томъ съ великими Послами, которыхъ Ваше
»Господарское Величество уже назначили къ Его
»Королевскому Величеству и дали знать объ нихъ
»чрезъ гонца своего Ивана Пребрашова [64]. Но
»какъ прежде необходимо устроить нѣкоторыя
»дѣла, то Его Королевское Величество поручилъ
»намъ, Посламъ своимъ, доложить объ оныхъ
»Вашему Господарскому Величеству и перегово-
»рить съ Думными Боярами, съ тѣмъ, чтобы
»Ваше Господарское Величество, не тратя вре-
»мени въ переговорахъ, могли дать полномочіе
»Великимъ Посламъ своимъ для окончанія дѣлъ,
»во славу всевышняго Бога, для утвержденія
»истинной тѣсной дружбы и братской любви
»между Государемъ нашимъ и Вашимъ Величе-
»ствомъ, къ безсмертному прославленію Васъ
»обоихъ всепресвѣтлѣйшихъ вѣнценосцевъ, къ
»благоденствію знаменитыхъ народовъ, надъ ко-
»ими Господь Богъ поставилъ Васъ своими по-
»мазанниками, къ утѣшенію всего Христіанскаго
»міра, къ трепету и гибели всѣхъ ордъ поган-
»скихъ и бусурманскихъ.«

1606. По отправленіи посольства, Пословъ пригласили сѣсть. Григорій Ивановичъ Микулинъ прочиталъ списокъ подаркамъ: »Божіею милостію всепресвѣтлѣйшему и великому Королю »всея Россіи Димитрію Іоанновичу отъ Пословъ »Его Королевскаго Величества Государю нашему »всемилостивѣйшему. Отъ Пана Малогоскаго: »большая золотая цѣпь на кольчугу, одиннад»цать большихъ серебряныхъ бокаловъ, по мѣс»тамъ вызолоченныхъ, два большіе складные бо»кала, гнѣдой жеребецъ подъ попоною, большой »Персидскій коверъ, бѣлый Турецкій конь подъ »попоною, небольшой Персидскій шелковый ко»веръ, комнатная Англійская собака годная и »для звѣриной травли. Отъ Пана Александра »Корвина Гонсѣвскаго, Старосты Велижскаго то»му жь Господарю: большой серебряной бокалъ »съ крышкою вызолоченный; другой серебря»ный большой бокалъ съ крышкою вызолочен»ный, гнѣдой жеребецъ подъ попоною. Отъ Кня»зя Александра Масальскаго: два серебряные съ »двойною позолотою бокала; одна большая золо»тая цѣпь.«

По отданіи подарковъ, Посольская свита привѣтствовала Господаря. Потомъ Аѳанасій сказалъ Посламъ: »Цесарское Величество жалуетъ »васъ своимъ обѣдомъ.« Послы отправились на квартиру. Чрезъ нѣсколько часовъ прибылъ къ нимъ Чашникъ Василій Бутурлинъ съ различ-

ными яствами и напитками, принесенными въ золотыхъ сосудахъ. 1606.

14 Мая пріѣхалъ къ Ихъ Высокомочіямъ Посольскій Дьякъ Иванъ Тарасовичъ Грамотинъ и сказалъ слѣдующее привѣтствіе: »Всепресвѣт-»лѣйшій непобѣдимый Самодержецъ Димитрій »Іоанновичъ, Божіею милостію Цесарь, по люб-»ви къ брату своему Сигизмунду, Королю Поль-»скому и Великому Князю Литовскому, послалъ »меня къ вамъ, Посламъ его, навѣстить васъ и »узнать о здоровьи, о твоемъ, Панъ Николай! и »о твоемъ, Панъ Александръ! Какъ поживаете »въ его преславномъ, великомъ Государствѣ?« Послы отвѣчали: »Чувствуемъ милость, которую »Его Господарское Величество оказываетъ намъ, »Посламъ Его Королевскаго Величества, и благо-»даримъ за оную. Чего же намъ недостаетъ, о »томъ мы дали знать Приставамъ нашимъ, съ »увѣренностію, что по милости Его Господар-»скаго Величества, у насъ всего будетъ доста-»точно.« Грамотинъ возразилъ: »всего будетъ »много, по приказанію Цесарскаго Величества. »Онъ самъ желаетъ говорить съ вами;« — и потомъ продолжалъ: »Извѣстно вамъ, какъ жили »между собою наши прежніе великіе Государи: »заключали союзы на краткое время и то болѣе »для вида, а въ душѣ всегда оставались непрія-»телями. И вы и ваши, и мы и наши опаса-»лись другъ друга, какъ злѣйшихъ враговъ. Еще

1606. »въ свѣжей памяти царствованіе Бориса Годунова, когда Послы Его Королевскаго Величества были здѣсь въ такой неволѣ, что не только Посламъ, но и самому послѣднему изъ Посольской свиты не дозволялось выттн изъ квартиры. Самъ Панъ Староста Велижскій сіе засвидѣтельствуетъ. Теперь же, въ правленіе всепресвѣтлѣйшаго, непобѣдимаго Цесаря нашего »Димитрія Ивановича всея Россіи, вы Послы со »всѣми людьми своими пользуетесь въ Москвѣ »совершенною свободою; мы любимъ народъ »вашъ, какъ своихъ единоземцевъ, и въ разговорахъ разсуждаемъ съ вами вольно, ничего не »опасаясь; никогда въ Москвѣ не было такъ »много Поляковъ, какъ нынѣ. Вы сами это видите. А все сіе отъ того, что нашъ православный, великій Государь Цесарь любитъ Его Величество Короля Польскаго. Желая жить съ »вашимъ Государемъ въ тѣсной дружбѣ, онъ пишетъ въ своихъ письмахъ полный титулъ Королевскій, именуя Сигизмунда не только Королемъ Польскимъ, но и наслѣднымъ Королемъ »Шведскимъ, Готескимъ, Вандальскимъ и Княземъ Финляндскимъ. Борисъ напротивъ того »не признавалъ его Королемъ Шведскимъ, и даже въ мирномъ договорѣ не употребилъ сего »титула [65]). Посему, какъ Его Королевское Величество Сигизмундъ обѣщалъ быть другомъ и »братомъ Цесарю, нашему Государю, то пусть

»прикажетъ не опускать полныхъ титуловъ Его 1606.
»Цесарскаго Величества. Донесите о семъ въ свое »время Государю своему и Панамъ его, чтобы »изъ того не послѣдовалъ разрывъ дружбы ме»жду Его Королевскимъ Величествомъ и вели»кимъ Государемъ нашимъ.«

Отвѣтъ Пословъ: »Если доселѣ не было »истинной дружбы между нашими Государями »и проливалась кровь Христіанская, то сіе дол»жно приписать грѣхамъ нашимъ. Борисъ, чело»вѣкъ слабый и непостоянный, съ самаго начала »своего правленія, никогда и ничего не дѣлалъ »добраго. Сперва замышлялъ на жизнь нынѣш»няго великаго Господаря, законнаго Государя »своего; потомъ, овладѣвъ посредствомъ ковар»ства столь обширною Державою, не умѣлъ пра»вить оною, и бывъ прежде вашимъ братомъ, »во всемъ вамъ равнымъ, до того забылся, что »тиранствовалъ надъ вами и проливалъ вашу »кровь. Если уже съ вами не умѣлъ онъ обхо»диться, тѣмъ болѣе съ великими Государями: »надмѣнный гордостію, онъ поступалъ съ По»слами Его Королевскаго Величества, вопреки »обыкновенію всѣхъ Государей, какъ съ неволь»никами, и держалъ ихъ подъ стражею; а въ »письмахъ къ Его Величеству не хотѣлъ упоми»нать о титулѣ наслѣднаго Короля Шведскаго, »и вообще дѣлая болѣе зла, чѣмъ добра, полу»чилъ за все сіе возмездіе: умеръ не Христіан-

1606. »скою смертію. Нынѣшній Господарь вашъ, будучи изъ Пановъ Панъ и законный наслѣдникъ »предковъ своихъ, обходится съ нами, Послами »Его Королевскаго Величества, по примѣру другихъ Христіанскихъ Государей; что самое взаимно дѣлаетъ и будетъ дѣлать Его Королевское »Величество въ своихъ владѣніяхъ Посламъ вашего Государя. Касательно же ходатайства нашего предъ Его Королевскимъ Величествомъ о »согласіи его на титулъ Господаря вашего, — »мы съ удовольствіемъ донесемъ о томъ Его Величеству, и надѣемся, что Король не откажетъ »въ своемъ согласіи, если сіе будетъ сообразно »съ достоинствомъ Его Королевскаго Величества »Государя нашего.«

17 Мая въ среду, въ третьемъ часу ночи, Русскіе проводили Царицу изъ того монастыря, гдѣ она жила пять дней, въ покои, приготовленные для нея вмѣстѣ съ Царскими. Проводники несли въ рукахъ льняныя свѣчи, похожія на наши похоронныя. Того же дня предъ вечеромъ дано знать Посламъ, что завтре будетъ коронація и что ихъ приглашаютъ присутствовать на оной.

18 Мая въ четвертокъ, предъ коронаціею, Царь прислалъ Пану Воеводѣ Сендомирскому вызолоченныя сани, обитыя внутри парчею, съ парчевыми подушками съ алымъ суконнымъ верхомъ на парчевомъ подбоѣ. Въ нихъ запря-

женъ былъ бѣлый жеребецъ; упряжь на немъ 1606.
красная бархатная; возжи бобряныя; дуга и оглобли обтянуты краснымъ бархатомъ, обвиты серебряною проволокою, съ серебряными посрединѣ бляхами, съ такими же по концамъ шишками, и съ красными шелковыми кистями. На хомутѣ по обѣимъ сторонамъ висѣло по сороку красивыхъ самыхъ лучшихъ соболей. Попона была богато унизана жемчугомъ. Въ этихъ саняхъ Его Свѣтлость Панъ Воевода Сендомирскій того же дня отправился къ Царю [66]. Не доѣзжая до дворца, конь вдругъ упалъ, хотя дорога была ровная. Этотъ случай былъ какъ будто предзнаменованіемъ грядущаго несчастія.

18 Мая была коронація. Въ полдень Послы отправились во дворецъ. По пріѣздѣ въ крѣпость, мы сошли съ коней и проводили Пословъ въ золотую палату, гдѣ умеръ Борисъ. Въ сѣняхъ было множество Русскихъ, которые сидѣли по обѣимъ сторонамъ. Въ палатѣ мы увидѣли не мало Польскихъ Пановъ, родственниковъ Его Свѣтлости Воеводы Сендомирскаго. Сѣвъ съ ними, Послы ожидали Царя. Вскорѣ онъ вышелъ изъ своихъ покоевъ съ богатою на головѣ короною, въ червленной бархатной мантіи, такъ унизанной жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, что самаго бархата мало было видно; въ одной рукѣ онъ имѣлъ скипетръ, а въ другой державу, осыпанную брилліантами, съ алмазнымъ

1606. крестомъ. Ему предшествовали нѣсколько сотъ Русскихъ, въ великолѣпныхъ одеждахъ, и два Польскіе Пана Староста Саноцкій и Тарло Хоронжій Перемышльскій. Сзади шелъ Панъ Бучинскій старшій. Панъ Воевода Сендомирскій и Князь Масальскій вели Царя подъ руки. Царица шла вмѣстѣ съ нимъ, въ Русской одеждѣ съ широкими рукавами, красной бархатной, унизанной алмазами, рубинами, жемчугомъ, и въ подкованныхъ сапогахъ, также осыпанныхъ жемчугомъ. На головѣ у ней была корона такая, какія носятъ всѣ Русскія Паньи, только богато убранная каменьями. Вели ее подъ руки двѣ Московскія Боярыни, съ одной стороны супруга Князя Мстиславскаго, а съ другой, Княгиня Шуйская. За нею шли Польскія Паньи Старостина Сохачевская, Тарлова, Гербуртова и Казановская. Прочія остались съ Камерфрейлинами и не присутствовали при выходѣ.

Царь, вступивъ въ палату, гдѣ принимаются Послы, сѣлъ на тронъ; ниже его, по лѣвую руку, на другомъ меньшемъ тронѣ сѣла Царица. Пригласили Пословъ. Когда они вошли, Григорій Ивановичъ Микулинъ, по Царскому повелѣнію, благодарилъ Его Королевское Величество за дозволеніе Пану Воеводѣ Сендомирскому проводить свою дочь въ Москву и за присылку знатныхъ Пановъ для присутствованія на свадьбѣ. Послѣ того сказано Посламъ сѣсть. Въ слѣдъ

за тѣмъ Патріархъ принесъ на блюдѣ, (держа оное надъ головою), корону, которую Царь поцѣловалъ и велѣлъ поднести Царицѣ: она также приложилась. Корону вынесли, и всѣ, посидѣвъ не много, отправились въ церковь на коронацію. Панъ Малогоскій велъ Царя подъ руку съ правой стороны, а Панъ Староста шелъ предъ ними. Тутъ же несли скипетръ и державу. Отъ самыхъ палатъ до соборной церкви Богородицы, гдѣ происходила коронація, посланъ былъ для Царя по мосткамъ фіолетовый бархатъ, низшаго разбора въ двѣ половинки. Церковь, по входѣ Царя, немедленно заперли, для избѣжанія тѣсноты. Среди храма на амвонѣ, вышиною въ полтора человѣка, обитомъ краснымъ Англійскимъ сукномъ, были поставлены три трона: съ правой стороны для Патріарха, въ срединѣ для Царя, съ лѣвой стороны для Царицы. Царскій тронъ былъ украшенъ золотомъ, бирюзою, смарагдами; Царицынъ былъ серебряный, мѣстами вызолоченный; Патріаршій не имѣлъ такого великолѣпія. Когда они взошли по ступенямъ на амвонъ и всѣ трое сѣли, Послы, тщетно ожидавшіе, что имъ также укажутъ мѣста, сами оныхъ потребовали. Но Царь сказалъ имъ чрезъ Аѳанасія: »у насъ нѣтъ обыкновенія сидѣть въ »церквахъ; я и самъ сижу только по случаю »коронаціи.« И такъ, принужденные стоять, Послы, уже по окончаніи церемоніи, отошли въ 1606.

1606. сторону и сѣли. Въ продолженіе обряда коронаціи, принесли сперва на блюдѣ какой-то Царскій уборъ, который Патріархъ, вставъ съ своего мѣста, возложилъ на Царицу; потомъ также на блюдѣ подали діадиму, въ коей кромѣ множества мелкихъ дорогихъ каменьевъ и крупнаго жемчуга, было шесть смарагдовъ, величиною въ большое куриное яйцо. Патріархъ возложилъ оную *на плеча* Царицы. Въ заключеніе принесли на золотомъ блюдѣ Царскій вѣнецъ, т. е. корону: Патріархъ, надѣвъ оную на голову Царицы, благословилъ ее и поцѣловалъ ея руку, обернутую въ одежду. За нимъ подходили другъ за другомъ къ Царицыной рукѣ всѣ духовныя особы; а Сенаторы привѣтствовали ее чрезъ Князя Мстиславскаго, какъ свою Государыню: они цѣловали ей крестъ, т. е. присягали, прежде въ теченіе двухъ дней, въ понедѣльникъ и вторникъ. Послѣ продолжительнаго пѣнія и разныхъ церемоній, Царь сошелъ съ трона и сѣлъ, въ полномъ облаченіи, у Царскихъ дверей, гдѣ Цари обыкновенно садятся; а Царица отошла въ придѣлъ на молитву. Не умолчу здѣсь, какъ Царь, сидя на тронѣ, во время совершенія коронаціи, хотѣлъ показать Королевскимъ Посламъ свое величіе: подозвавъ почетнѣйшаго Сенатора Князя Василія Шуйскаго, велѣлъ ему подставить себѣ скамейку и положить на оную свои ноги, одну за другою. Потомъ, подозвавъ Князя Ди-

трія Шуйскаго, приказалъ сдѣлать такую же честь и Царицѣ. Бояре повиновались. Далѣе: будучи уже въ полномъ облаченіи, онъ снова подозвалъ тѣхъ же Шуйскихъ и велѣлъ имъ держать себя подъ руки; спустя нѣсколько времени, отослалъ ихъ съ какими то порученіями и призвалъ другихъ Бояръ. Между тѣмъ, окончивъ молитву, Царица вышла изъ придѣла: Царь всталъ съ своего мѣста и сѣлъ съ нею противъ Царскихъ дверей. Тутъ началась церемонія брака, съ разными обрядами, изъ коихъ я помню только два: во-первыхъ, Попъ сказалъ Царю, чтобы онъ взялъ Царицу за руку, и обвелъ ихъ три раза вокругъ налоя; во-вторыхъ, тотъ же Попъ, отвѣдавъ краснаго вина изъ стеклянной чаши, троекратно давалъ пить онаго понемногу Царю и Царицѣ; потомъ поставилъ чашу на землю; а Царь разбилъ ее, толкнувъ ногою. На вопросъ мой, чтобы это значило, мнѣ отвѣчали, что это дѣлается въ воспоминаніе брака въ Канѣ Галилейской. По совершеніи бракосочетанія, Царь и Царица сѣли, имѣя на головѣ богатыя короны; въ рукахъ Царя были скипетръ и держава, усыпанные каменьями, отъ коихъ лучи сіяли по всему храму. Занявъ свое мѣсто, Царь снова приказалъ Сенаторамъ держать себя и жену подъ руки, подставлять скамейки и давалъ имъ разныя другія низкія порученія, какихъ Его Величество Король не потребуетъ не только

1606

1606. отъ Сенатора, но и отъ самаго послѣдняго служителя своего. Взирая на сіе съ изумленіемъ, Послы и многіе другіе Поляки благодарили Бога, который избавилъ ихъ отъ такой неволи, даровавъ свободу нашему отечеству [67]). Ужс предъ вечеромъ вышли изъ церкви. Въ дверяхъ оной Царь и Царица остановились; Князь Мстиславскій бросалъ изъ блюда Португальскія монеты, въ 20, въ 10 и въ 5 червонныхъ злотыхъ. По выходѣ изъ храма, Димитрій велѣлъ подозвать Пословъ и сказалъ имъ: »Сего дня мы не »можемъ пригласить васъ на пиръ: мы устали »отъ продолжительныхъ церемоній; къ тому жъ »и поздо. Но завтре вы будете у нашего стола.« И такъ Послы, раскланявшись съ нимъ, поѣхали на квартиру. Въ церкви, гдѣ происходила коронація, стоятъ два гроба Русскихъ чудотворцевъ св. Петра и св. Іоанна. Говорятъ, что тѣла ихъ невредимы, какъ бы недавно похороненныя, что земля ихъ не пріемлетъ, что каждый разъ гробы выходятъ наружу, лишь только опустятъ оные въ могилу. Впрочемъ тѣла закрыты и никому не показываются. По возвращеніи нашемъ на квартиру уже вечеромъ, пріѣхалъ къ Посламъ Царскій Стольникъ, а за нимъ принесено множество разнаго кушанья и напитковъ въ золотыхъ сосудахъ.

19 Мая, въ пятницу назначенъ свадебный пиръ. Въ сей день былъ праздникъ св. Николая,

весьма уважаемый на Руси. Послы, зная, что 1606.
ихъ будутъ просить на пиръ, требовали отъ Приставовъ свѣдѣнія, какое назначено имъ мѣсто, и хотѣли сидѣть за однимъ столомъ съ Димитріемъ. Въ тотъ же день Царь, приславъ къ Посламъ Дьяка Грамотина съ приглашеніемъ на свою хлѣбъ-соль, велѣлъ объявить, что они узнаютъ отъ Приставовъ о назначенномъ имъ мѣстѣ, достойномъ Пословъ великаго Государя, и что Его Царское Величество приметъ ихъ съ честію, уважая дружбу своего брата. Послы отвѣчали: »мы не сомнѣваемся, что Государь вашъ »приметъ насъ, какъ Пословъ великаго Короля, »брата своего, и дастъ намъ за собственнымъ »столомъ то самое мѣсто, коимъ Его Королев»ское Величество удостоилъ Русскаго Посла Аѳа»насія.« Грамотинъ возразилъ: »у насъ никому »не льзя сидѣть за однимъ столомъ съ Цесаремъ, »кромѣ нашей Царицы.« Послы изумились, и сказали въ отвѣтъ: »ни одинъ изъ прежнихъ »Пословъ вашихъ не сидѣлъ за однимъ столомъ »съ Его Королевскимъ Величествомъ. Государь »нашъ для радости своей, удостоилъ сей чести »вашего Посланника, вопреки обычаю, бывъ »увѣренъ, что и вашъ Государь сдѣлаетъ то же »самое. Посему имѣя повелѣніе Его Величества »требовать такого же мѣста за столомъ Цар»скимъ и въ случаѣ отказа не присутствовать »на свадебномъ пирѣ, мы просимъ донести о

1606. »семъ Думнымъ Боярамъ. Отвѣта же будемъ »ждать въ своей квартирѣ, изъ коей не можемъ »выѣхать, пока не увѣримся, что намъ дадутъ »мѣсто за столомъ Господарскимъ, согласно съ »достоинствомъ Его Королевскаго Величества. »Въ противномъ случаѣ, мы принуждены были »бы возвратиться въ свою квартиру; такъ луч»ше условиться заблаговременно.« Грамотинъ, давъ обѣщаніе донести слова Пословъ Царю и увѣдомить ихъ объ отвѣтѣ, отправился во дворецъ. Вскорѣ онъ возвратился и проговоривъ весь Царскій титулъ, объявилъ: »Его Цесарское »Величество, любя Короля своего брата и васъ »Пословъ его, приглашаетъ васъ къ столу на »свою свадьбу.« »Съ удовольствіемъ поспѣшимъ »на свадьбу вашего Государя, отвѣчали Послы: »только ждемъ отъ тебя извѣстія, какое мѣсто »за его столомъ дано будетъ въ нашемъ лицѣ »особѣ Короля, Государя нашего.» Грамотинъ: »Ваши слова я донесъ великому Цесарю: вели»кій Цесарь велѣлъ сказать вамъ, что вы буде»те приняты съ честію, какъ Послы великаго »Государя. А Думные Бояре поручили объявить »вамъ, что тебѣ, Панъ Малогоскій сидѣть по »правую руку Цесаря за особеннымъ столомъ, »согласно съ тѣмъ, какъ принялъ Король вашъ »Цесарскаго Посланника; тебѣ же Панъ Старо»ста Велижскій дадутъ мѣсто за другимъ сто»ломъ, сообразно съ достоинствомъ Короля и съ

»старинными обычаями. Обоихъ васъ примутъ 1606.
»лучше, чѣмъ прежнихъ Пословъ.« Послы: »Королевскимъ наказомъ предписано обоимъ намъ »сидѣть за однимъ столомъ съ вашимъ Государемъ; если же Царь, принявъ въ разсужденіе, »что у Королевскаго стола былъ одинъ Посолъ, »захочетъ посадить съ собою только одного изъ »насъ: Его Величество, предоставляя сіе волѣ Царской, повелѣлъ, безъ дальнихъ споровъ, старшему изъ насъ сѣсть за однимъ столомъ съ вашимъ Государемъ, а младшему за обыкновеннымъ. Мы на сіе согласны; одинъ изъ насъ »сядетъ за Царскимъ столомъ, а другой за обыкновеннымъ, какъ прежде бывало. Иначе мы »не ѣдемъ во дворецъ.« Грамотинъ удалился; спустя полчаса пріѣхалъ Царскій Казначей Аѳанасій Власьевъ, бывшій Посланникомъ въ Польшѣ на свадьбѣ Его Королевскаго Величества. Прочитавъ весь титулъ своего Государя, онъ сказалъ слѣдующее: »Его Цесарское Величество, »любя *полубрата* своего, а васъ Пословъ жалуя, присылалъ къ вамъ Думнаго Дьяка Ивана »Грамотина звать васъ къ столу на свою Царскую радость, назначивъ вамъ мѣста приличныя; но сихъ мѣстъ вы не принимаете, желая »чтобы одинъ изъ васъ сидѣлъ за собственнымъ »столомъ великаго Цесаря. Правда, я, бывъ Посланникомъ, имѣлъ мѣсто за однимъ столомъ »съ Королемъ вашимъ, но это случилось пото-

1606. »му, что за тѣмъ же столомъ сидѣли Послы »Папскій и Цесарскій; слѣдовательно меня по»садить за другимъ столомъ было не возможно. »Нашъ Цесарь не только не менѣе Папы и Рим»скаго Цесаря, но еще болѣе: у нашего преслав»наго Цесаря каждый попъ—Папа.«

Съ великимъ изумленіемъ и прискорбіемъ слушали Послы столь грубыя рѣчи, неприличныя не только въ домѣ Посольскомъ, но и во всякомъ порядочномъ мѣстѣ: ибо, кромѣ другихъ нелѣпостей, Аѳанасій сказалъ, что его Господарь выше всѣхъ Монарховъ Христіанскихъ! Приписывая такой вздоръ высокомѣрію и гордости, Послы признали за лучшее оставить оный безъ вниманія; на замѣчаніе же Аѳанасія, что онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ другими Послами, отвѣчали довольно пространно: »Король посадилъ »тебя съ собою, не для другихъ Пословъ, а въ »доказательство братской дружбы къ твоему Го»сударю: иначе онъ отправилъ бы тебя на квар»тиру, или помѣстилъ бы не за своимъ столомъ, »а за другимъ, согласно съ прежними обыкно»веніями; Послы же Папскій и Цесарскій сидѣ»ли бы съ Королемъ, такъ, какъ и Его Величе»ства Послы сидятъ вмѣстѣ съ Папою и Цеса»ремъ; тебѣ не было бы сей чести, если бы Ко»роль не дорожилъ дружбою твоего Государя. »Но вопреки обыкновенія, посадивъ тебя вмѣстѣ »съ собою, онъ былъ увѣренъ, что твой Госу-

Малогоскій отъ себя и супруги своей поднесъ 1606.
Царицѣ: корону, украшенную жемчугомъ, алмазами и рубинами; два ожерелья изъ рубиновъ и алмазовъ; брилліантовыя серги съ рубинами; цѣпь изъ литаго золота съ алмазами и жемчугомъ.

По представленіи сихъ подарковъ, Аѳанасій по Царскому повелѣнію, сказалъ Посламъ: »Цесарь приглашаетъ васъ, какъ Пословъ Короля »Польскаго, къ своему столу, кушать хлѣба-со»ли.« »Охотно желаемъ исполнить волю Вашего »Господарскаго Величества, отвѣчалъ Панъ Ма»логоскій; мы давно готовы вкусить вашу хлѣбъ»соль: мы ею не пренебрегаемъ. Но какъ Ваше »Величество не хотѣли даже мнѣ одному дать »мѣста за столомъ своимъ, хотя сею честію Ко»роль Польскій удостоилъ Посланника Аѳанасія; »то по сей причинѣ мы не могли доселѣ быть »у стола Вашего Господарскаго Величества; не »можемъ и теперь воспользоваться симъ при»глашеніемъ, если Ваша Господарская милость »не удостоите насъ, изъ уваженія къ особѣ Ко»роля, посадить за однимъ столомъ съ собою.«

На сіи слова отвѣчалъ самъ Господарь: »Я »не просилъ Короля Польскаго на свадьбу: толь»ко въ такомъ случаѣ я почтилъ бы васъ мѣ»стомъ въ особѣ Его Королевскаго Величества; »а теперь вы садитесь за мой столъ, какъ По»слы.« Панъ Малогоскій началъ было возражать;

1606. но Царь, подозвавъ Пана Воеводу Сендомирскаго, сталъ съ нимъ разговаривать. Когда разговоръ ихъ кончился, Панъ Воевода подошелъ къ Посламъ, и Царскимъ именемъ объявилъ, что по тѣмъ самымъ причинамъ, которыя объяснены прежде, Панъ Малогоскій не можетъ сидѣть за Царскимъ столомъ, но что ему поставятъ особенный столикъ по правую руку Царя, близъ трона. Объявивъ сіе, Панъ Воевода тихо сказалъ Посламъ, что Царь проситъ ихъ болѣе не спорить о мѣстѣ, и что онъ намѣренъ говорить съ ними о дѣлахъ важнѣйшихъ, относящихся къ особѣ Короля и къ Рѣчи Посполитой. Послы не соглашались уступить, ссылаясь на Королевскій наказъ, въ коемъ именно сказано, чтобы по крайней мѣрѣ одинъ Панъ Малогоскій, какъ старшій Посолъ, домогался мѣста у Царскаго стола. Панъ Сендомирскій снова просилъ и уговаривалъ ихъ прекратить столь горячій споръ о мѣстѣ, удостовѣряя, что сіе упорство повредитъ Рѣчи Посполитой и что отъ Царя Его Королевское Величество можетъ ожидать много добраго. Наконецъ Послы, поговоривъ другъ съ другомъ, дали такой отвѣтъ: »Сами собою мы не можемъ отступить отъ Ко»ролевскаго наказа. Если же его Господарское »Величество дастъ намъ письменное свидѣтель»ство, что мы рѣшились нарушить статью о »мѣстѣ, только въ слѣдствіе убѣжденій и обѣща-

»нія всего лучшаго для Рѣчи Посполитой, и 1606.
»если Панъ Воевода согласится ходатайствовать »за насъ предъ Королемъ, когда станутъ обвинять насъ въ униженіи Королевскаго достоинства; въ такомъ случаѣ мы, не желая затруднять спорами другихъ дѣлъ Его Королевскаго »Величества и Рѣчи Посполитой, исполнимъ Вашу волю и примемъ тѣ мѣста, которыя для »насъ назначены.« Господарь и Панъ Воевода согласились на требованіе Пословъ, и они тотчасъ пошли къ столу. Панъ Малогоскій сидѣлъ по правую руку Царя за особеннымъ столикомъ, не много ниже Царскаго мѣста. Кушанья и напитки подавали ему Москвитяне. Панъ Староста Велижскій сидѣлъ за тѣмъ столомъ и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде обыкновенно сажали Великихъ Пословъ. За Паномъ Старостою сидѣли свояки Господаря, Паны Мнишки; за ними другіе родственники, наконецъ Посольская свита. По правую руку его находились дамы: Княгиня Мстиславская, Княгиня Шуйская и нѣкоторыя Польскія Паньи. Княжна Косырская сидѣла у окна, не далеко отъ Царицы; а Панья Хоронжина Тарлова во все время обѣда стояла предъ Царицею; равнымъ образомъ и Панъ Воевода, старецъ, больной, въ продолженіе цѣлаго обѣда ни разу не присѣлъ, и какъ слуга, безъ шапки, стоялъ предъ Царемъ и Царицею. Такое неуваженіе къ Пану Воеводѣ всѣхъ удивляло.

1606. Обѣдъ длился нѣсколько часовъ съ разными Московскими обрядами, при звукахъ Царицыной музыки; но кушанья такъ были не годны, что никто изъ насъ не могъ ѣсть ихъ. Въ продолженіе обѣда Господарскіе Стольники по нѣскольку разъ подносили каждому изъ гостей разные напитки съ сими словами: »Цесарское Величество жалуетъ тебя.« Среди залы около пиластра поставлено было множество серебряной столовой посуды, отъ пола до самаго потолка; ея не трогали, а всѣ яства и напитки подавали на золотѣ. Царь пилъ за здоровье Его Королевскаго Величества: Послы, по желанію его, должны были встать съ своихъ мѣстъ, подойти къ трону и тутъ, принявъ изъ Царскихъ рукъ по полной чарѣ, осушить оныя. Равнымъ образомъ каждому изъ насъ онъ давалъ изъ рукъ своихъ по полной чарѣ. Была еще одна церемонія: предъ Царемъ поставили блюдо сухихъ Венгерскихъ сливъ: всѣ Думные Бояре и Дворяне, вставъ съ своихъ мѣстъ, пошли къ Господарю и каждый, получивъ изъ рукъ его по парѣ сливъ, тотчасъ ихъ проглатывалъ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока Господарь всѣхъ обдѣлилъ. По окончаніи обѣда, Русскіе Послы, отправлявшіеся въ Персію, цѣловали руку у Царя и Царицы. Послѣ сего Димитрій съ супругою удалился въ свои покои; а Послы возвратились на квартиру,

куда вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ, принесли имъ 1606.
по обыкновенію Царскій ужинъ.

23 Мая, во вторникъ, Панъ Малогоскій былъ во дворцѣ на пиршествѣ у Царицы; а Панъ Староста Велижскій оставался дома. По пріѣздѣ во дворецъ, насъ проводили въ Думные Царскіе покои: въ первомъ изъ нихъ сѣлъ Панъ Малогоскій и около получаса забавлялся разговорами съ Царскими Дворянами; наконецъ вышелъ Панъ Бучинскій и пригласилъ Посла въ покои Царицы. Столъ былъ убранъ въ Польскомъ вкусѣ по-Королевски. Урядники и буфетчики были такіе же, какихъ имѣетъ Его Королевское Величество. На этомъ пиршествѣ было много ближнихъ родственниковъ Пана Воеводы Сендомирскаго; всѣ веселились и танцовали при звукахъ Царицыной музыки.—Панъ Малогоскій получилъ отъ Царя и Царицы по большой золотой чарѣ съ каменьями, и уже вечеромъ возвратился на квартиру, куда вскорѣ принесли ему отъ Господаря разныхъ напитковъ.

24 Мая въ среду, Послы, желая видѣться съ Паномъ Воеводою Сендомирскимъ, поѣхали къ нему сами, изъ уваженія къ его старости и слабости здоровья; но Панъ Воевода не хотѣлъ, чтобы Ихъ Высокомочія безпокоились, и самъ отправился къ нимъ. Они встрѣтили другъ друга въ крѣпости. Послы просили Его Свѣтлость возвратиться на квартиру, желая сами навѣстить

1606. его; но Панъ Воевода никакъ не соглашался на всѣ убѣжденія, и Послы должны были ѣхать вмѣстѣ съ нимъ домой.

25 Мая въ день Божіяго тѣла, Послы были во дворцѣ. Насъ проводили въ деревянныя палаты, вновь построенныя Димитріемъ надъ Москвою рѣкою, позади другихъ палатъ. Тамъ мы увидѣли самого Царя: онъ сидѣлъ на стулѣ въ голубой одеждѣ, въ высокой шапкѣ, съ посохомъ въ рукѣ. По обѣимъ сторонамъ его сидѣло много Бояръ и Дворянъ. Какъ скоро вошли Послы, Аѳанасій доложилъ объ нихъ Царю; имъ подали скамью и они сѣли. Потомъ тотъ же Аѳанасій, по Царскому повелѣнію, пригласилъ Пословъ въ отворенную палату для переговоровъ съ Думными Боярами. Послы вступили въ сію палату, оставивъ Государя на томъ же мѣстѣ, гдѣ его застали. Вскорѣ вошли къ нимъ Думные Бояре: Князь Дмитрій Шуйскій, Князь Михайло Масальскій, Михайло Игнатьевичъ Татищевъ, Аѳанасій Власьевъ и Иванъ Грамотинъ.

Аѳанасій сказалъ Посламъ: »Николай и Александръ! вы говорили всепресвѣтлѣйшему, непобѣдимому Самодержцу Димитрію Іоанновичу »(здѣсь упомянутъ весь титулъ его), что Король »Государь вашъ прислалъ васъ сюда для переговоровъ о добрыхъ дѣлахъ. Его Цесарское Величество, по своему Цесарскому милосердію, »повелѣлъ Думнымъ Боярамъ своимъ (назвавъ

»каждаго) переговорить съ вами. И такъ объя- 1606.
»вите, какое вы имѣете порученіе отъ Короля
»Государя своего.« Послы, изъяснивъ достаточно
на словахъ цѣль своего прибытія, подали на бумагѣ слѣдующую ноту:

»Не нужно пространно доказывать, сколь »мило и пріятно братское согласіе Господу Богу »нашему: это извѣстно всѣмъ народамъ Христі»анскимъ; объ этомъ говорили въ св. Писаніи »Евангелисты, Апостолы и Пророки, поучавшіе »народъ Божій хранить миръ и любовь. Согла»сіемъ мы заслуживаемъ Божію милость и въ »царствѣ небесномъ приготовляемъ блаженство »душамъ своимъ, а здѣсь, на семъ свѣтѣ, содѣй»ствуемъ благоденствію отечества, прославляемъ »Христіанство, чествуемъ Господа Бога, Искупи»теля нашего. Гдѣ же господствуютъ раздоры, »ненависть, вражда, особливо въ великихъ Госу»дарствахъ Христіанскихъ, тамъ гибнетъ религія, »забываютъ Бога, возникаетъ идолослуженіе и »язычество. Такъ во время раздоровъ Христіан»скихъ Государей (отъ чего да сохранитъ насъ »Господь!) не только великія Царства, но и свя»тыя мѣста, ознаменованныя стопами Господа »Бога, Искупителя нашего, достались въ руки »невѣрныхъ, бусурманъ, къ невыразимой горе»сти всего Христіанства. Нынѣ, Божіею мило»стію, всепресвѣтлѣйшій Господарь вашъ и Ве»ликій Князь всея Россіи Димитрій Іоанновичъ,

1606. »волею и промысломъ Всевышняго возведенный »на престолъ прародительскій, намѣреваясь освободить Христіанство отъ тяжкаго ига, присылалъ къ Его Королевскому Величеству Посланника своего Казначея и Думнаго Дьяка Аѳанасія »Ивановича Власьева, а потомъ назначивъ и Великихъ Пословъ, о коихъ уже далъ знать чрезъ »своего гонца, изъявилъ всемилостивѣйшему Государю нашему желаніе общими силами стать »противъ враговъ св. креста и избавить Христіанъ отъ рукъ невѣрныхъ. Его Королевское Величество, съ благодарностію внявъ сему желанію, согласенъ не только жить съ нимъ въ »братской любви, но и свое Государство соединить тѣснымъ союзомъ съ Русскою Державою, »чтобы общими силами вооружиться противъ »Музульманъ. Не откладывая вдаль столь великаго, для Христіанъ необходимаго дѣла, всемилостивѣйшій Государь поручилъ намъ, Посламъ своимъ, переговорить съ пресвѣтлѣйшимъ »Государемъ вашимъ и съ вами, Думными Боярами, о томъ, чтобы вы, братья наши, именемъ »своего Государя объявили намъ: какимъ образомъ, какъ скоро и съ какою силою онъ намѣренъ ополчиться противъ невѣрныхъ? Всепресвѣтлѣйшій Государь вашъ, самъ предпринявъ сіе дѣло и увѣдомивъ о томъ Его Королевское Величество, самъ можетъ объявить и »средства къ успѣшному окончанію онаго; а мы

»получивъ чрезъ васъ нужныя свѣдѣнія отъ все- 1606.
»пресвѣтлѣйшаго Государя вашего, рады всту-
»пить съ вами въ переговоры и дадимъ вамъ
»знать, что можемъ сдѣлать съ своей стороны,
»дабы не тратя времени въ пересылкахъ отъ
»вашего Государя къ нашему, тѣмъ скорѣе и
»надежнѣе, на прочномъ основаніи, довершить
»столь великое и вожделѣнное для всего Хри-
»стіанства предпріятіе. Если же теперь не со-
»гласимся въ мѣрахъ къ исполненію онаго, ваши
»Послы при всякомъ новомъ пунктѣ, неопредѣ-
»ленномъ въ Царскомъ наказѣ, должны будутъ
»или относиться къ своему Государю и просить
»разрѣшенія, или откладывать все дѣло до дру-
»гаго времени, и тѣмъ длить оное безконечно.
»Посему гораздо лучше для васъ переговорить
»съ нами въ братской любви и пріязни.«

Прочитавъ сію бумагу, Бояре посовѣтовались другъ съ другомъ и чрезъ Михайла Татищева отвѣчали Посламъ слѣдующимъ образомъ: »Мы »слышали отъ васъ, что Король Сигизмундъ »желаетъ ополчиться вмѣстѣ съ непобѣдимымъ »Цесаремъ нашимъ противъ невѣрныхъ, только »тѣми средствами, о коихъ наказомъ Королев»скимъ поручено вамъ объявить намъ. Нашъ »всепресвѣтлѣйшій, непобѣдимый Цесарь намѣ»ренъ воевать съ погаными единственно по рев»ности къ славѣ Бога и святой вѣрѣ, безъ вся»кихъ другихъ видовъ. Если же Король пору-

1606. »чилъ вамъ только вывѣдать наши мысли, что»бы послѣ самому ничего не дѣлать, то сіе бу»детъ коварствомъ и обманомъ.«

На сіи слова довольно грубыя Послы отвѣчали сурово и пристыдили Татищева. Послѣ Пана Малогоскаго, сталъ говорить Староста Велижскій: »Вамъ самимъ извѣстенъ порядокъ до»говоровъ: кто предлагаетъ какое либо важное »дѣло и требуетъ чего либо отъ другаго, тотъ »самъ прежде изъясняетъ свои способы и сред»ства. Вашъ всепресвѣтлѣйшій Господарь и Ве»ликій Князь всея Россіи Димитрій Іоанновичъ, »вступивъ на престолъ предковъ своихъ, далъ »знать Его Королевскому Величеству сперва »чрезъ Казначея Аѳанасія Власьева, а потомъ »чрезъ гонца своего Ивана, что, сожалѣя о упад»кѣ Христіанства и желая возстановить его, онъ »намѣренъ ополчиться на Султана Турецкаго и »другихъ бусурманъ; для сего назначилъ къ Его »Королевскому Величеству съ требованіемъ по»мощи Великихъ Пословъ Дворецкаго Князя Ва»силія Ивановича Масальскаго и Окольничаго »Михаила Игнатьевича Татищева. Король, какъ »Государь Христіанскій, съ благодарностію при»нявъ такое предложеніе, хочетъ не только сое»диниться съ вашимъ Государемъ, но и обѣ обшир»ныя Державы связать любовію Христіанскою, »чтобы общими силами ударить на невѣрныхъ. »Какъ скоро прибудутъ въ Польшу назначенные

»вашимъ Государемъ Послы, Его Величество по- 1606.
»велитъ Совѣту своему переговорить съ ними о »семъ предпріятіи; а какъ прежде необходимо »привести въ порядокъ нѣкоторыя дѣла, то Его »Величество, пославъ насъ на свадьбу великаго »Господаря вашего, повелѣлъ узнать о способахъ, »которыми онъ намѣренъ вести войну съ пога- »ными, для того, чтобы съ своей стороны объ- »явить условія мира, дружбы и наступательнаго »союза. Въ Королевскомъ наказѣ намъ именно »предписано переговорить о семъ подробно съ »вами, Думные Бояре, а потомъ ваши Послы »должны будутъ предложить условія Его Вели- »честву Королю и Рѣчи Посполитой. Не зная о »мѣрахъ и способахъ вашего Государя, мы не »можемъ, вопреки наказу, продолжать перегово- »ровъ.«

Князь Дмитрій Шуйскій, Татищевъ и Аѳанасій отвѣчали Посламъ: »Мы доложимъ ваши »рѣчи всепресвѣтлѣйшему Цесарю нашему и да- »димъ вамъ отвѣтъ.« Съ симъ словомъ отошли; вскорѣ Татищевъ, Аѳанасій и Грамотинъ возвратились; первый сказалъ Посламъ: »Мы доне- »сли ваши слова всепресвѣтлѣйшему, непобѣди- »мому Самодержцу Димитрію Іоанновичу. Его »Цесарское Величество, повелѣвъ намъ подумать »о способахъ войны, вскорѣ самъ будетъ гово- »рить съ вами въ присутствіи ближнихъ Бояръ.« Тѣмъ кончились переговоры.

1606. Послы поѣхали прямо на обѣдъ къ Пану Тарлу, Хоронжему Львовскому, который пригласилъ также Князя Вишневецкаго, Пана Подстолія Коронпаго и многихъ другихъ Пановъ. Послѣ обѣда забавлялись танцами; время текло среди веселостей. Между тѣмъ кто-то сказалъ, что Поляки подрались съ Русскими. Въ ту самую минуту звонили къ вечернѣ: нашимъ послышалась тревога; забыли пиръ и разбѣжались. Паны Послы, имѣя уже въ головѣ, поспѣшили на свою квартиру; а Князь Вишневецкій, Паны Стадницкіе и Панъ Подстолій остались, желая узнать причину тревоги. Наконецъ сказали намъ, что пьяный гайдукъ Князя Вишневецкаго прибилъ Русскихъ, а Русскіе прибили его; отъ чего и вышла тревога. Намъ совѣтовали быть осторожными, говоря, что Бояре сговорились съ народомъ погубить Царя и всѣхъ Поляковъ. Въ самомъ дѣлѣ уже былъ заговоръ; положено было напасть на насъ ночью съ середы на четвертокъ; болѣе всѣхъ злились на Князя Вишневецкаго; около квартиры его собралось до четырехъ тысячъ черни съ намѣреніемъ начать бунтъ; но въ эту ночь что-то помѣшало ей. Насъ предостерегали Нѣмцы, болѣе расположенные къ намъ, нежели къ Русскимъ: они удостовѣряли, что Москвитяне рѣшились погубить насъ всѣхъ до послѣдняго. Въ слѣдствіе сего, Послы объявили единоземцамъ сво-

имъ, въ случаѣ какой либо опасности укрываться въ Посольскомъ домѣ. Увѣдомили и Царицу о безпокойствѣ Пословъ. Царь, узнавъ о семъ, въ тотъ же день два раза присылалъ къ Посламъ Пана Бучинскаго и совѣтовалъ имъ не тревожиться. »Я, говорилъ Царь, такъ хорошо »взялъ въ руки свое Государство, что безъ воли »моей, ничего быть не можетъ.« Въ тотъ же вечеръ Панъ Воевода и Панъ Староста Сапоцкій расположили на своемъ дворѣ, въ сторонѣ отъ квартиры, всю пѣхоту свою съ хоругвями и барабанами. Мы также, въ слѣдствіе случившейся тревоги, поставили стражу на Посольскомъ дворѣ, и каждый изъ насъ съ людьми своими принужденъ былъ цѣлый день и всю ночь поочередно караулить дворъ. 1606.

Москвитяне уже давно замыслили мятежъ. Нѣсколько дней сряду Бояре внушали народу, что Царь, при помощи Поляковъ, намѣренъ истребить знатнѣйшія въ Москвѣ семейства и заселить ее Поляками и Литовцами. Все сіе, по словамъ Бояръ, должно было совершиться въ наступающее воскресенье, т. е. 28 Мая. Къ сему дню Польскіе рыцари готовились ломать копья, по случаю Царской свадьбы: нѣсколько пушекъ было отправлено въ поле для пальбы; Бояре же говорили народу, что Поляки готовились не къ ристанію, а къ избіенію Москвитянъ, что Царь намѣрвается истребить Русскую вѣру и ввести

1606. въ Россію еретическую (т. е. Католическую), что самый нарядъ гусарскій, имъ любимый, служитъ тому доказательствомъ, что безъ намѣренія уничтожить вѣру, не было причины старинную Русскую одежду замѣнять новою чужеземною, что кромѣ того онъ расточаетъ собранныя предками его сокровища и раздаетъ оныя Полякамъ. Много было и другихъ обвиненій, коими Бояре вооружали простодушныхъ на Царя, называя его не Царевичемъ Димитріемъ, а Гришкою Богдановымъ Разстригою Отрепьевымъ. Всѣ твердили это; всѣ желали видѣть на престолѣ кореннаго Русскаго. Усерднѣе всѣхъ распространялъ подобныя вѣсти Михайло Ивановичъ 69) Татищевъ, едва не казненный Царемъ за измѣну, сосланный въ дальній острогъ, потомъ помилованный и по прежнему членъ Сената. Самъ Царь лучше всѣхъ насъ зналъ о заговорѣ; но не хотѣлъ и слышать объ ономъ. Онъ досадовалъ, если кто изъ нашихъ предостерегалъ его, и таилъ свое безпокойство отъ Его Королевскаго Величества, въ надеждѣ скоро устранить всякій поводъ къ опасенію.

Кончивъ переговоры съ Послами Его Королевскаго Величества, Царь старался развѣдать о заговорщикахъ между своими Сенаторами. Обыкновенно при немъ всегда была стража, состоявшая изъ 300 Нѣмцевъ, вооруженныхъ алебардами. Бояре, участвовавшіе въ заговорѣ, рас-

пустили сихъ тѣлохранителей, однихъ въ пятницу вечеромъ, а другихъ въ субботу, сказавъ, что Царь повелѣлъ имъ разойтись по квартирамъ. Увѣренные въ Царскомъ повелѣніи и не подозрѣвая никакого умысла, Нѣмцы удалились. Предъ покоями осталось только 30 Алебардщиковъ, а въ самыхъ покояхъ было съ Царемъ нѣсколько слугъ изъ Поляковъ и не много музыкантовъ. Разсказываютъ, что Димитрій въ ночь на 27 Мая не спалъ и все веселился. Рано въ субботу онъ вышелъ изъ своихъ покоевъ на крыльцо, гдѣ увидѣвъ Аѳанасія Власьева и Князя Григорія Волконскаго, нашего Пристава, спросилъ: не говорятъ ли чего объ немъ Польскіе Послы? Князь Волконскій, кажется, не знавшій о заговорѣ, сказалъ нѣсколько словъ въ отвѣтъ и сошелъ съ крыльца; между тѣмъ заговорщики дали знать другъ другу; вскорѣ собралось до 200 Бояръ и Дворянъ Московскихъ: они вломились въ крѣпостные ворота и ударили въ колоколъ, называемый *Налдъ*, въ который обыкновенно звонятъ при всякой тревогѣ. Царь, услышавъ тревогу, спросилъ Князя Дмитрія Шуйскаго: для чего звонятъ? »Пожаръ,« отвѣчалъ Шуйскій. Въ слѣдъ за тѣмъ ударили въ набатъ. Часть народа была приготовлена къ бунту; многіе ничего не знали: имъ сказали, что Литва бьетъ Бояръ. И такъ зазвонили во всѣ колокола, сколько ихъ было въ городѣ. Чернь бросилась 1606.

1606. въ крѣпость на помощь Боярамъ съ рогатинами, съ ружьями, съ топорами, съ саблями, со всемъ, что попалось въ руки. Между тѣмъ, пока народъ еще не сбѣжался, Князь Василій Шуйскій совѣтовалъ Дворянамъ напасть на дворецъ и довершить дѣло, говоря, что Гришка Отрепьевъ приказалъ въ тотъ же вечеръ отсѣчь имъ головы и что только смерть злодѣя спасетъ ихъ. Изъ 30 Нѣмцевъ, Алебардщиковъ, оставшихся при дворцѣ, одни бросили алебарды, когда въ нихъ начали стрѣлять, а другіе выскочили изъ палатъ и бѣжали. Въ Царскомъ покоѣ былъ въ то время Петръ Басмановъ: услышавъ тревогу и увидѣвъ бунтовщиковъ, онъ закричалъ Царю: »Мятежъ! я умру, а ты спасайся,« и ставъ въ дверяхъ, отражалъ Русскихъ до послѣдняго издыханія: его убили вмѣстѣ съ другими, которые также оборонялись. Говорятъ, что Царь, надѣвъ свое платье, выскочилъ изъ окна; но что одинъ Москвитянинъ догналъ его и ранилъ саблею въ ногу, въ добавокъ къ тому, что досталось ему при скочкѣ изъ окна. Упавъ на землю Царь лишился чувствъ; къ нему подбѣжали Стрѣльцы, отлили его водою и перенесли на каменный фундаментъ деревяннаго дома Борисова, сломаннаго по его приказанію. Очнувшись, онъ сталъ молить Стрѣльцовъ о защитѣ, обѣщая въ награду имъ Боярскихъ женъ и Боярскія помѣстья. Стрѣльцы рѣшились оборонять его и

когда заговорщики бросились къ нему, нѣкоторыхъ застрѣлили; Бояре и Дворяне, принужденные отступить, закричали: »Пойдемъ въ городъ, »въ Стрѣлецкіе домы, и перебьемъ всѣхъ женъ »и дѣтей ихъ!« Устрашенные сею угрозою, Стрѣльцы бросили ружья на землю; а Бояре и Дворяне приступили къ Царю съ бранью, называя его Гришкою Отрепьевымъ. Онъ ссылался на свою мать; но Князь Голицынъ отвѣчалъ, что Царица не признаетъ его своимъ сыномъ, что сынъ ея Димитрій убитъ въ Угличѣ, что тамъ лежитъ и тѣло его. Въ продолженіе сихъ разговоровъ, протѣснился между народомъ Боярскій сынъ Григорій Волуевъ, выстрѣлилъ изъ подъ армяка и убилъ Димитрія. Стрѣльцы разбѣжались; Москвитяне же кинулись на трупъ, и изливъ свою злобу сабельными ударами, повлекли оный къ воротамъ, близъ коихъ въ монастырѣ жила Царица—мать. Ее спрашивали: точно ли убитый сынъ ея? Она отвѣчала, говорятъ: „объ этомъ надобно было спросить, когда онъ „былъ живъ; а теперь онъ уже не мой.“ Отсюда потащили тѣло за ворота, на рынокъ, среди коего, на одномъ столѣ положили Царскій трупъ, а на другомъ, нѣсколько пониже, тѣло Басманова, такъ, что ноги перваго свѣсившись, касались груди втораго. На Царя бросили маску, а въ ротъ воткнули дудку: о маскѣ говорили мятежники народу, что она стояла въ комнатѣ его 1606.

1606. на мѣстѣ иконъ, которыя найдены подъ кроватью; для чего же дали ему дудку, не знаю. Въ такомъ видѣ оба тѣла пролежали на рынкѣ трое сутокъ, субботу, воскресенье и понедѣльникъ, до самаго вторника. Въ продолженіе сихъ дней, Русскіе толпились около нихъ, и никто не отходилъ, не сдѣлавъ надъ ними какого нибудь ругательства: иной пороль брюхо, другой рвалъ мясо на куски; тотъ выкалывалъ глаза, этотъ волочилъ трупъ съ мѣста на мѣсто. Такъ поступали съ тѣмъ, кто называлъ себя непобѣдимымъ. Въ то самое время, какъ Царь былъ умерщвленъ одною толпою мятежниковъ, другая бросилась въ покои Царицы. При ней было нѣсколько женщинъ; а изъ мущинъ находился одинъ только Матвѣй Осмольскій. Ставъ въ дверяхъ Царицына покоя, онъ мужественно отражалъ народъ, не взирая на многія раны свои, доколѣ ружейные выстрѣлы не положили его на землю. Стрѣляя въ Осмольскаго, мятежники ранили Панью Хмѣлевскую, которая чрезъ нѣсколько дней умерла отъ раны; а Царицу и бывшихъ при ней женщинъ ограбили до-чиста, оставивъ ихъ въ однѣхъ только сорочкахъ.

Дворъ Пана Воеводы окружили стражею, такъ, что изъ онаго не льзя было подать ни какой помощи и узнать объ участи Царя. Наши совершенно ничего не вѣдали; только толпы народа, бѣжавшаго въ крѣпость, давали поводъ

догадываться, что не даромъ бьютъ въ коло- 1606.
кола. Воспоминаніе о прежнихъ тревогахъ умножило опасенія. Служители наши, рано вышедшіе изъ квартиръ для покупки разныхъ вещей, были убиты и ограблены. Никто не предугадалъ бунта; иначе мы соединились бы вмѣстѣ или у Пословъ, или у Пана Воеводы. Видно Богъ хотѣлъ отнять у насъ умъ, чтобы всѣхъ насъ покарать за гордость, надменность и наглые поступки Жолнеровъ изъ Царицыной свиты: на пути къ Москвѣ, они грабили подданныхъ Его Королевскаго Величества и отвсюду слышали проклятія; теперь же ходили съ поникшею головою, потерявъ коней, оружіе и все, что имѣли. Во всякомъ случаѣ мы могли бы соединиться безъ труда, по крайней мѣрѣ съ Княземъ Вишневецкимъ, который защищался мужественно.

По убіеніи Царя, чернь бросилась грабить Поляковъ на квартирахъ, и не довольствуясь добычею, рубила въ куски кого только изъ нашихъ могла захватить. Особенно много погибло достойныхъ молодыхъ людей въ той улицѣ, гдѣ стояли Царицыны Пахолики. Тамъ пали: Панъ Глуховскій, Дворянинъ Его Королевскаго Величества, Панъ Перхлинскій, Панъ Склинскій, Панъ Венсовичъ, Панъ Иваницкій, Панъ Борса, Панъ Самуилъ Балъ, Панъ Цизовскій, Панъ Коморовскій съ Зывца, Панъ Ходорадкѣвичъ, Панъ Сумоньскій, Панъ Ясеновскій, и многіе другіе.

1606. Панъ Смольскій имѣлъ свой дворъ, близъ Посольскаго, подаренный ему покойнымъ Царемъ, который отнялъ его у Татищева. Панъ Смольскій, выѣхавъ изъ владѣній Королевскихъ, съ женою и дѣтьми, поселился въ семъ домѣ, и уже не могъ возвратиться въ Польшу. Ворвавшись къ нему, Русскіе захватили все, что нашли въ домѣ. Напитки, медъ и вино тотчасъ выпили: это придало имъ еще болѣе охоты грабить. Въ четверть часа все было расхищено; хозяина, жену, дѣтей и слугъ его оставили въ однѣхъ рубахахъ. Самого Смольскаго привязали къ лошади и мимо Посольскаго двора отвели въ крѣпость. Панъ Тарло, Хорунжій Перемышльскій, заперся было въ своей квартирѣ съ Паномъ Любомирскимъ. Увѣренные въ безопасности крестнымъ цѣлованіемъ Русскихъ, они выдали свое оборонительное оружіе, полагаясь на клятву. Русскіе нарушили ее: убили 30 служителей, многихъ переранили; самую Панью Тарлову и вдовствующую Панью Гербуртову больно прибили, а всю одежду сняли съ нихъ безъ всякаго стыда. Обобравъ самого Пана Тарла съ Паномъ Любомирскимъ, отвели ихъ всѣхъ обнаженныхъ вмѣстѣ съ Паньями въ крѣпость. Двѣ же Панны, взятыя въ семъ домѣ, едва могли возвратиться уже на третій день. Въ той же самой улицѣ имѣлъ квартиру Ксензъ Помаскій: услышавъ о бунтѣ, онъ велѣлъ запереть двери своего

дома и началъ служить обѣдню. Мятежники 1606.
ворвались въ домъ, когда онъ лишь только кончилъ священнослуженіе и не успѣлъ еще скинуть ризъ: священную одежду съ него сорвали, а самого такъ избили, что онъ на третій день отдалъ душу свою Богу. Тамъ же умертвили роднаго брата его и большую часть служителей; остальныхъ изранили, а домъ разграбили.

Мы, Посольскіе, при первомъ знакѣ мятежа тотчасъ осмотрѣли и заперли дворъ; около заборовъ, со всѣхъ сторонъ, поставили гайдуковъ для стражи, а сами приготовились къ смерти, не надѣясь дожить до слѣдующаго дня, и только молили Бога даровать намъ благій конецъ. Трупы нашихъ братьевъ лежали вокругъ Посольскаго двора; видя ихъ, мы рѣшились оборониться до послѣднихъ силъ, и того только ждали, что Русскіе бросятся на насъ. Противъ Посольскаго двора, чрезъ улицу, въ домѣ Степана Годунова, отданномъ Голицыну, стоялъ Панъ Староста Саноцкій: къ нему ускользнулъ изъ своей квартиры Панъ Подстолій Коронный, предостереженный своимъ хозяиномъ, предъ самымъ бунтомъ, вмѣстѣ съ Паномъ Корыткою и съ Паномъ Коморовскимъ, ночевавшими на квартирѣ Пана Подстолія. Всѣ вещи также успѣли перенести къ Пану Старостѣ, имѣвшему при себѣ много людей. Мы сообщались съ нимъ посредствомъ записокъ, которыя, привязавъ къ

1606. стрѣламъ, бросали изъ лука. Съ другой стороны Посольскаго двора на углу, въ домѣ Безобразова, стоялъ Панъ Староста Луховскій: при началѣ бунта онъ успѣлъ убѣжать къ намъ въ одномъ только жупанѣ, бросивъ имущество и служителей, которые безъ него заперлись. Москвитянамъ весьма хотѣлось опустошить оба дома, особливо злились на Старосту Саноцкаго, за проказы, какъ видно, слугъ и Жолнеровъ его; но опасаясь помощи съ нашей стороны, они не смѣли напасть на нихъ, и только стрѣляли сквозь щели въ Поляковъ на дворѣ Старосты Луховскаго. Приставы наши, усмиряя чернь на улицѣ, отводили ее отъ смежныхъ съ дворомъ нашимъ домовъ Старосты Луховскаго и Пановъ Стадницкихъ, говоря, что тамъ Посольскіе люди, что ихъ не приказано трогать, и что надобно дать имъ покой. И такъ сихъ домовъ не тронули.

За нашимъ домомъ чрезъ улицу, на небольшомъ дворѣ стояли два брата Казановскіе: не надѣясь отбиться отъ злодѣевъ, сіи Паны просили насъ посредствомъ условныхъ знаковъ, пустить ихъ въ Посольскій дворъ; съ ними былъ и Панъ Ротмистръ Домарадскій, который, бросивъ свою лошадь, едва успѣлъ къ нимъ убѣжать. Мы не рѣшались подать имъ помощь, опасаясь навлечь на себя большую бѣду; но кровь братьевъ убѣдила насъ: сдѣлавъ въ стѣнѣ отверстіе, коимъ можно было бы пролѣзть въ

Посольскій дворъ, мы дали знакъ Казановскимъ; 1606.
въ то же время нѣсколько нашихъ стали на кровлѣ конюшни, готовясь ружейными выстрѣлами разогнать Русскихъ, если бы они вздумали препятствовать Казановскимъ перебѣжать къ намъ чрезъ улицу. И такъ оба сіи Пана вмѣстѣ съ Домарадскимъ и нѣсколькими слугами побѣжали чрезъ улицу. Русскіе бросились было съ обѣихъ сторонъ, чтобы схватить ихъ и не допустить къ отверстію; но взглянувъ на нашихъ и услышавъ угрозы, поспѣшили отступить. Только одинъ Москвичъ застрѣлилъ предъ самымъ отверстіемъ слугу Пана Домарадскаго и рогатиною прикололь его къ землѣ; за то и самъ получилъ тою же монетою: одинъ изъ нашихъ влѣпилъ ему пулю въ самый лобъ. Тутъ Русскіе начали стрѣлять и бросать каменьями въ Поляковъ, стоявшихъ на конюшнѣ; но, слава Богу, никого не ранили. Между тѣмъ нѣсколько сотъ Москвитянъ ворвались въ домъ, гдѣ жили Казановскіе, расхитили всѣ вещи ихъ и убили 22 служителя; отсюда хлынули къ другимъ отдѣльнымъ квартирамъ Польскимъ, ближайшимъ къ крѣпости, разграбили ихъ, и наконецъ подступили къ двору Стефана Господаровича Волошскаго, гдѣ стоялъ Князь Константинъ Вишневецкій. Князь, имѣя при себѣ отборныхъ людей, принялъ всѣ мѣры къ безопасности. Долго приступали къ нему Русскіе, съ великою для себя

1606. потерею, поражаемые ружейными выстрѣлами изъ домовъ. Наконецъ навели пушку: но выстрѣлъ ея не сдѣлалъ нашимъ вреда, потому, что орудіе было за горою. Тѣмъ временемъ прискакали къ Посольскому двору два Боярина Борисъ Нащокинъ съ товарищемъ, желая видѣться съ Послами. Панъ Староста Велижскій вышелъ къ нимъ и сталъ въ воротахъ; а они, сидя на лошадяхъ, вооруженные колчанами и саблями, поклонились ему и сказали: »Князь »Өедоръ Ивановичъ Мстиславскій, Князь Васи»лій и Князь Дмитрій Шуйскіе и другіе Бояре »велѣли сказать вамъ, Посламъ Сигизмунда Ко»роля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго. »Въ Королевствѣ Государя вашего было извѣст»но, что по смерти Царя Ивана Васильевича, »остался малолѣтный сынъ его Димитрій Ива»новичъ, истинный Царевичъ: злые люди ли»шили его жизни. Спустя довольно послѣ того »времени, монахъ Гришка Богдановъ, изъ дьячка »ставъ чернокнижникомъ и опасаясь за то на»казанія, бѣжалъ въ область вашего Государя »въ Литву, и тамъ, назвавшись Царевичемъ Ди»митріемъ Ивановичемъ, обманулъ и насъ и васъ. »Единоземцы ваши пришли съ нимъ въ Госу»дарство Московское; народъ взволновался и по »смерти Бориса Өедоровича, избралъ Гришку »своимъ Государемъ. Сѣвъ на престолъ, онъ »разорялъ наше Государство, жилъ безчинно,

»хотѣлъ истребить вѣру Христіанскую и замѣ- 1606.
»нить еретическою. Царица, которую онъ на-
»зывалъ матерью, объявила о томъ Боярамъ:
»узнавъ обманъ, никто не хотѣлъ терпѣть его.
»Теперь нѣтъ болѣе вора. Вы, Послы Королев-
»скіе, не опасайтесь ничего; Бояре приказали
»тщательно охранять жизнь вашу; но берегитесь
»мѣшаться въ дѣла Старосты Саноцкаго и дру-
»гихъ людей, которые пріѣхали не съ вами; а
»съ Воеводою Сендомирскимъ, чтобы заѣсть Рус-
»скихъ. Мы терпѣли много зла отъ нихъ.«

Панъ Староста Велижскій отвѣчалъ ему на Русскомъ языкѣ слѣдующимъ образомъ: »Правда »было у насъ извѣстно, что по смерти великаго »Государя вашего Іоанна Васильевича, остался »сынъ Димитрій; потомъ пронесся слухъ, что »Борисъ Годуновъ велѣлъ убить его для своей »выгоды. Но явившись въ областяхъ Королев»скихъ, сей человѣкъ весьма многими доказа»тельствами увѣрилъ нашихъ, что онъ истин»ный Димитрій Ивановичъ и что Богъ спасъ »его чудеснымъ образомъ отъ погибели. Наши »единоземцы сколько прежде жалѣли о смерти »Димитрія, столько теперь радовались, видя его »въ живыхъ; а ваши Думные Бояре посадили »его на царство. Нынѣ, какъ самъ ты говоришь, »вы узнали, что онъ не истинный Димитрій и »убили его: до этого намъ дѣла нѣтъ, — да бла»гословитъ Богъ ваше предпріятіе! Но мы, Послы,

1606. »заботились о собственной безопасности, ибо не »только въ Христіанскихъ Государствахъ, но и »въ бусурманскихъ, особа Посла священна. Благодаримъ Бояръ за ихъ доброжелательство. Что »же касается до Пана Старосты Сапоцкаго и »другихъ подданныхъ Его Королевскаго Величе»ства, прибывшихъ сюда съ Воеводою Сендо»мирскимъ; то они ѣхали сюда не на войну и »не съ тѣмъ, чтобы, какъ вы говорите, заѣсть »Русскихъ, а бывъ призваны вашимъ Госуда»ремъ, вашими Думными Боярами, чрезъ вашего »Посла, они спѣшили сюда на свадьбу, вовсе не »зная, что Государь вашъ не истинный Димит»рій. Здѣсь они ни кому не вредили. Если же »кто изъ служителей ихъ кого либо обидѣлъ, »да будетъ тотъ наказанъ: за виновныхъ мы не »стоимъ; но не всѣ же должны страдать за од»ного! Поблагодарите Бояръ за пріязнь и про»сите ихъ нашимъ именемъ остановить убійство »безвинныхъ людей Его Королевскаго Величе»ства. Боже сохрани, если станутъ тиранить ихъ »предъ нашими очами: мы не удержимъ своихъ »людей, не будемъ хладнокровно смотрѣть на »кровь братьевъ нашихъ и лучше согласимся »всѣ вмѣстѣ погибнуть. Что же изъ сего должно »произойти, да разсудятъ сами Думные Бояре.«

Съ симъ отвѣтомъ Пацокинъ и товарищъ его возвратились въ крѣпость; вскорѣ послѣ нихъ прискакали Князь Мстиславскій, Князья

Шуйскіе и другіе знатные Бояре. Они старались разогнать разъяренный народъ и спасти нашихъ. Князь Мстиславскій прежде всего бросился въ улицу Московскую, гдѣ наиболѣе погибло Царскихъ слугъ, чтобы подать помощь оставшимся въ живыхъ. Князь Василій Шуйскій и Иванъ Никитичъ поспѣшили къ дому Князя Вишневецкаго, окруженному безчисленною толпою народа. Князь велѣлъ запереть дворъ и отражалъ мятежниковъ, при помощи 200 всадниковъ, вооруженныхъ копьями. Старшины, управлявшіе мятежниками, увѣряли нашихъ въ безопасности. Наши дались въ обманъ, слѣзли съ коней и лишь только поставили ихъ въ конюшни, Москвитяне снова начали пальбу по нимъ: Поляки принуждены были обороняться пѣшіе, какъ могли, уже не имѣя средствъ вывесть лошадей изъ конюшенъ. Въ то самое время подоспѣлъ Шуйскій съ Никитичемъ: они сами вошли въ домъ, увѣрили Князя подъ присягою въ безопасности, взяли его только въ одномъ жупанѣ, впрочемъ съ оружіемъ въ рукахъ, и отправили въ Боярскій дворъ. Слуги и челядинцы Княжескіе остались въ домѣ въ однѣхъ рубахахъ; всѣ вещи его, оружіе, лошади, словомъ все было расхищено; сверхъ того убитъ слуга Княжескій Пясецкій съ 20 челядинцами, нѣсколькими гайдуками и конюхами. Бояре бѣгали по улицамъ, усмиряя народъ, и тѣмъ спасли Пана Старосту 1606.

1606. Луховскаго и Пана Старосту Саноцкаго, на коихъ мятежники были чрезвычайно сердиты. При Посольскомъ домѣ поставлено 500 Стрѣльцовъ для усмиренія черни. Пословъ навѣстили Думные Бояре Шереметевъ и Григорій Ромодановскій, которые отъ лица всѣхъ Думныхъ Бояръ долго говорили о томъ же, о чемъ прежде предлагалъ Нащокинъ, и получили отъ Пословъ такой же отвѣтъ. Въ сей же день, когда все успокоилось, привели нѣсколько Посольскихъ слугъ, почти обнаженныхъ; на иномъ не было и сорочки. Ихъ не убили только потому, что были Посольскіе. Два шляхтича, камердинеры Посольскіе Загурскій и Овлочовскій, съ пятью челядинцами не избѣжали смерти. Они рано вышли въ городскіе ряды для покупокъ, ничего не зная о мятежѣ, и тамъ были убиты. И такъ мы провели субботу въ горести, безпокойствѣ и опасеніи; въ наступившую ночь едва ли кто сомкнулъ глаза.

28 Мая въ воскресенье утромъ пришелъ къ намъ Езуитъ Ксензъ Саницкій: его считали мы погибшимъ и встрѣтили съ великимъ участіемъ. Послы, съ дозволенія Думныхъ Бояръ, отправили служителей своихъ съ Приставомъ освѣдомиться о Панѣ Тарлѣ. Посланные увидѣли въ квартирѣ его стѣны обрызганныя кровію; на дворѣ нашли трупы разстрѣленные и изрубленные. Самого Пана Тарла и Пана Любомир-

скаго встрѣтили въ негодныхъ Русскихъ рубахахъ, а Панью Тарлову, Панью Гербуртову и другихъ дамъ въ такихъ уборахъ, въ какихъ не ходятъ у насъ самыя послѣднія крестьянки. Вмѣсто ложа служила имъ солома на полу, какъ стелятъ скотинѣ. У всѣхъ все было обобрано. Послы отправили имъ свое платье, бѣлье, нѣсколько кусковъ сукна для Пановъ и нѣсколько поставовъ каразеи для служителей. Въ сей день подбирали трупы нашихъ людей и хоронили за городомъ. 1606.

29 Мая, въ понедѣльникъ, часу во второмъ дня, въ крѣпости ударили въ барабаны, загремѣли въ трубы и зазвонили въ колокола: торжествовали избраніе на царство Князя Василія Ивановича. Сей Князь всегда умышлялъ на жизнь покойнаго Царя; былъ приговоренъ за то къ смерти и уже палачъ готовился отсѣчь ему голову, когда Димитрій помиловалъ его себѣ на бѣду, и вскорѣ далъ въ Сенатѣ первое мѣсто послѣ Князя Мстиславскаго 70). Приставы поспѣшили увѣдомить Пословъ объ избраніи новаго Царя, и увѣряли ихъ въ совершенной безопасности, дозволивъ именемъ Бояръ и Государя освѣдомляться о здоровьи каждаго изъ единоземцевъ своихъ. Всѣ Поляки спѣшили воспользоваться симъ дозволеніемъ и спрашивая другъ друга о добромъ здоровьи, радовались какъ воскресшіе изъ мертвыхъ. Мы благодарили Бога

1606. за усмиреніе разъяренной черни. Въ сей же день новый Царь приказалъ отвести на Посольскій дворъ Пана Ратомскаго, Старосту Остерскаго: имѣя свою квартиру недалеко отъ Князя Вишневецкаго, онъ оборонялся до послѣдней силы; его ограбили до-чиста, одѣли въ кафтанъ, посадили на Московскую лошадь и съ не многими слугами привели къ намъ въ одеждѣ весьма не нарядной. У него убито 10 человѣкъ. Съ самой субботы до понедѣльника приводили къ намъ единоземцевъ нашихъ, людей почтенныхъ, служившихъ Царю и Царицѣ; они были почти нагіе; число сихъ людей, въ теченіе трехъ сутокъ приведенныхъ на Посольскій дворъ, простиралось до 150 человѣкъ. Не льзя было смотрѣть на нихъ безъ сожалѣнія. Мы давали имъ, что могли. Русскіе только тѣмъ заслужили благодарность, что каждый назвавшій себя Посольскимъ, хотя и не принадлежалъ къ нашей свитѣ, находилъ пощаду: такихъ обирали до-чиста и приводили къ намъ.

Списокъ людей, приведенныхъ по смерти Димитрія на Посольскій дворъ для охраненія: Панъ Мнишекъ Староста Луховскій, Панъ Ратомскій, Староста Остерскій, Панъ Стадницкій, Панъ Адамъ Казановскій (изъ свиты Царицыной), Панъ Старостичъ Сохачевскій, Панъ Вильямъ Крайчій Царицынъ, Панъ Плято Стольникъ, Панъ Мартинъ Плято, Стражникъ, Панъ Матвѣй

Домарадскій Ротмистръ, Панъ Христофоръ..... 1606.
Панъ Здроньскій, Панъ Янъ Стренбошъ съ сыномъ изъ свиты Царицыной; Ксензъ Саницкій Езуитъ, самъ пятъ; Панъ Смерскій съ братомъ, изъ свиты Царицыной, Панъ Янъ Корсакъ Цудзельскій, Панъ Андрей Корсакъ, Панъ Матвѣй Бучинскій, Панъ Мысловскій Жолнеръ, Панъ Домашовскій, Панъ Выдлицы съ Паномъ Вержосовскимъ, Панъ Любошевскій, Панъ Мостовскій, писарь Царицы, Панъ Гидзельскій, Панъ Чертеньскій, Панъ Вышиньскій, Панъ Дыдвиньскій, Панъ Денбицкій, Панъ Пудловскій, Панъ Перхлиньскій, Панъ Заклика, Пахоликъ, Панъ Христофоръ Пелчиньскій, Панъ Белчиньскій, Панъ Качковскій, Панъ Сененьскій Пахоликъ. Купцы, золотыхъ дѣлъ мастера: Николай изъ Львова, Севастіанъ Зиттель изъ Кракова; Войцехъ Сторциста. Панъ Лапа Жолнеръ; Панъ Гонсѣвскій Карло; Якубъ Зидекъ, Коморникъ Его Королевскаго Величества; Балцеръ Зидекъ шутъ; Сенько Корунда сапожникъ изъ Львова; Аведыкъ Армянинъ самъ-четвертъ; слуга Старосты Остерскаго Сметаньскій изъ Минска самъ-четвертъ; Панъ Георгій Хелтовскій, Панъ Ѳедоръ Пелчиньскій, Панъ Христофоръ Рудзскій, Панъ Лазовскій, Панъ Малишицкій; Бальверъ портной; Талашко музыкантъ и поваръ; Пановъ Казановскихъ 20 слугъ; Пана Здроньскаго 9 челядинцевъ; Пана Гноиньскаго 10 челядинцевъ;

1606. Паньи Пилямовой 8 челядинцевъ; Пана Домарадскаго 12 человѣкъ, Пановъ Смерскихъ 4 человѣка. Сверхъ того на Посольскій дворъ пришло много слугъ, коихъ господа были убиты.

Списокъ Поляковъ, помѣщенныхъ въ разныхъ домахъ, подъ надзоромъ Приставовъ: Панъ Воевода Сендомирскій; при немъ Царица. Князь Константинъ Вишневецкій съ своими слугами; Панъ Тарло Хоронжій съ женою; Панъ Подстолій Нѣмоевскій; Паны Андрей и Мартынъ Стадницкіе; Панъ Любомирскій; Панъ Вольскій; Панъ Домарадскій; Панъ Подстолій Львовскій; Панъ Корытко; Панъ Иванъ Комаровскій, Панъ Голуховскій, дворянинъ Его Королевскаго Величества самъ-девятъ; Панъ Заборовскій самъ-шестъ; Панъ Стрызовскій самъ осьмой; Панъ Перхлиньскій; Панъ Шумоньскій; Панъ Матвѣй Осмольскій, Пахоликъ Царицынъ; Панъ Лагевницкій самъ-третій; Панъ Ходерескій; Панъ Храбковскій; Панъ Загурскій; Панъ Овлочимскій; Панъ Красовскій, младшій; Панъ Олловинъ; Панъ Боболя; Панъ Прецлавскій; Панъ Лапа самъ-другъ; Панъ Зверхлиньскій съ братомъ; Паны Янъ и Станиславъ Бучинскіе; Панъ Староста Сохачевскій; Панья Гербуртова вдова; Антоній Беати Италіянецъ; Панъ Дворжьцкій, бывшій при покойникѣ Гетманомъ надъ Поляками. Три роты Жолнеровъ: одна Пана Воеводы, другая Пана Старосты Саноцкаго, третья Царская. Говорили,

что сихъ Жолнеровъ скоро отправятъ за границу во владѣнія Его Королевскаго Величества. 1606

Не излишнимъ считаю упомянуть и о тѣхъ людяхъ, которые пріѣхавъ на свадьбу, были коварнымъ образомъ умерщвлены безчеловѣчными Москвитянами: Ксензъ Плебанъ Самборскій съ братомъ; Самуилъ Балъ самъ-десятъ; Панъ Комаровскій самъ-двадцатъ; Панъ Склиньскій съ 19 чел. Панъ Ясеновскій, Панъ Мышковскій, Панъ Солецкій, Панъ Венсовичъ, Панъ Липицкій, Панъ Крушиньскій самъ-другъ; Панъ Иваницкій самъ-пятъ; Панъ Борза самъ-четвертъ; Панъ Пелчиньскій самъ-четвертъ; музыкантовъ Царицы 17, да раненыхъ 8 человѣкъ; Панъ Пясецкій слуга Князя Вишневецкаго самъ-двадцатъ; Панъ Целярій, купецъ Медіоланскій; два челядинца Пана Жолтаго; слуга Пана Султана; Панъ Марциньковскій, Камеръ-юнкеръ Царицынъ; Панъ Нитовскій, пѣвчій Царицынъ; Панъ Кановскій коморникъ, Панъ Глиньскій коморникъ; 22 челядинца Пановъ Казановскихъ; 56 слугъ Пана Тарла; 37 конюховъ и гайдуковъ Пана Воеводы Сендомирскаго; 3 слуги Пана Бучинскаго; Пахоликъ Пана Пудловскаго; 13 человѣкъ Пана Габріеля органиста; два служителя отцовъ Езуитовъ; изъ роты Пана Воеводы Сендомирскаго 26 Пахоликовъ; у Пана Ратомскаго 10 человѣкъ; у Любомирскаго 3; у Старосты Луховскаго 13 гайдуковъ; у Пана Георгія Стадниц-

1606. каго 3 человѣка; у Ксенза Помаскаго всѣ служители; у Пана Яна Комаровскаго 13 человѣкъ; купцовъ изъ разныхъ городовъ 3; изъ роты Домарадскаго 13 челядинцевъ; изъ Посольской свиты 5. Ганьчикъ Галеръ. Говорю только о тѣхъ, коихъ имена мы могли узнать; погибло сверхъ того много намъ неизвѣстныхъ. Изъ вѣдомостей оказалось, что нашихъ убито до тысячи человѣкъ 7[1]). Въ послѣдствіи трупы были собраны въ одно мѣсто: нѣкоторые изъ нашей свиты ходили смотрѣть ихъ и въ числѣ убитыхъ узнавали своихъ кровныхъ.

30 Мая, во вторникъ, по солнечномъ восходѣ, одинъ Московскій купецъ, сжалившись надъ тѣломъ Димитрія, которое доселѣ лежало на рынкѣ для поруганія и уже было терзаемо собаками, вывезъ оное въ поле и закопалъ. Басманова похоронили родственники у церкви.

31 Мая, по просьбѣ Пословъ и Пана Воеводы Сендомирскаго, не знавшаго объ участи Царицы, перевели ее изъ Царскихъ покоевъ въ квартиру отца вмѣстѣ съ бывшими при ней дамами. Панъ Воевода обходился съ нею не какъ съ своею дочерью, а какъ съ Государынею. Насъ всѣхъ утѣшали скорымъ отпускомъ въ отечество и вознагражденіемъ изъ Царской казны за отнятыя вещи. Мы молили только Бога о скорѣйшемъ возвращеніи на родину и не требовали никакого возмездія.

Іюня 1, въ четвертокъ пріѣхалъ къ Посламъ Окольничій (по нашему Каштелянъ) Михайло Игнатьевичъ Татищевъ: именемъ Бояръ домогаясь списка всѣхъ людей, которые послѣ бунта укрылись на дворѣ Посольскомъ, онъ сказалъ: »Сіи люди останутся здѣсь съ Паномъ Воеводою; а вы, Послы, вскорѣ будете отправлены.« Къ сему присовокупилъ, что въ слѣдующее воскресенье Послы должны быть во дворцѣ у руки новаго Царя и получить отпускъ; а въ воскресенье обѣщалъ намъ дорогу въ Польшу. Но это не сбылось. 1606.

2 Іюня въ пятницу выслали изъ Москвы Жолнеровъ Пана Воеводы и Пана Старосты Саноцкаго съ ротою Домарадскаго; ихъ погнали безъ лошадей, безоружныхъ, почти обнаженныхъ, по слухамъ, въ Литву; но скоро мы узнали, что вышли за предѣлы только до 600 человѣкъ; а прочіе задержаны.

Іюня 3 дня Приставы требовали отъ Пословъ выдачи тѣхъ людей, кои послѣ мятежа пришли на Посольскій дворъ, для размѣщенія ихъ по прежнимъ квартирамъ, гдѣ обѣщано было давать имъ съѣстные припасы и производить жалованье деньгами. Паны, искавшіе защиты въ Посольскомъ дворѣ, опасаясь неволи и скуднаго содержанія, убѣждали Пословъ не соглащаться на требованіе Приставовъ и желали лучше довольствоваться остатками малой По-

1606. сольской трапезы, чѣмъ получать отъ Русскихъ обильный столъ и обѣщанное жалованье. Одинъ только Панъ Тарло младшій Старостичь Сохачевскій рѣшился итти съ Приставами; его отправили къ дядѣ, Хорунжему, и тамъ дали ему на платье 200 рублей, что равняется 666 злотымъ и 20 грошамъ. Старшему Тарлу, какъ видно, также много дали.

5 Іюня въ понедѣльникъ, Панъ Староста Велижскій, съ вѣдома Царя, ѣздилъ въ крѣпость къ родному брату его Дмитрію Ивановичу, для переговоровъ объ отпускѣ Пословъ и освобожденіи всѣхъ Поляковъ. Князь Шуйскій обѣщалъ донести его слова Государю.

6 Іюня во вторникъ, оба Посла были во дворцѣ. Насъ ввели въ тѣ палаты, гдѣ обыкновенно Бояре ведутъ съ Послами переговоры. Тутъ мы застали Князя Ѳедора Мстиславскаго, Князей Дмитрія и Ивана Шуйскихъ, Василія Трубецкаго, Ивана Никитича Романова, трехъ Князей Голицыныхъ, Михайла Нагаго, Михайла Татищева и нѣсколько другихъ. Послы сѣли съ Думными Боярами; а мы вышли въ другую сосѣдственную залу, гдѣ было очень много Боярскихъ Дѣтей. Мы сѣли и разговаривали съ ними до самаго окончанія Посольскихъ переговоровъ. Во всемъ сдѣлалась великая перемѣна: всѣ были печальны какъ на похоронахъ; вся прежняя пышность изчезла; не видно было ни драбан-

товъ, ни Стрѣльцовъ, ни множества стройныхъ 1606.
людей въ великолѣпныхъ одеждахъ.

Когда Послы заняли свои мѣста, Князь Мстиславскій прочиталъ имъ слѣдующую бумагу: »Въ недавнемъ времени, какъ намъ и вамъ »извѣстно, по смерти блаженной памяти Царя »Іоанна Васильевича нашего Государя, остались »два сына: одинъ, Царь Ѳеодоръ, Государь на»божный, благочестивый, боголюбивый, счаст»ливо и спокойно царствовалъ надъ нами, во »всякомъ изобиліи и благоденствіи; другой, Ца»ревичъ Димитрій Іоанновичъ, въ младенчествѣ »получилъ себѣ въ удѣлъ Угличъ съ городами »и волостями. Въ послѣдствіи, по Божіему изво»ленію и гнѣву, Царевича не стало: его умерт»вилъ съ злымъ умысломъ Царь Борисъ, быв»шій Правителемъ Государства при Царѣ Ѳео»дорѣ, по смерти коего самъ вступилъ на пре»столъ. Къ сему Борису Сигизмундъ, Король »вашъ, присылалъ Великаго Посла своего Пана »Льва Сапѣгу, Канцлера Великаго Княжества »Литовскаго съ товарищемъ, и чрезъ нихъ за»ключилъ съ нами двадцатилѣтній миръ, утвер»дивъ оный присягою съ обѣихъ сторонъ. На»конецъ по навожденію бѣсовскому, Гришка »Отрепьевъ, чернецъ, дьяконъ, воръ, за черно»книжство осужденный Отцемъ отцовъ вездѣ»сущимъ на достойную казнь, бѣжалъ въ Коро»левство Польское, назвался тамъ именемъ Ца-

1606. »ревича Димитрія Іоанновича и представился »Сигизмунду Королю вашему. Мы, Думные Боя»ре, услышавъ, что сей воръ находится въ Лит»вѣ посылали съ письмомъ къ Сенаторамъ род»наго по отцѣ дядю сего вора, нашего Отрепье»ва, для уличенія его предъ вашими Сенаторами »въ обманѣ и подлогѣ. Кромѣ сего Патріархъ и »Епископы наши писали о томъ же къ вашимъ »Архіепископамъ и Епископамъ. Но Сигизмундъ »Король вашъ и Паны Рады его, не уважая се»го извѣстія, забывъ утвержденныя присягою »условія, коими постановлено не помогать ни ка»кому непріятелю ни деньгами, ни людьми до »опредѣленнаго трактатомъ срока, поддержали »сего вора людьми, деньгами, и послали Пана »Юрія Мнишка, Воеводу Сендомирскаго, съ мно»гочисленнымъ войскомъ прямо въ предѣлы Мо»сковскаго Государства. Когда же воръ съ людь»ми Короля Польскаго пришелъ въ Сѣверскую »землю, неразумная чернь сдала ему многіе го»рода, связавъ своихъ Воеводъ. Наконецъ по из»воленію Божію, Борисъ умеръ; воръ же, при »помощи Короля и народа вашего, овладѣвъ Мо»сковскимъ престоломъ, хотѣлъ всѣхъ насъ по»губить и вѣру Христіанскую уничтожить. При»шедшіе съ Воеводою Сендомирскимъ Жолнеры »дѣлали нашимъ всякія обиды, даже отнимали »женъ у мужей. Великая Царица, мать истин»наго Царевича Димитрія, хотя сначала отъ

»страха признала Самозванца своимъ сыномъ, 1606.
»но послѣ объявила намъ, что онъ воръ, и мы, »не желая повиноваться вору, убили его. Чернь, »раздраженная наглостью Поляковъ, бросилась »на нихъ безъ нашего вѣдома, и слѣдствіемъ »того было великое кровопролитіе. Виною же »всей бѣды Король вашъ и Паны Рады его, »ибо вы нарушили крестное цѣлованіе и мир»ное постановленіе. Наконецъ съ согласія всѣхъ »чиновъ Духовныхъ, Бояръ, Дворянъ и всего на»рода, избранный Царемъ Князь Василій Ивано»вичъ Шуйскій, какъ Государь милостивый и »мудрый, жалѣя о Христіанскомъ кровопролитіи, »повелѣлъ отправить за границу Московскую »великое число людей вашихъ низшаго званія »со всѣмъ ихъ имуществомъ. Все сіе вамъ По»606 сламъ мы объявляемъ, чтобы вы знали неправ»ду Короля вашего и свои собственныя престу»пленія.«

Выслушавъ сію бумагу, Послы отошли въ сторону посовѣтоваться другъ съ другомъ. Потомъ Староста Велижскій отвѣчалъ пространною рѣчью на Русскомъ языкѣ. Думные Бояре слушали рѣчь Пана Старосты съ великимъ вниманіемъ; по окончаніи же оной долго сидѣли въ молчаніи, посматривая другъ на друга. По видимому они были довольны Посольскимъ отвѣтомъ. Наконецъ Михайло Татищевъ, вставъ съ своего мѣста, подошелъ къ Князьямъ Мсти-

1606. славскому и Шуйскому, занимавшимъ первыя мѣста, переговорилъ съ ними, сѣлъ опять, и прочиталъ Посламъ то же самое, что и Князь Мстиславскій, присовокупивъ сверхъ того: »За »ваши неправды, Богъ караетъ васъ междоусоб»ными раздорами и навѣщаетъ то Ханомъ Та»тарскимъ, то Каролюсомъ. Самъ Сигизмундъ »трепещетъ за жизнь свою среди подданныхъ.« Панъ Староста Велижскій отвѣчалъ ему на сіе слѣдующими словами: »Мы ничего не знаемъ о »домашнихъ раздорахъ, о коихъ вы говорите, и »не вѣримъ вашему извѣстію. Будучи народомъ »вольнымъ, мы привыкли говорить вольно въ »защиту правъ свободы народной: это не льзя »назвать раздоромъ. Хотя же иногда и бываютъ »распри въ нашемъ отечествѣ, неизбѣжное слѣд»ствіе человѣческой слабости; однакожь народъ »Польскій и Литовскій всегда отличался тою »добродѣтелью, что каждый жертвуетъ выгодами »частными пользѣ общей. Если бы даже въ оте»чествѣ нашемъ и были теперь несогласія, какъ »вы говорите, чему впрочемъ мы не вѣримъ, »получивъ совсѣмъ противныя свѣдѣнія, то при »первомъ появленіи врага внѣшняго, наши не»медленно примирятся, станутъ грудью за свою »вольность и свободу и немедленно отразятъ не»пріятеля. Слова же ваши, будто бы Его Коро»левское Величество трепещетъ за жизнь свою »среди подданныхъ, для самаго слуха нашего

»отвратительны. Добродѣтельный народъ нашъ 1606.
»всегда умѣлъ хранить вѣрность къ своимъ Го-
»сударямъ и не нарушитъ оной къ нынѣшнему
»Королю своему, Государю благочестивому, му-
»дрому, счастливому. За годъ предъ симъ Тата-
»ринъ ворвался было въ Польскую Украйну; но
»потерявъ два сраженія, покрытый стыдомъ,
»бѣжалъ изъ нашихъ предѣловъ съ великимъ
»урономъ. Уповаемъ на Бога, что сей врагъ все-
»гда будетъ отраженъ и посрамленъ. Татаринъ
»никогда не можетъ ворваться далеко во владѣ-
»нія Королевскія: какъ разбойникъ, онъ напа-
»даетъ иногда на Украйну, и всякій разъ встрѣ-
»чаетъ войска Его Королевскаго Величества. У
»насъ не по вашему: давно ли сей столичный
»градъ былъ сожженъ Татарами? при Іоаннѣ
»Васильевичѣ! А при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ подъ
»стѣнами Москвы они грабили васъ, опустошали
»ваше Государство, и только великими дарами
»Борисъ удержалъ ихъ стремленіе. Не кричите
»и теперь; не было бы вамъ хуже, чѣмъ кому
»либо другому, чего вамъ, какъ братьямъ, мы
»не желаемъ. Вы напомнили о Каролюсѣ: въ ви-
»дѣ разбойника, онъ нападаетъ съ моря на Лиф-
»ляндію; но лишь только появится войско Ко-
»ролевское, онъ всякій разъ уходитъ назадъ, въ
»море. Всегда вступая въ бой съ малочисленны-
»ми отрядами нашими, онъ проигрывалъ сраже-
»нія и былъ разбиваемъ на-голову, о чемъ и

1606. »сами вы, какъ сосѣди, хорошо знаете. Весьма »удивительно намъ, что себя вы возносите до »небесъ, а насъ ставите ниже земли. Не безполезно вамъ вспомнить, съ какою надмѣнностію »Аѳанасій говорилъ отъ Бориса Посламъ Его »Королевскаго Величества и какъ скромно отвѣчалъ ему Панъ Канцлеръ Литовскій. Что же »стало съ гордымъ Борисомъ? Вы сами знаете. »Его Королевское Величество, Государь богобоязненный, отечески и счастливо царствующій »надъ нами, доселѣ здравствуетъ въ своихъ владѣніяхъ. Если бы вы и на дѣлѣ и на словахъ, »поступали съ нами какъ братья, мы не услышали бы отъ васъ никакихъ угрозъ. Но вамъ »извѣстно, что мы уличать васъ въ недостаткахъ не хотимъ, а угрозъ вашихъ не боимся.«

Бояре съ своей стороны негодовали на Татищева, подавшаго поводъ къ такому спору. Послѣ чего Князь Мстиславскій, Князья Шуйскіе и самъ Татищевъ, гораздо ласковѣе стали бесѣдовать съ Послами, и говорили: »Всему грѣхи наши виною. Воръ обманулъ и насъ и васъ.« Потомъ указавъ на роднаго брата Царицы, Нагаго, коего Димитрій называлъ своимъ дядею, сказали: »Спросите его сами: и онъ вамъ скажетъ, »что истинный Димитрій нашъ погребенъ былъ »въ Угличѣ. Тѣло его, привезенное сюда Патріархомъ *Ѳеодоромъ Никитичемъ* и Епископами, »будетъ положено вмѣстѣ съ прахомъ его пред-

»ковъ. Ваши слова объ отпускѣ васъ и всѣхъ 1606.
»Поляковъ, равнымъ образомъ и нынѣшніе разговоры мы донесемъ великому Государю нашему. Когда получимъ отъ васъ бумагу и узнаемъ »волю Государя, дадимъ вамъ отвѣтъ.« Сказавъ сіе, Бояре ласково простились и разошлись. Послы отправились на квартиру. Прощаясь съ Боярами, они просили всѣхъ ихъ о дозволеніи увидѣться съ Паномъ Воеводою Сендомирскимъ и навѣстить дочь его Царицу: но получили рѣшительный отказъ. Когда мы проѣзжали мимо двора Воеводы Сендомирскаго, всѣ бывшія тамъ особы смотрѣли на насъ изъ оконъ; говорить же съ нами не могли по дальнему разстоянію.

7 Іюня, въ среду, вырыли тѣло покойнаго Димитрія, погребенное въ полѣ, отвезли за городъ на ту дорогу, по которой онъ пріѣхалъ въ Москву, и сожгли. Чтобы лучше горѣло, поливали оное смолою. »И огонь его не беретъ,« говорили Москвитяне. Потомъ, собравъ пепелъ, зарядили пушку и выстрѣлили въ ту сторону, откуда Димитрій прибылъ.

Въ сей же день посылали не малое число Стрѣльцовъ на квартиру Пана Старосты Саноцкаго, противъ Посольскаго дома, забирать конюшенную челядь, слугъ и коморниковъ. Послы, узнавъ объ этомъ, тронутые жалостію, говорили Приставамъ: »Не только у Христіанъ, »но даже у невѣрныхъ, нѣтъ обычая брать силою

1606. »и вязать людей вольныхъ.« Приставы донесли слова сіи Боярамъ, и въ тотъ же день предъ вечеромъ явились въ Посольскій домъ Князь Григорій Петровичъ Ромодановскій Окольничій и Василій Дьякъ. Именемъ всѣхъ Думныхъ Бояръ они сказали: отъ Старосты Саноцкаго взяты люди не для плѣна и неволи, а для отправленія за границу въ Польшу. 9 Іюня, въ пятницу, Посольскіе Приставы, Князь Григорій и Андрей Дьякъ, бывъ назначены Послами къ Его Королевскому Величеству, сдавали свою должность новымъ Приставамъ Князю Ивану Михайловичу Борятинскому и Дьяку Дорофею Брохнѣ.

10 Іюня въ субботу Послы поручили новымъ Приставамъ отдать Думнымъ Боярамъ написанное на Русскомъ языкѣ письмо слѣдующаго содержанія: »Бывъ на дняхъ у Бояръ и »имѣвъ съ ними разговоръ о происшедшемъ за »грѣхи мірскіе кровопролитіи, мы для пользы »обоихъ Государствъ предлагали: отпустить насъ, »Пословъ, немедленно въ отечество, для донесе»нія Его Королевскому Величеству и Рѣчи Пос»политой, какимъ образомъ все несчастіе по грѣ»хамъ нашимъ случилось, какъ Думные Бояре »и военные люди, охраняя насъ, Пословъ, и дру»гихъ подданныхъ Его Величества, прекратили »кровопролитіе. Бояре Думные обѣщали пред»ставить слова наши великому Государю и Ве»ликому Князю всея Россіи Василію Ивановичу,

»скоро дать намъ отвѣтъ, изложить на бумагѣ 1606.
»свои рѣчи и немедленно насъ отправить. Но
»какъ донынѣ насъ не отпустили и назначили
»другихъ Приставовъ, то мы убѣждаемъ Дум-
»ныхъ Бояръ исходатайствовать намъ у великаго
»Государя немедленный отпускъ. Просимъ объ
»этомъ не для себя: мы готовы за Его Королев-
»ское Величество и Рѣчь Посполитую умереть
»на чужбинѣ; просимъ для пользы общей. Без-
»покоясь о долговременной отлучкѣ нашей и
»получая разныя вѣсти, какъ обыкновенно въ
»такихъ случаяхъ бываетъ, Государь нашъ и
»Рѣчь Посполитая могутъ заключить, что Дум-
»ные Бояре побили Пословъ со всею свитою и
»нарушили перемиріе; желаніе мести произведетъ
»неминуемое кровопролитіе съ обѣихъ сторонъ.
»Мы опасаемся, не возгорѣлась ли уже война
»на границѣ: ибо добрые люди желаютъ мира
»и покоя, а злые раздоровъ и кровопролитія;
»тѣ и другіе есть какъ у насъ, такъ и у васъ:
»не одной матери дѣти! Если же для отвращенія
»сего бѣдствія, великій Государь отправитъ безъ
»насъ гонца или Пословъ къ Его Королевскому
»Величеству, мы не ручаемся за ихъ безопас-
»ность: въ Польшѣ много достойныхъ сожалѣнія
»людей, коихъ братья убиты въ Москвѣ; слѣд-
»ствіемъ будетъ неминуемое ужаснѣйшее крово-
»пролитіе. Въ предупрежденіе сего зла, мы По-
»слы, помышляя о благѣ общемъ, предлагаемъ

1606. »свои мѣры: да поступятъ столь же благонамѣ»ренно и Думные Бояре! Но если насъ задер»жатъ и неволя наша причинитъ какое-либо »бѣдствіе: не мы будемъ виновны предъ людьми »и предъ Богомъ. Просимъ сверхъ того, отпу»стить съ нами людей Королевскихъ по крайней »мѣрѣ тѣхъ, которые находятся въ Посольскомъ »домѣ; равнымъ образомъ Пана Тарла съ женою »и Панью Старостину Сохачевскую: ибо здѣсь »сіи особы вовсе безполезны и ничего нѣтъ у »нихъ, кромѣ горькихъ слезъ. Еще просимъ при»слать къ намъ Каплана нашего Ксенза Войцеха, »вмѣсто убитаго Ксенза Помаскаго Каноника и »Секретаря Его Величества: пусть онъ лучше »молится Богу, чѣмъ горюетъ безвинно. Нако»нецъ просимъ дозволенія посылать съ Приста»вами людей нашихъ къ Пану Воеводѣ Сендо»мирскому, къ Пану Тарлу и другимъ поддан»нымъ Его Величества, здѣсь находящимся; про»симъ и о томъ, чтобы у Пановъ не всѣхъ лю»дей отбирали, оставляя нѣкоторыхъ для при»слуги. За годъ предъ симъ, еще при Борисѣ »Ѳеодоровичѣ, св. Отецъ Папа Римскій послалъ »въ Персію двухъ монаховъ Кармелитовъ для »обращенія Магометанъ въ Христіанскую вѣру; »имъ даны были отъ Цесаря Христіанскаго и »отъ Короля Польскаго письма къ Борису о »свободномъ пропускѣ ихъ чрезъ землю Русскую: »въ то время воротили ихъ изъ Невля. Когда же

»Бориса не стало, они опять пріѣхали въ Москву 1606.
»съ Королевскимъ гонцомъ Бандзиловичемъ, съ
»намѣреніемъ вскорѣ отправиться въ Персію.
»Имѣя повелѣніе Его Королевскаго Величества
»развѣдать о сихъ монахахъ, мы узнали отъ Ди-
»митрія, что они отправились въ Персію, но на
»границѣ будутъ ожидать Пословъ Московскихъ,
»назначенныхъ къ Персидскому Шаху. Просимъ
»Думныхъ Бояръ исходатайствовать у великаго
»Государя симъ монахамъ дозволеніе отправиться
»въ Персію съ Московскими Послами. Святый
»отецъ, Папа Римскій, Цесарь Христіанскій, Его
»Королевское Величество и все Христіанство бу-
»дутъ весьма признательны великому Государю,
»Князю Василію Ивановичу. Бандзиловича, быв-
»шаго гонцемъ и Приставомъ при тѣхъ мона-
»хахъ, просимъ отпустить въ Литву. Если же
»нынѣ Московскіе Послы не отправятся въ Пер-
»сію, и по сему случаю монахи не могутъ про-
»должать своего путешествія, просимъ отпустить
»и ихъ въ Литву. Еще просимъ у великаго Го-
»сударя Князя Василія Ивановича милостиваго
»дозволенія взять у дочери Пана Воеводы Сендо-
»мирскаго четырехъ дѣвицъ Декчинскую, Войце-
»ховскую, двухъ Закличанокъ и Панью Разводов-
»скую съ дочерью: мы намѣрены отвезти ихъ
»съ собою въ Польшу.«

Іюня 11 дня въ воскресенье, Василій Ивановичъ былъ коронованъ. Приставы пришли къ

1606. Посламъ предъ вечеромъ. Посидѣвъ нѣсколько, Князь Борятинскій сказалъ: »Не сердитесь, что »мы не были у васъ сего дня: мы весь день »провели во дворцѣ.« Потомъ всталъ, снялъ шапку и проговорилъ: »Праведнымъ судомъ и не»исповѣдимою милостію Бога Херувимовъ и Се»рафимовъ, въ Троицѣ славимаго и покланяе»маго, пресвѣтлый и милостивый Государь нашъ »Князь Василій Ивановичъ, всея Россіи Самодер»жецъ, короновалъ себя короною Царскою. Все »Царство Русское торжествуетъ; мы всѣ радуем»ся. Вы, безъ сомнѣнія, раздѣлите нашу радость. »Думные Бояре, бывъ цѣлый день заняты, не »успѣли дать отвѣта на письмо ваше.« »Радуем»ся и мы вмѣстѣ съ вами, сказалъ Панъ Ста»роста Велижскій, въ надеждѣ, что скоро послѣ »коронаціи вашего Государя мы отправимся въ »Польшу. Не винимъ Думныхъ Бояръ за молча»ніе о письмѣ нашемъ: мы видимъ, что они »озабочены другимъ дѣломъ; однако просимъ »поспѣшить отвѣтомъ и отпускомъ насъ въ оте»чество.«

Москвитяне, всегда хитрые и лукавые, употребили и въ семъ дѣлѣ слѣдующее коварство: стараясь убѣдить народъ, что недавно убитый Государь не былъ потомокъ Московскихъ Князей, достали отрока, моложе 10 лѣтъ, именно Ромашку, Стрѣлецкаго сына, какъ мы послѣ о томъ узнали отъ самихъ Русскихъ; заплатили

отцу хорошую сумму и убивъ сего отрока, положили его въ Угличѣ на мѣсто Царевича Димитрія, похороненнаго тамъ по старанію Годунова. Потомъ распустили въ народѣ молву, что при тѣлѣ Димитрія бываютъ чудеса. Чернь знала только о убіенномъ Царевичѣ, не вѣдая ничего о подлогѣ. Вырыли трупъ; Духовныя особы, подкупленныя, внушили народу, что Богъ принялъ въ число святыхъ невинно убіеннаго Царевича; что тѣло его такъ свѣжо, какъ будто недавно остыло, хотя уже болѣе 16 лѣтъ протекло со времени смерти его, что самый гробъ ни мало не повредился. Между тѣмъ многіе подговоренные плуты, притворяясь больными, съ обѣтами, въ разслабленномъ видѣ приходили къ святому, и отходили здоровыми. Простаки вѣрили и считали Царевича св. Угодникомъ. Когда мнѣніе сіе утвердилось, привезли тѣло изъ Углича въ Москву и 11 Іюня во вторникъ поставили въ церкви св. Михаила Архангела, гдѣ погребаются Московскіе Государи. Въ продолженіе двухъ недѣль непрестанно звонили въ колокола, и когда мы спрашивали, для чего звонятъ, Приставы отвѣчали: въ честь угодника, увѣряя, что онъ многихъ исцѣлилъ. Мы не вѣрили разсказамъ ихъ, ибо знали обманъ. Наконецъ перестали и звонить; никто уже не упоминалъ о святомъ; чудеса прекратились и грубый, жестокій обманъ Москвитянъ обнаружил-

1606.

1606. ся 7[2]). При ввозѣ тѣла въ Москву, старая Царица, супруга Іоанна Васильевича тирана, выходила на встрѣчу и принуждена была сказать, что убіенный есть родной сынъ ея. Но вѣрно сердце не было согласно съ устами.

Іюня 15 дня въ четвертокъ предъ обѣдомъ, пріѣхали къ Посламъ Михайло Татищевъ и Дьякъ Василій Телепневъ, подъ предлогомъ объявить Боярскій отвѣтъ на письмо Пословъ. Татищевъ, по прежнему обвиняя Государя нашего и Рѣчь Посполитую, показалъ 1) копію съ договора, заключеннаго покойнымъ Царемъ съ Паномъ Воеводою Сендомирскимъ: въ слѣдствіе онаго Панъ Воевода отдаетъ свою дочь въ замужство за Димитрія, а Царь обязуется уплатить ему денежную сумму, за женою же утвердить великій Новгородъ и Псковъ; 2) Королевское письмо къ Димитрію вскорѣ по вступленіи его на престолъ: въ семъ письмѣ сказано, что Царь сѣлъ на Московскій престолъ по волѣ Божіей, при помощи Короля и народа Польскаго. 3) Письма св. отца, Ксенза Легата и Ксенза Кардинала. Всѣ они убѣждали Димитрія выстроить въ Москвѣ костелы, и во исполненіе клятвеннаго обязательства, распространить въ Россіи Католическую вѣру 7[3]). Татищевъ говорилъ, что есть въ Москвѣ много и другихъ подобныхъ писемъ, что съ ними Царь отправляетъ къ Королю и Сенаторамъ Коронным и Литов-

скимъ прежнихъ Посольскихъ Приставовъ Григорія Константиновича Волконскаго и Дьяка Андрея Ивановича, что Послы со всѣми находящимися въ Россіи Поляками должны оставаться въ Москвѣ до возвращенія сихъ Пословъ съ отвѣтомъ Королевскимъ, что прежде ихъ не выпустятъ и что такъ велѣли сказать Думные Бояре. 1606.

Заплативъ за грубыя слова Татищева тою же монетою и доказавъ, сколь несправедливо обвинять Его Величество и Рѣчь Посполитую, Панъ Малогоскій обратился къ условію, заключенному Паномъ Воеводою съ покойнымъ Царемъ, и сказалъ: »Вы болѣе себя стыдите, нежели намъ вредите. Панъ Воевода Сендомирскій, увѣренный вашими же единоземцами въ »Царскомъ родѣ Димитрія, рѣшился отдать за »него свою дочь и старался устроить сіе дѣло »какъ можно лучше. Удивительно ли, что онъ »заключилъ такія условія? Вы сами тому виною. Когда Панъ Воевода пріѣхалъ сюда, и Димитрій совѣтовался со всѣми вами Боярами, »какое назначить содержаніе Царицѣ въ случаѣ »смерти его, вы сами опредѣлили дать ей Новгородъ и Псковъ, согласились признать ее своею законною Государынею, и еще до коронаціи, всѣ вы, знатнѣйшіе Бояре, присягнули ей »на вѣрность подданства. Что же касается до »писемъ св. Отца, Ксенза Легата и Ксенза Кар-

1606. »дипала, то и тутъ нечему удивляться: это не »новость. Всегда, при заключеніи договоровъ на »вѣчный миръ между нашимъ и вашимъ наро»домъ, въ числѣ прочихъ условій помѣщаема »была статья о правѣ Русскихъ служить въ »Польшѣ и Литвѣ, вступать тамъ въ бракъ, »пріобрѣтать недвижимыя имѣнія, строить въ »оныхъ церкви и свободно исполнять всѣ обря»ды своей вѣры; равнымъ образомъ и Поляки, »служившіе въ Россіи, могли наживать маетно»сти, строить въ оныхъ и въ главныхъ Русскихъ »городахъ Римскіе костелы, и отправлять бого»служеніе по своему обряду. Св. Отецъ Папа »Римскій, какъ намѣстникъ св. Апостола Петра, »заботясь о благѣ всего Христіанства, о вѣчномъ »согласіи Россіи съ Польшею, о славѣ Христіан»ской вѣры, о паденіи язычества, желалъ вклю»чить вышеозначенное условіе въ трактатъ о »вѣчномъ мирѣ. Искалъ же онъ не своей выго»ды, а пользы всего Христіанства; за что вы »должны не гнѣваться на св. Отца, а благодарить »его. Касательно же писемъ Его Королевскаго »Величества, въ коихъ сказано, что бывшій Го»сударь вашъ достигъ престола по милости Бо»жіей, при помощи Его Королевскаго Величе»ства; то вы сами чрезъ гонца своего Аѳанасія »Власьева и другихъ своихъ Посланниковъ при»писывали Королю участіе въ семъ дѣлѣ и бла»годарили его за такое одолженіе. Король не раз-

»судилъ спорить о семъ и все предоставилъ въ 1606.
»вашу волю: что признано однажды выгоднымъ,
»то негодится въ другой разъ осуждать тѣми же
»устами. Стыдно, Михайло! противорѣчить са-
»мимъ себѣ. Все дѣло шло по волѣ и желанію
»Думныхъ Бояръ. Вы Русскіе сами начали оное,
»сами и кончили. Вы не имѣете никакого пово-
»да насъ Пословъ Его Королевскаго Величества
»задерживать: это значитъ плѣнъ, а сего не бы-
»ваетъ не только въ Христіанскихъ, но и въ
»языческихъ Государствахъ.« Въ продолженіе
сихъ разговоровъ, Татищевъ сказалъ Посламъ:
мы получили извѣстіе, что въ Польшѣ и Литвѣ
происходятъ великіе раздоры между Сенатомъ
и народомъ, что Царь Крымскій съ многочи-
сленнымъ войскомъ вторгнулся въ Королевскія
владѣнія, что самъ Король выступилъ про-
тивъ него въ походъ, и что война идетъ и въ
Лифляндіи.« Послы отвѣчали на сіе, какъ слѣдо-
вало. Послѣ того Татищевъ уѣхалъ. По отъѣздѣ
Татищева, мы предались горести, услышавъ, что
всѣхъ насъ задерживаютъ, какъ плѣнниковъ. По-
ложеніе наше было ужасно; самые невольники
наслаждаются у насъ большею свободою. Не
только не выпускали насъ изъ двора въ поле
на чистый воздухъ, но и выглядывать на улицу
запрещали. Дворъ былъ тѣсенъ; народу въ немъ
множество; при небольшомъ дождѣ, мы бродили
по колѣна въ грязи, переходя отъ одной избы

1606. къ другой. Стрѣльцы, окружая наше жилище, стерегли день и ночь, чтобы никто не выходилъ изъ онаго; посему намъ не льзя было видѣться съ нашими братьями, стоявшими на другихъ квартирахъ. Болѣе всѣхъ по видимому грустилъ Панъ Малогоскій: онъ упалъ въ обморокъ, по выходѣ Татищева. Каждый изъ насъ, не исключая ни одного, имѣлъ справедливую причину печалиться: отправляясь въ Москву на короткое время, мы покинули въ отечествѣ всѣ дѣла свои, разлучились съ забавами, и увидѣли себя заключенными въ ужасную неволю, окруженными тревогами и опасностями. А что всего горестнѣе: болѣе полугода мы не знали, что дѣлается въ нашемъ отечествѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1). Польская рукопись имѣетъ такое заглавіе: Rzeczy Polskich w Moskwie za Dimitra Opisanie przez jednego tam obecnego roku 1605 do roku 1609. *Описаніе дѣлъ Польскихъ въ Москвѣ при Димитріи, съ 1605 года по 1609, составленное очевидцемъ.*

2). Товянскій называетъ его Нѣмцемъ.

3). И будто не узнали подложнаго Царевича? Странная недогадливость! Вообще сказка сія не заслуживаетъ никакого вѣроятія. Одно замѣчаніе ее опровергаетъ: Самозванецъ увѣрилъ Поляковъ, что его спасъ Докторъ Семенъ, о чемъ писалъ и къ Борису (см. życia Sapiehow, prz. Kognowickiego, 1791, Tom. II, 82); но въ Угличѣ такого Доктора при Царевичѣ не было: иначе его не оставили бы безъ допроса при слѣдствіи о смерти Димитрія, и имя его было бы упомянуто хотя мимоходомъ въ Слѣдственномъ актѣ, гдѣ находимъ всѣ лица, окружавшія Царевича, кромѣ одного Семена.

4). Наши Лѣтописи называютъ сіе мѣстечко Брагинъ: оно находится на рѣкѣ Брагинкѣ въ Минской губерніи.

5). Князь Константинъ Вишневецкій (правильнѣе Висніовецкій), Воевода Русскій, былъ женатъ на сестрѣ Марининой Урсулѣ. См. *Пѣсецкаго Karona Polska*, IV. 550. Въ первомъ томѣ *Сказ. соврем. о Дим. Самозв.* читатель найдетъ подробныя извѣстія о томъ, какъ открылся Лжедимитрій Вишневецкому.

6). Въ дневной запискѣ Воеводы Сендомирскаго отмѣчено, что 31 Декабря 1604 года дѣйствительно было сраженіе съ войскомъ Борисовымъ, которое потеряло въ сей битвѣ 4.000 человѣкъ. См. 2 часть *Сказ. соврем. о Дим. Самозв. стр. 187.*

7). Изъ вышеозначенной дневной записки видно, что Путивль, Рыльскъ и Кромы покорились Лжедимитрію прежде сраженія 31 Декабря.

8). Воевода Сендомирскій долженъ былъ возвратиться въ Польшу въ слѣдствіе повелѣнія Королевскаго, по настоянію Бориса. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили въ Москвѣ Польскіе Послы нашимъ Боярамъ. См. выше Дневникъ ихъ.

9). Сочинитель говоритъ о Добрынской битвѣ. См. подробное извѣстіе объ оной у Бера и Маржерета. (Сказ. совр. о Дим. Сам.

часть I. 47; III. 80). Первый приписываетъ побѣду иноземной дружинѣ Борисовой, а второй, очевидецъ, мужеству Русской пѣхоты.

10). Правильнѣе изъ подъ Кромъ.

11). По свидѣтельству современниковъ, самыхъ друзей Лжедимитрія, юный Өедоръ Борисовичъ и мать его убиты по приказанію Самозванца.

12). Т. е. болѣе трехъ пудъ. Количество невѣроятное!

13). Мѣстечко въ Краковскомъ Воеводствѣ, достопамятное побѣдою Замойскаго надъ Эрцгерцогомъ Максиміліаномъ.

14). Изъ подлиннаго письма Лжедимитріева, хранящагося въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, видно, что съ Бучинскимъ отправлено Воеводѣ 200.000 злотыхъ. См. *Собр. Госуд. грам. и договор.* II. 227. Вмѣстѣ съ подарками и деньгами, Самозванецъ далъ Бучинскому любопытный наказъ, напечатанный нами въ примѣчаніяхъ къ Беровой лѣтописи. См. *Сказ. совр. о Дим. Сам.* I, стр. 260.

15). Въ Архивѣ Иностранной Коллегіи сохранился списокъ съ письма Самозванцева

къ Сигизмунду III. Оно любопытно по формѣ и содержанію. «Мы пресвѣтлѣйшій и непобѣдимѣйшій Монархъ Димитрій Іоанновичъ, «Божіею милостію *Императоръ* и Великій «Князь всея Россіи и всѣхъ Татарскихъ «царствъ и иныхъ многихъ Московской монархіи покоренныхъ областей Государь и «Царь.

«Наяснѣйшему Государю Сигизмунду, Божіею милостію Королю Польскому, Великому Князю Литовскому, Русскому, Прусскому, Мазовецкому, Жмудскому и проч. и проч. «Шведскому, Готоскому и Вандальскому наслѣдному Королю,

«Здравія и братской любви желаемъ.

«Наяснѣйшій Государь!

«Увѣдомились мы, что Наяснѣйшество Ваше «Сеймъ генеральный своего королевства къ «будущему великому посту имѣть изволить. «Чего мы такъ съ великимъ желаніемъ до сего «времени по многимъ и важнымъ причинамъ «ожидали, что безъ всякаго замедленія, не дождався о семъ дѣлѣ извѣстія отъ Наяснѣйшества Вашего, скоро на тотъ Сеймъ отправить опредѣлили Пословъ нашихъ: Сіятельнаго и почтеннаго Князя Василья Михайловича Мосальскаго, Боярина и верховнаго Государства нашего Маршала, Правителя Сѣверскаго и Воеводу нижняго Новагорода, почтеннаго Михайла Игнатьевича

«Татищева, Окольничего нашего, Можайскаго «Воеводу, также почтенныхъ Василья Ивановова и Андрея Иванова Думныхъ Дьяковъ «нашихъ, что для великихъ дѣлъ не токмо «обоимъ намъ и государствамъ нашимъ, но и «всему вообще Христіанству полезно и потребно быть имѣетъ. Того ради просимъ, «дабы Наяснѣйшество Ваше листъ благонадежности по обычаю какъ наискорѣе учинить «и прислать приказали. Впрочемъ желаемъ «Наяснѣйшеству Вашему долговременно и счастливо государствовать и благопріятнѣйшій имѣть успѣхъ въ Вашихъ желаніяхъ. «Дана въ царствующемъ градѣ нашемъ Москвѣ, лѣта Господня 1605, Декабря 16 дня, «государствованія же нашего перваго. *(Собр. «Госуд. Грам. II. 234)*.

16). Склиньскій привезъ слѣдующее письмо Самозванца къ Воеводѣ Сендомирскому:

«Мы пресвѣтлѣйшій и непобѣдимѣйшій «Монархъ Димитрій Іоанновичъ, Божіею милостію Императоръ и Великій Князь всея «Россіи и всѣхъ Татарскихъ царствъ и иныхъ «многихъ Государствъ, Московской монархіи «подвластныхъ, Государь и Царь.

«Желали бы мы, дабы милость ваша «съ Государынею Цесаревою, супругою нашею, по требованію нашему, и обѣщанію «своему, въ сей мясопустъ къ намъ прибыть

«могли: понеже мы о многихъ причинахъ из-
«вѣстіе вамъ учинить хотѣли. Того ради
«нынѣ желаемъ и напоминаемъ, дабы милость
«ваша какъ наискорѣе къ намъ поспѣшалъ,
«вѣдая, что скорѣйшее прибытіе ваше весьма
«пріятно намъ будетъ и на самое время къ
«намъ пріѣзжать потребно: ибо потомъ уме-
«длъ, опасный къ намъ пріѣздъ вашъ будетъ;
«и ежели Смоленскъ прежде Пасхи миновать
«изволите, то легко усмотрите. Пріятно же
«намъ сіе, что милость ваша къ намъ пишетъ
«о удержаніи своемъ въ пути недалече отъ
«Москвы чрезъ весь постъ, и заблагоразсу-
«дили мы, дабы вы въ Борисовѣ, въ сторону
«отъ Можайска за 18 миль отъ Москвы удер-
«жаться изволили, гдѣ и дворъ для васъ и
«для Государыни Цесаревы и пріятелей при-
«готовленъ будетъ. И о семъ чрезъ сего жъ
«урожденнаго Михаила Склинскаго въ скоро-
«сти намъ извѣстіе учинить не оставь, ко-
«торому мы немедленно назадъ возвращаться
«повелѣли. Король къ намъ пишетъ, что
«остальнаго долга по писанію нашему вамъ
«ожидать будетъ, который мы безъ отлага-
«тельства изъ Смоленска послать приказали;
«такожъ и вамъ на проѣздъ нѣсколько десят-
«ковъ тысячъ послано, и уповаемъ, что при-
«бытіе ваше къ намъ безъ затрудненія бу-
«детъ. Впрочемъ желаемъ вашей милости
«добраго здравія. Дана въ Москвѣ 28 Февраля,

«1606 года, государствованія же нашего пер-
«ваго. Димитрій другъ и сынъ. *(Собр. Госу.
«Грам. II. 277).*

17) Казановскій вручилъ Мнишку такое письмо: »Мы пресвѣтлѣйшій и непобѣдимѣй-«шій Монархъ Димитрій Іоанновичъ, Божіею «милостію Императоръ и великій Князь всея «Россіи и всѣхъ Татарскихъ царствъ и иныхъ «многихъ Государствъ Московской Монархіи «подвластныхъ, Государь и Царь. Весьма об-«радовались мы, получивъ извѣстіе о выѣздѣ «и поспѣшеніи вашемъ къ намъ инымъ пу-«темъ, нежели какъ мы предъ симъ, по рос-«писанію вашему, чаяли. Чего мы давно уже «желали, такъ и нынѣ Господа Бога молимъ, «да въ предпріятомъ ономъ пути даруетъ «вамъ вожделѣнное здравіе и поспѣшеніе, съ «Ея Величествомъ Цесаревою, супругою на-«шею, какъ наискорѣе къ намъ прибыть. Но «съ другой стороны опечалило насъ письмо «ваше, въ коемъ вы сомнѣваетесь о нашей «къ вамъ благосклонности, и по видимому «имѣете намѣреніе возвратиться съ дороги, «не препроводя къ намъ свѣтлѣйшей дщери «вашей; мы, поелику сіе было бы къ вѣчному «нашему безславію и удивленію цѣлаго свѣта, «желаемъ, дабы вы сего не дѣлали. И хотя «мы съ нѣкоторою досадою чрезъ Денбицкаго «и Склинскаго писали къ вамъ; однако Богъ

«тому свидѣтель, любезнѣйшій мой родитель, «что сіе происходило не отъ злаго сердца, «но отъ одной скуки, и по любви къ вашей «дочери и дому вашему. Въ слѣдствіе сего, «мы отправили къ вамъ съ поспѣшностію «урожденнаго Сигизмунда Казановскаго, ком-«натнаго нашего служителя, дабы онъ, какъ «можно скорѣе, съ вами встрѣтившись, увѣ-«рилъ васъ о радости нашей и нетерпѣли-«вомъ ожиданіи прибытія вашего. А и въ са-«момъ дѣлѣ, получивъ радостное извѣстіе, за-«были мы совершенно то огорченіе, которое «происходило единственно отъ нескораго ва-«шего выѣзда; и вамъ ничего инаго не остает-«ся теперь ожидать отъ насъ, какъ токмо «признательной благодарности, радости, по-«читанія и награжденія за прежнія и тепе-«решнія издержки и труды ваши. За симъ «желаемъ въ вожделѣнномъ здравіи васъ ви-«дѣть. Писано въ царствующемъ нашемъ «градѣ Москвѣ 18 Марта 1606 года, государ-«ствованія же нашего перваго года. Димитрій «другъ и сынъ.» (*Собр. Гос. Грам. II. 282*).

18). Изъ Минска Юрій Мнишекъ писалъ къ зятю: «Пресвѣтлѣйшій, милостивый Царь! «Поручаю себя милостямъ Вашего Царскаго «Величества. Господинъ Аѳанасій, писалъ В. «Ц. В. отправляя къ вамъ дворянина Ѳедора «Шушерина, уповаю, пишетъ къ В. Ц. В.

«что онъ крѣпко настоитъ, дабы мы къ вамъ «какъ наискорѣе поспѣшали; но и мы жалуемся В. Ц. В. на него, понуждающаго насъ «перелетѣть къ вамъ, не смотря, что сіе и «для женскаго пола несносно и для меня, въ «разсужденіи не малой моей болѣзни, тягостно. Но какъ бы то ни было, не щадя и здо«ровья, станемъ поспѣшать, и я, не заботясь «о леченіи моемъ, хотя лежа на возу, пріѣхать къ вамъ желаю.

«Отдано мнѣ отъ В. Ц. В. 13.524 тале«ра, да 5.204 рубля, которые тотчасъ посы«лаю въ Польшу, для оплаты самонужнѣй«шихъ долговъ. Приношу благодарность В. «Ц. В. милостивому моему Государю за одол«женіе меня сими деньгами. Безпокоитъ меня «только то, что Его В. Король усильно «требуетъ отъ меня своихъ денегъ, а изъ «оныхъ ему послать не могъ. Испытавъ В. «Ц. В. ко мнѣ милость, не осмѣливаюсь о «томъ васъ утруждать. Впрочемъ паки по«ручаю себя въ милость В. Ц. В. милости«ваго моего Государя. Писано въ Минскѣ, «4 Апрѣля 1606. Вашего Царскаго Величества, «милостиваго моего Государя доброжелатель«ный отецъ Юрій Мнишекъ Воевода Сендо«мирскій.» (*Собр. Госуд. Грам. II. 284*).

19). Для встрѣчи Марины, Самозванецъ отправилъ на границу: Михаила Александро-

вича Нагова, намѣстника Велико-Пермскаго и Костромскаго, Князя Василья Михайловича Мосальскаго Дворецкаго, *Великаго Губернатора* Сѣверской земли и намѣстника Нижегородскаго; для привѣтствія же Воеводы Сендомирскаго, посланъ былъ Думный Дворянинъ Андрей Матвѣевичъ Воейковъ. (*Собр. Госуд. Грам. II. 254*).

20). Братъ Воеводы Сендомирскаго.

21). Князь Константинъ Вишневецкій зять Воеводы Сендомирскаго, женатый на сестрѣ Марининой Урсулѣ.

22). Янъ Мнишекъ Староста Саноцкій былъ сынъ Воеводы Сендомирскаго, родной братъ Марины, а Староста Луховскій, Павелъ Мнишекъ, племянникъ его.

23). Сигизмундъ Тарло, Хоронжій Перемышльскій, въ послѣдствіи Каштелянъ Сандецкій, имѣлъ супругою Варвару, дочь Каштеляна Сендомирскаго. При убіеніи Поляковъ въ Москвѣ, она спасла мужа своего отъ смерти, обративъ на себя всю ярость озлобленнаго народа. См. Нѣсецкаго Karona Polska, IV. стр. 309.

24). Мартинъ Стадницкій, Староста Саноцкій и братъ его Георгій Стадницкій были

извѣстны въ Польшѣ ревностью къ Католицизму.

25). Сынъ Подкоморія Саноцкаго Станислава Бала.

26). Станиславъ Нѣмоевскій, Подстолій Коронный, въ послѣдствіи Староста Осѣцкій и Рогозинскій, славился въ свое время умомъ, мужествомъ и любезностію нрава.

27). Франицискъ Помаскій, Каноникъ Плоцкій, и братъ его Станиславъ, Подкоморій, убиты въ Москвѣ.

28). Фамилія Вольскихъ имѣла свои помѣстья въ Сендомирскомъ Воеводствѣ.

29). Вѣроятно нынѣшняя деревня Лубня.

30). Z panami przyiaciołmi. Подъ симъ словомъ разумѣются всѣ родственники Мнишка и Паны, находившіеся въ свитѣ его.

31). W Czarowie: должно быть въ Царевѣ-Займищѣ.

32). Нынѣ и слѣдовъ сего дворца не осталось. Но церковь, построенная Борисомъ Годуновымъ, уцѣлѣла.

33). См. сію рѣчь въ запискахъ Паерле во 2 части *Сказ. совр. о Дим. Сам. стр. 10-13.*

34). Вѣроятно Лопарей.

35). Онъ былъ *Каштеляномъ* Малогоскимъ (въ послѣдствіи Радомскимъ). Фамилія же его — Олесницкій.

36). Ни тотъ, ни другой: на дочери Витовта, Софіи, женатъ былъ пращуръ Димитрія, Великій Князь Василій Димитріевичъ.

37). Елена Глинская была не супругою, а матерью Іоанна Грознаго.

38). По тогдашнимъ понятіямъ, Турція причислялась къ странамъ полночнымъ. Слѣдовательно Стадницкій желалъ Димитрію побѣдъ на Югѣ и славы на Западѣ.

39). Въ Дневникѣ Пословъ Польскихъ описаны подробно дальнѣйшіе переговоры.

40). Надобно полагать, что сіи слова были обращены къ Царю.

41). Жена Пана Тарла, Хоронжаго Перемышльскаго.

42). Праздникъ Католическій, установленный Папою Урбаномъ IV.

43). Въ подлинникѣ Tuczyszczow.

44). По свидѣтельству Петриція, она жертвовала своею жизнію для спасенія мужа. См. *Нѣсец.* Korona Polska IV. 309. Въ Дневникѣ Пословъ Польскихъ она показана однако въ числѣ живыхъ.

45). Въ Дневникѣ Пословъ Польскихъ число убитыхъ Поляковъ показано до 1000.

46). Сожгли одного Самозванца. Басманова же, по свидѣтельству Бера, похоронилъ сводный братъ его Князь Иванъ Голицынъ, за Англійскимъ подворьемъ. *Сказ. соврем. о Дим. Самоз. I. стр. 99.*

47). Считаю излишнимъ опровергать сіи дерзкія слова иновѣрца: нелѣпость ихъ очевидна. Замѣчу только: 1) при истинномъ благочестіи, при глубокомъ уваженіи святыни, Русскіе никогда не прибѣгали къ подлогамъ въ дѣлахъ Вѣры: это свидѣтельствуетъ вся Исторія нашей церкви. 2) Шуйскій тѣмъ менѣе можетъ быть подозрѣваемъ въ подлогѣ, что по несомнительному свидѣтельству Государственныхъ актовъ, самыя почтен-

ныя особы удостовѣрились въ Угличѣ въ нетлѣнности мощей св. Димитрія, а именно: Митрополитъ Филаретъ, Астраханскій Епископъ Ѳеодосій, Спасскій Архимандритъ Сергій, Андроновскій Архимандритъ Авраамій; Бояре: Воротынскій, Шереметевъ, Нагіе и проч. Не подкупленный мужикъ, какъ баснословитъ Польскій Писатель, а сіи особы засвидѣтельствовали нетлѣнность св. Димитрія, и по ихъ удостовѣренію мощи его перенесены въ столицу.

48). Изъ Никоновской Лѣтописи видно, что въ сіе время хотѣли измѣнить Царю Василію Иванъ Катыревъ, Юрій Трубецкой, Иванъ Троекуровъ. Первый сосланъ въ Сибирь, второй въ Тотьму, третій въ Нижній Новгородъ.

49). См. о пораженіи Воеводъ Шуйскаго, Князей Трубецкаго и Воротынскаго, въ Августѣ 1606 года, у Бера въ I части *Сказ. соврем. о Дим. Самозв. стр. 111.*

50). По смыслу рѣчи здѣсь ничего не пропущено; между тѣмъ за Сентябремъ слѣдуетъ Мартъ. По соображеніи многихъ обстоятельствъ, думаю, что въ семъ Дневникѣ есть пропускъ между 17 числомъ Сентября 1606 года и 18 ч. Марта 1607 года,

т. е. не описаны случаи послѣ 49 примѣчан. въ продолженіе 6 мѣсяцевъ.

51). То есть Дѣтей Боярскихъ.

52). Должно читать Михайло Салтыковъ.

53). Недалеко отъ Калуги, на Пчелнѣ, 1 Мая 1607 года. Тутъ разбилъ на-голову Царскихъ Воеводъ, Князей Татева и Черкасскаго, мятежникъ Теляшевскій. О сей битвѣ упоминаетъ и Беръ. *Сказ. совр. о Дим. Сам. I, стр. 122.*

54). Sochowniakow, abo ławnikow, вѣроятно *людей сошныхъ.*

55). Вѣроисповѣданіе Греко-Россійское всегда было такъ истинно и непорочно, такъ согласно съ духомъ и смысломъ ученія Христа Спасителя, что я считаю излишнимъ опровергать дерзкія слова иновѣрца, ослѣпленнаго злобою и фанатизмомъ.

56). По всей вѣроятности, рѣчь о Князѣ Григоріи Петровичѣ Шаховскомъ, любимцѣ перваго Лжедимитрія, взволновавшемъ землю Сѣверскую, при Василіи Шуйскомъ.

57). Вѣроятно Давида Васмера и Христофора Рейтлингера, о коихъ упоминаетъ Беръ.

58). Въ Москву прибыли 12 Октября 1607 года чиновники Сигизмундовы Витовскій и Князь Друцкой-Соколинскій.

59). Здѣсь къ сожалѣнію, прекращается сей любопытный Дневникъ. Чрезъ полгода Марина получила свободу и бросилась въ объятія Вора Тушинскаго. Подробности о семъ читатель увидитъ въ Дневникѣ Сапѣги. Судя по заглавію, (см. выше прим. 1) переведенное нами сочиненіе должно итти до 1609 года: послѣдніе листы утратились.

60). Такой деревушки не показано ни на одной изъ нашихъ картъ.

61). Выше сказано, что въ сей каретѣ было 12 лошадей.

62). Играли пѣснь: W każdym czasie tak w szczęściu iako i nieszczęściu и проч.

63). Какъ сія рѣчь, такъ и нѣкоторыя другія находятся въ Дневникѣ Марины Мнишекъ: не желая разрывать связи повѣствованія, я рѣшился помѣстить ихъ вдвойнѣ.

64). Мы помѣстили выше въ примѣч. 15 грамоту Самозванцеву о назначеніи Великихъ Пословъ къ Сигизмунду III.

65). Въ трактатѣ, заключенномъ въ Москвѣ 11 Марта 1601 года съ Канцлеромъ Львомъ Сапѣгою, Борисъ дѣйствительно не хотѣлъ назвать Сигизмунда Королемъ Шведскимъ, подъ предлогомъ, что онъ не извѣстилъ о своемъ восшествіи на тронъ отцовскій.

66). Слѣдовательно это былъ родъ коляски: лѣтомъ въ саняхъ у насъ не ѣздили.

67). Въ Польшѣ тогда была не свобода, а необузданное своеволіе. Читатель увидитъ изъ Дневника Маскѣвича всѣ ужасы Польской анархіи.

68). Надобно разумѣть чрезъ три часа по восхожденіи солнца; иначе будетъ слишкомъ рано.

69). Игнатьевичъ.

70). См. о семъ у Бера, Паерле и Маржерета. *Сказ. совр. о Дим. Самоз. ч. I. 68; II. 55; III. 88.*

71). Въ Дневникѣ Марины Мнишекъ показано вдвое менѣе.

72). Нелѣпый вздоръ! Въ опроверженіе

сей сказки, мы считаемъ достаточнымъ указать на вышеприведенное 47 примѣчаніе.

73). Сіи акты хранятся въ Архивѣ Коллегіи Иностр. дѣлъ. Мы напечатали слово въ слово самый любопытный изъ нихъ, договоръ Самозванца съ Юріемъ Мнишкомъ, въ 57 примѣч. ко 2 части Сказ. совр. о Дим. Самозванцѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дневникъ Марины Мнишекъ.

Глава I.

Глава II.

Дневникъ Пословъ Польскихъ.

УКАЗАТЕЛЬ.

УКАЗАТЕЛЬ.

Конецъ четвертой части.